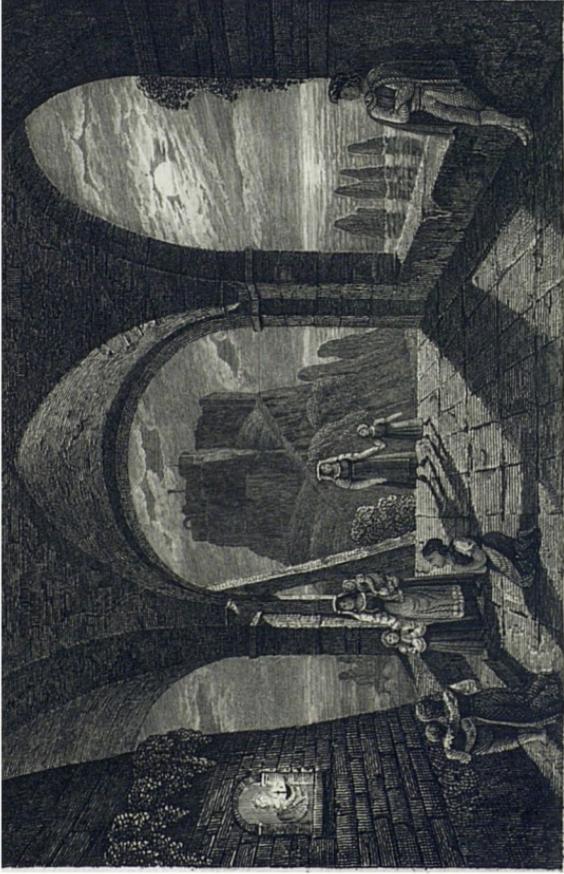

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО

СИЦИЛИИ.

KLASSE 1871
1871

ALTEIN LIT. 1871

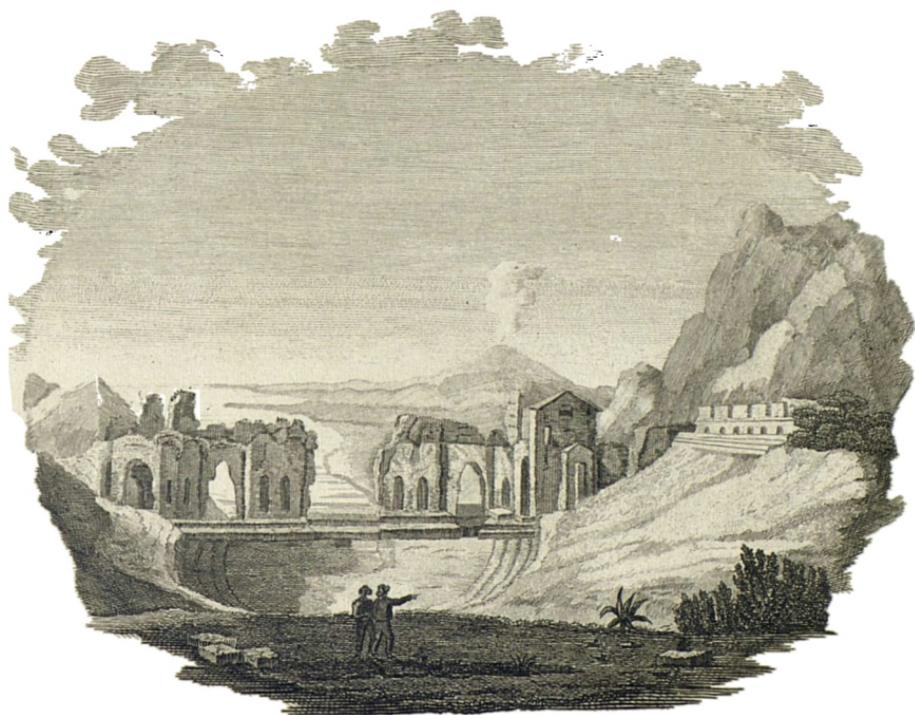
ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО

СИЦИЛИИ,

въ 1822 году.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1828.

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО

СИЦИЛИИ,

ВЪ 1822-МЪ ГОДУ;

А. Норова.

L'Italie et la Grèce ensemble confondues...

(*S^t. Victor. le Voyage du poète.*)

.....
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.
.....

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА СМЕРДИНА.

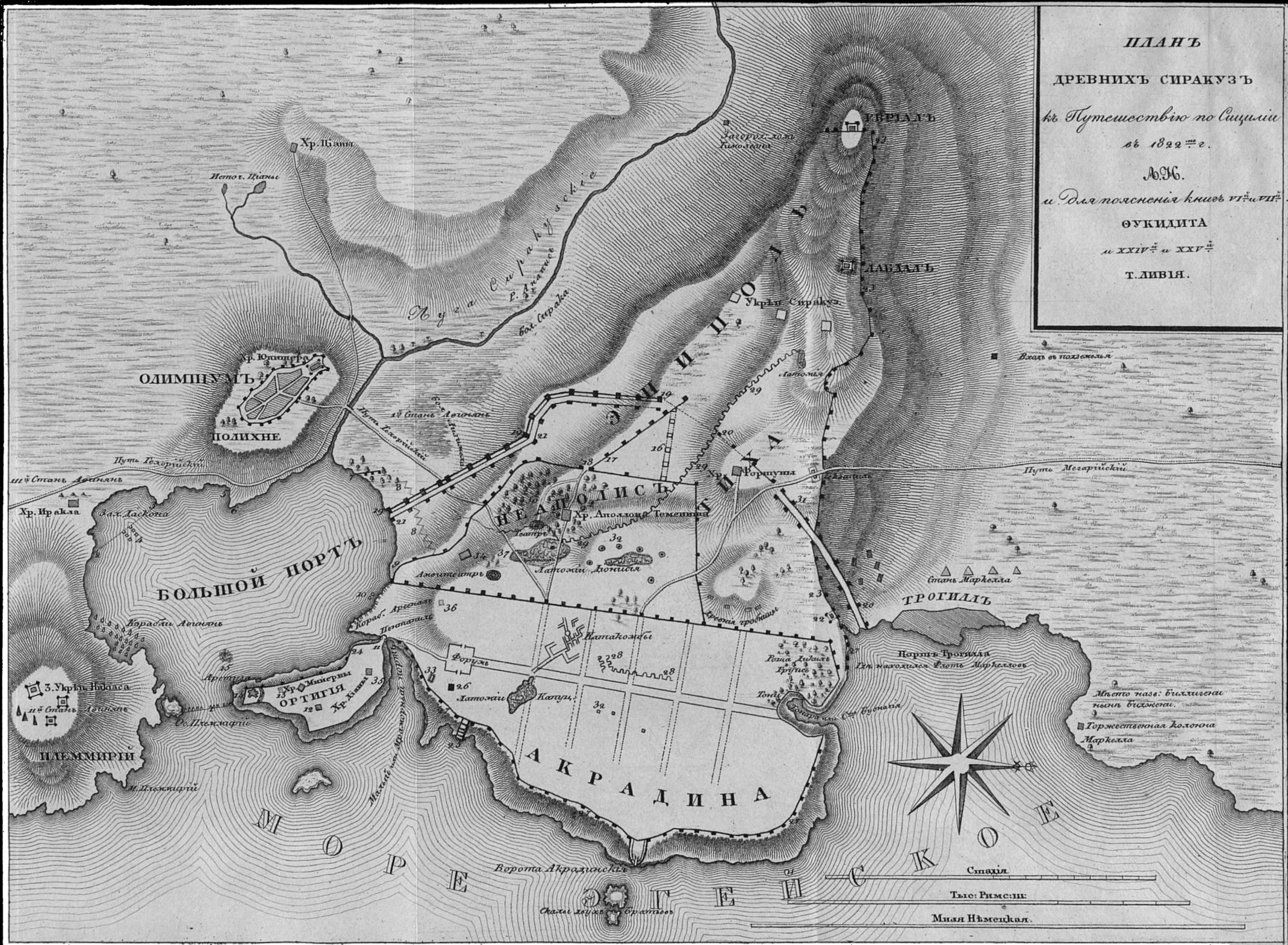
1828.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ нѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типо-
графіи, представлены были въ Главный Цензурный Ко-
митетъ семь экземпляровъ сей книги, для доставленія
куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній, С. Петербургъ.
Апрѣля 5 дня 1828 года.

Цензоръ Павелъ Гаевскій.

ПЛАНЪ
ДРЕВНИХЪ СИРАКУЗЪ
 къ Путешествію по Сициліи
 въ 1822 г.
 А.М.
 и Для поясненія книгъ VI и VII
 ОУКИДИТА
 и XXIV и XXV
 Т. ЛИВІА.

ИЗЪЯСНЕНІЕ ПЛАНА

ДРЕВНИХЪ СИРАКУЗЪ.

1. Устье большой гавани, (8 стад. въ шир.) загражденное Сиракузянами посредствомъ судовъ, связанныхъ между собою цѣпями. (Θук. VII. 59.)
- 2-5. Пристанцище Аѳинскихъ кораблей, защищенное свалми (Θ. VII. 58.)
4. Аѳ. корабли прикрывавшіе поврежденный флотъ. (Θ. VII. 38.)
5. Бухта, куда были пришвены корабли Эвримедона (Θ. VII. 52.)
6. Небольшая *лопа*. (Θ. VII. 55.)
7. Полевая укрѣпленія Аѳинявъ. (Θ. VI. 66.)
8. Укрѣпленія Сиракузявъ направленные отъ города чрезъ болото и ровъ, вырытый ими, дабы воспрепятствовать Аѳинявамъ продолжити ихъ укрѣпленія до моря. (Θ. VI. 101.)
9. Торжище съезжихъ принасовъ, учрежденное Сиракузянами по совету Аристона, для того чтобы мореходцы не опидались отъ кораблей своихъ. (Θ. VII. 39.)
10. Свалъ прикрывавшій Сиракузскую верфь или арсеналь.
11. *Диатриклиа*, или сѣтѣя отдѣлявшая Орпигію отъ Акрадины. (*Діод. XIV. 12. — Плутархъ*, въ ж. Діона. 50.)
12. Входъ въ подземелья Орпигин.
13. Дворецъ Верресовъ.
14. Замокъ Маніаціа.
15. Ключъ быющій со дна моря (Ochio della Zilica), названный: *Алфей*.
16. *Косвенная* сѣтѣя Сиракузявъ. (Θ. VI. 99.)
17. *Простая* сѣтѣя Сиракузявъ, поспросенная панскосъ Эпполя. (Θ. VII. 4—6.)
18. Ворона. (Θ. VI. 100.)
19. Двойная сѣтѣя Аѳинявъ.
20. Проломы, или Θукидитовы βᾶσιμα, aditus per intervalla. (*Vid. Göller.*)
21. Сѣтѣя Аѳинявъ направленная къ морю отъ вышнъ Эпполя, по крайнъ болота. (Θ. VI, 101. — VII. 4.)
22. *Галагра* или Греческая лѣсвица (ворона), гдѣ происходила размѣна цѣпныхъ между Сиракузянами и Аѳинянами, во время

- костей Римскій воинъ счелъ число камней составлявшихъ высоту стѣны. (Г. Лив. XXV, 25.)
23. Стѣны, построенныя Тираномъ Діонисіемъ въ 20 дней, 60-ю тысяч. людей и 6-ю тысяч. воловъ.
  24. Замокъ Діонисія Тирана, нынѣ замѣщенный крѣпостными укрѣпленіями.
  25. Крыльцо высѣченное въ приморской скалѣ.
  26. Останки древнихъ сводовъ, особеннаго построенія.
  27. Стѣны Акрадинскія.
  28. Наружные и подземные водопроводы.
  29. Водопроводы направленные отъ Лапомій, находящихся неподалеку отъ замка Лабдала, и снабжавшіе городъ водою посредствомъ другихъ подземныхъ водопроводовъ, изъ подъ скалы, названной Фукидидомъ *acraion teras*, (нынѣ, следуя *Ареціо* и *Клуверіо*, — *Monte Criniti*; а следуя Бопани: (Sygac. illustr.) — поплъ холма, который находился по дорогѣ отъ *Белведере* къ долигѣ называемой *Piano dell' Aguglia*.)
  30. Гробовыя сногны.
  31. Мѣсто, откуда Маркеллъ обозрѣлъ Сиракузы наканунѣ покоренія сего города. (Г. Лив. XXV. 24.)
  32. Древніе колодцы.
  33. Палаты *о шестидесяти ложахъ*, такъ названныя по числу *возлежащихъ* за ширшеснами Тирана Агаѳокла, по образцу Діонисіевыхъ *30-ти ложъ*. (См. *Ливіей*. Кн. XII.)
  34. Мѣсто, гдѣ находился храмъ длиною въ 1 стадію, построенный Діонисіемъ.
  35. Бани Дафниса, Лирическаго Поэта.
  36. Останки отъ порпиковъ. (Спр. 25.)
  37. Термы, называемыя: *Веспиринъ*. (Спр. 78.)

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Главы:	Стран.
XVII. Плаванье отъ Мессины до Катанія.—Ачин- Реаль. — Катанія.	1.
XVIII. Дорога отъ Катанія до Сиракузь.	15.
XIX. Сиракузы: — Островъ Орпингя.	22.
XX. Сиракузы: — Островъ Орпингя. — Испоч- никъ Арестузы.	56.
XXI. Сиракузы: Предмѣстіе Акрадина. — Ката- комбы. — Латомія.	50.
XXII. Сиракузы: — Большой портъ — Рѣка Ана- писъ. — Испочникъ Ціацы.	68.
XXIII. Сиракузы: — Предмѣстія: Тиха, Неаполсь и Эпполь.	77.
XXIV. Ночь на развалинахъ замка Лабдала.	88.
XXV. Ното. — Долина Испика. — Палацоло и воз- вратъ въ Сиракузы.	100.
XXVI. Обратный путь изъ Сиракузь въ Ката- нію. — Г. Августа.	112.
XXVII. Катанія.	117.
XXVIII. Катанія.	127.
XXIX. Катанія.—Повѣдка къ Циклоновымъ остро- вамъ.	157.
XXX. Взглядъ на Исторію Эпны.	147.
XXXI. Эпна.	154.

XXXII. Этна.	165.
XXXIII. Дорога отъ Николази до Таормины.	184.
XXXIV. Таормина. — Береговой путь до Мессины.	192.
XXXV. Мессина.	206.
XXXVI. Мессина.	217.
XXXVII. Калабрійскій берегъ. — Реджіо.	228.
XXXVIII. Окрестности Реджіо. — Сицила. — Отплы- тіе изъ Сициліи.	255.

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО

СИЦИЛИИ.

ГЛАВА XVII.

ПЛАВАНЬЕ ОТЪ МЕССИНЫ ДО КАТАНИИ. —
АЧИ-РЕАЛЬ. — КАТАНИА.

Lor s'offri di lontano oscuro un monte
Che tra le nubi nascondea la fronte,....
Come quel, che d'Encelado é sul dosso;
Che per propria natura il giorno fuma
E poi la notte il ciel di fiamme alluma.

(*Tasso. Gier. XV. 33 — 34.*)

Мы опплыли изъ Мессины въ пять часовъ по полудни, при хорошемъ вѣтрѣ. Нашъ путь лежалъ прямо черезъ грозную пучину, Харибду. Чи-папель въ правѣ спросить у меня поже, что Сенека спрашивалъ у друга своего, Луцилія, путешественнаго по Сициліи: „соотвѣтствуетъ ли Харибда баснословнымъ преданіямъ о ней? — и что въ нихъ истиннаго?“ Постараюсь отвѣчать на это.

Часть II.

1

Сей знаменитый водоворотъ, безъ баснословныхъ вымысловъ, до сей поры довольно опасенъ мореплавателямъ; но въ отдаленные вѣка, былъ онъ несравненно страшнѣе, потому что проливъ былъ гораздо уже; Плиніи Натуралистъ (1) опредѣляетъ ширину его, въ самомъ узкомъ мѣстѣ, только въ 1500 шаговъ; Діодоръ — около 125 шаговъ болѣе; (2) и многіе другіе древніе писатели вообще мало разспиваютъ межъ собою въ назначеніи сего размѣра. (3) Поэты еще болѣе уменьшили сіе разстояніе: Гомеръ говоритъ, что отъ Сциллы до Харибды можетъ перелетѣть стрѣла; а Силлій-Италійскій, что лай собакъ и даже пѣніе птицъ слышны съ проливныхъ береговъ Италіи и Сициліи. (4) Теперь же, самое малое разстояніе пролива заключаетъ въ себѣ съ лишкомъ три версты. Весьма естественнo, что порывъ моря былъ тогда сильнѣе; водоворотъ, соспавленный изъ двухъ проливныхъ печеній Іонійскаго и Гирренскаго морей, гораздо дѣйствительнѣе; а мореплаваніе находилось еще въ своемъ младенчествѣ: все это объясняетъ грозную славу Фаросскаго пролива. Я теперь буду говорить объ одной Харибдѣ, и прежде всего выпишу знаменитое Гомерово описаніе, на которомъ основаны всѣ вымыслы о ней. „Ты узришь, Одиссей (воспѣваетъ

---

(1) Lib. III, c. 8.

(2) Lib. VI.

(3) См. Cluv. Sic. ant. p. 62. — 4.

(4) Lib. XIV.

великій поэтъ) — другую скалу, (1) гораздо нижеящую и споль близкую опъ первой, чпо пущенная побою спрѣла легко можетъ перелетѣть шуда. На сей скалѣ произрастаетъ высокое и широколиственное фиговое дерево; подъ тѣнію его, богиня Харибда поглощаетъ черныя волны. Три раза въ день она изрыгаетъ ихъ, и при раза опякъ въ себя принимаетъ. Спрашисъ приблизисъ къ ней, когда она поглощаетъ волны. Тогда, ни самъ Посейдонъ не въ силахъ избависъ себя опъ гибели.“ (2) Въ другомъ мѣстѣ:

„Тамъ божественная Харибда спрашно поглощаетъ соленыя волны. Когда же она ихъ изрыгаетъ, по, подобно раскаленному коплу съ кипящею водою, круписъ — и къ верху бьетъ пѣной, — и вся въ разъяреніи, обѣ скалы окроляетъ. Когда же она поглощаетъ соленыя волны морскія, по вся возмущенная внутренносць ея разверзпа; ужасный шумъ потрясаетъ скалы, и дно ея, покрытое черною пиною, видно.“ (3)

Приближаясь къ маяку Св. Сальвадора, возлѣ коего она находицца, я искалъ внимательнымъ взоромъ по взволнованному морю слѣдовъ сего знаменитаго феномена, и вскорѣ замѣпилъ безъ труда, чпо межъ тѣмъ, какъ вездѣ правильныя большія волны слѣдовали дуновенію вѣпра, —

---

(1) Передъ симъ описана скала Сциллы.

(2) *Odys. lib. XI.*

(3) *Id.*

одно токмо небольшое пространство, въ видѣ круга, имѣющаго десять или двѣнадцать сажень въ окружности, оплечалось особенными волнами, кои на семь мѣспѣ плескались къ верху острыми конусами, съ чрезвычайной быстротой, и какъ будто бы кипѣли отъ подводнаго огня, или какъ бы не зная настоящаго своего направленія, бросались туда и сюда. Мы смотрѣли на это зрѣлище, придерживаясь къ песчаной косѣ Св. Сальвадора; но усиливающееся волненіе принудило насъ взять въ глубь, — и для избѣжанія водоворота, который могъ бы сдѣлаться для насъ пагубнымъ, мы быстро направились, пользуясь вѣтромъ, къ берегамъ Калабріи.

Харибда называется Мессинцами *Гарофало* (*Garofalo*). Въ хорошую погоду, при попутномъ вѣтрѣ, водоворотъ сей совсѣмъ не опасенъ, особенно для здѣшнихъ кормчихъ, знающихъ направленіе разныхъ теченій сего пролива; но теченія сіи столь переменчивы, что ихъ весьма трудно опредѣлить: — они обыкновенно мѣняются чрезъ каждые шесть часовъ. Корабли, даже и при бурномъ вѣтрѣ, если только онъ не проливенъ теченію, проходятъ безъ опасности чрезъ Харибду; въ проливномъ случаѣ, гибель ихъ неминуема. Но безвѣтріе почти также опасно для кораблей въ семь мѣспѣ, какъ и буря; не въ состояніи будучи тогда дѣйствовать ни рулемъ, ни парусами, они увлекаются порывомъ теченія и разбиваются или о песчаную косу Харибды или о скалы Сциллы. Малыя же суда, когда они попадаютъ на Ха-

рибду во время бури, водоворотъ приводитъ въ круженіе и опрокидываетъ, но не вовлекаетъ въ себя, — какъ по многіе думаютъ. Мысль, что Харибда вовлекаетъ корабли на дно моря, успрашала мореходцевъ даже во время Римлянъ. Вопъ что говоритъ о ней Сенека: „пы узришь баснословную Харибду; она спокойна, пока не подымается „ложный вѣтеръ, но коль скоро начнетъ онъ душь съ силою, по обширный и глубокій зѣвъ ея поглощаетъ корабли.“ (1) Ужасная глубина моря около Харибды еще досель не опредѣлена, самыя тяжелья гири увлекаются стремленіемъ печенія, недосягая дна; нѣкоторыя измѣренія близъ береговъ, показали опъ 6-ши до 7-ми сотъ фузовъ глубины.

Достигнувъ надлежащей высоты посреди пролива, мы переставили паруса, и полетѣли въ Іонійское море; но вѣтеръ не замедлилъ намъ сдѣлаться проливнымъ, когда мы едва еще прошли мысъ *Али*. На воспокъ синѣлъ Калабрійской мысъ *Зефировѳ*, нынѣ *Спартивенто* (*Spartivento*), ш. е. *раздѣляющій вѣтры*. Мысъ сей еспъ самая южная почка Ипаліи, опкуда открываются пупи въ Адриатическое море и въ Мессинскій проливъ. Съ захожденіемъ солнца, вѣтеръ насъ совершенно оставилъ; полпы дельфиновъ окружили наше судно; они прыгали изъ волнъ одинъ за другимъ; имъ подражали и другаго рода рыбы. Мы почпи не двигались съ мѣста посреди сего много-

---

(1) Videbis stratam illam fabulosam Charybdim, quam diu ab Austro vacat; at si quid inde vehementius spiravit, magno hiatu profundoque navigia sorbentem. (*Consolat. ad Marc. c. XVII.*)

рыбнаго, веселящагося общества, которое угнѣшало насъ въ потерѣ въпродъ. Это зрѣлище походило на что-то фантасмическое. Межь тѣмъ, дымящаяся вершина Эпины начинала освобождаться изъ за облаковъ, возносясь надъ громадами береговыхъ скалъ. Ночью мы приблизились къ берегу, и принуждены были, какъ и прежде, пребывать помощи воловъ, и они привлекли насъ на разсвѣтъ къ ужаснымъ скаламъ мыса *С-то Алессо* (древній *Аргиниумъ*); мы остановились подъ его нависшими сводами въ ожиданіи въпра. Эпопъ мысъ есть спрашилице Сицилійскаго берега; прудно вообразить скалы уродливѣе тѣхъ, которыя его составляютъ: — глубокія пещеры, изрытыя въ нѣсколько спольпій, волнами, зіяютъ у ихъ подошвы; гулъ, раздающійся въ нихъ, спрашенъ, и напоминаетъ Сциллу. Тамъ часто скрываются чудовища, не баснословныя, но весьма существенныя, а именно: такъ называемыхъ *resci-canì*, (буквально: *рыбьсобаки*) пожирающія иногда людей; я купался на семь берегу; но мапрозы запрещали мнѣ далеко опплывать и приближаться къ симъ пещерамъ, не смойпря на то, что онѣ кажупся жилищами *Наядъ*. Волны, ударяя безпрестанно въ скалы, образовали въ нихъ родъ скамей, какъ бы нарочно сдѣланныхъ рукою искусства.

*Intus aquae dulces, vivoque sedilia saxo,
Nympharum domus . . . (1)*

Мѣсто сіе похоже на *Протеево жилище*, (въ четвертой пѣснѣ *Виргиліевыхъ Георгикъ*.) Опды-

(1) *Virg. Aen. L. I, v. 167 — 8.*

хающіе на песчаномъ берегу волны, казались мнѣ спадами *многообразнаго* бога; сюда, часто привлеченные палящимъ зноемъ солнца, выходяишь изъ пучинъ морскіе чудовищные жишели:

Sternunt se somno diversae in litore phocae (1)
и дѣлающся иногда добычею промышленныхъ рыб-
барей.

Съ поднявшимся поуспру въспромъ, мы оспа-
вили мысь Алессо; обходя оный, я замѣпилъ въ
немъ новыя красопы: скалы его образуютъ сквоз-
ные своды, подъ копорыми могутъ укрывашься
рыбачьи лодки; южная спорона представляеть
во всю высоту совершенно опивѣсную каменную
стѣну. Вѣтхій замокъ вѣнчаетъ дикую вершину
сего мыса.

Вскорѣ, болѣ живописный и болѣ величе-
спвенный мысь *Таормино*, съ цѣлымъ городомъ
и нѣсколькими замками, споящими на ребрахъ и
шпицахъ его скалъ, — обворожилъ мои взоры.
Давно уже курящаяся вершина колоссальной Эл-
ны господспвовала надъ нами и надъ всѣмъ гори-
зонтомъ; — но, прошедъ мысь Таормино, сей огне-
дышащій исполинъ предспалъ во всемъ величїи —
и нося на мощныхъ раменахъ своихъ множеспво
городовъ и селеній, сады и лѣса, словомъ сказать,
цѣлую область, цвѣтущую подъ спрашнымъ по-

---

(1) Id. Georg. IV.

кровомъ его, — упирался огромнымъ основаніемъ въ ревущее море. Полоса дыма протягивалась отъ вершины грознаго волкана чрезъ все небо. Всѣ прочіе очаровательные предметы исчезли предъ моими глазами, при видѣ сего спрашилища южной Европы; увидѣвъ Эпну, я долго ничего не видѣлъ, кромѣ ее; все, чипанное мною о семь дивномъ феноменѣ, возобновилось въ моемъ воображеніи, — и я не замѣнилъ, какъ мы приспали къ чернымъ улесамъ *Аги-Реалля*. Угольный цвѣтъ ихъ невольно обращаетъ на нихъ вниманіе, — и вы скоро узнаете, что всѣ сіи черныя громады супъ охладѣвшіе попоки лавы, нависшіе многими слоями надъ безднами моря. Путешественникъ, съ первымъ шагомъ на берегу Эпны, еще весьма далеко отъ спрашиаго ея святилища, — пораженъ уже величественнымъ ужасомъ; онъ узнаетъ берега Гиганповъ и Циклоповъ, грозу мореходцевъ древняго міра и предметовъ высокихъ пѣсней поэтовъ!

Берегъ сей можетъ погрузить въ задумчивость Натуралиста и Философа. Лава, изъ которой онъ составленъ, имѣетъ, какъ я сказалъ, множество слоевъ, различной древности и разныхъ опитѣнокъ; памъ можно начестъ до двадцати слоевъ пакой лавы, копорая уже оземленѣла. Геологи соглашаются, что лава превращается въ землю не прежде, какъ чрезъ двѣ тысячи лѣтъ, — и многіе Натуралисты доказываютъ симъ насполицую древность нашей планеты. По ихъ предположеніямъ, двадцать слоевъ оземленѣвшей лавы

въ берегахъ Ачи, показываютъ 40,000 лѣтъ существованія земнаго шара; но ихъ предположенія въ семь случаевъ ошибочны, ибо Этна изрыгаетъ не одну лаву, но иногда потоки грязи или глинистой золы, которыя дѣлаются епособными для растеній. Но древность Этны и вмѣстѣ съ симъ земнаго Шара, могутъ справедливѣе доказать раковинные слои, — слѣды потопа, находящіяся на большой высотѣ и лежащія на слояхъ лавы.

Карантинные чиновники *Ачи-Реалля*, заставили насъ долго дѣлать наблюденія надъ береговою лавою сего города. Нѣтъ ничего несноснѣе обрядовъ, коимъ подверженъ всякій разъ путешественникъ, приставая къ берегамъ Сициліи; хотя бы онъ приплылъ на рыбацкѣй лодкѣ, съ разстоянія двухъ или трехъ миль, но всегда долженъ быть освидѣтельствованъ карантинномъ, и вездѣ платить за это пошлины. Правительствово употребляетъ сіи обряды болѣе для удостовѣренія своего въ лицахъ, пристающихъ къ берегамъ. Получа разрѣшеніе, мы употребили болѣе получаса для доспигенія береговой вершины по спусенямъ, изсѣченнымъ въ лавѣ, живописными переломными линиями; навьюченные ослы безпрестанно заграждали намъ путь; наконецъ мы всступили, пробираясь сквозь толпу, въ необыкновенно-шумный городъ, поржествующій тогда одинъ изъ своихъ годовыхъ праздниковъ, — въ честь *Венерѣ*, хотя ни въ какомъ Христіанскомъ календарѣ не существуетъ сего имени. Каждая Сицилійская деревня обре-

чена какому нибудь святому, или даже фантаспическому существу. Эпопъ народъ до сей поры не можетъ распаться съ Мифологіею Грековъ, которая очень сродна ихъ распаленному воображенію. Мы захватили только конецъ праздника Венеры, но есть оспапки иллюминаціи и фейерверка; но мы заспали еще ярмонку: всѣ улицы успавлены были палатками съ поваромъ и усѣяны шумящими покупщиками и веселящимся народомъ.

Городъ Ачи хорошо выстроенъ; онъ заключаетъ 15 тысячъ жителей и производитъ изрядный торгъ шелковыми тканями, а болѣе всего хлопчатомъ. Землетрясеніе 1818 года было для него пагубно; но слѣды онаго почти совсѣмъ изгладилась. Здѣсь, во времена Римлянъ, былъ городъ *Acis Aquilea*, такъ названный по имени Римскаго военачальника.

Мы едва могли найсти здѣсь одну неопрятную комнату, для ночлега; всѣ дома были наполнены приѣзжими. Безпокойное помѣщеніе заставило насъ ускорить нашъ отъѣздъ. Принскавъ шляпку, которая должна была на утро оплыть въ Сиракузы, и уговорясь съ мажорсами, мы оспались ночевать. Нѣкоторые поспояльцы позабавили насъ рассказами о празднествахъ Ачи-Реаля. Набожность Сицилійцевъ, какъ я сказалъ уже, исполнена суевѣрія; мы видѣли образчики эпого на празднествѣ Св. Розалии, въ Палермѣ; но здѣсь,

оно превосходитъ всякую мѣру. Только недавно опомѣнили обрядъ представляющъ въ лицахъ распятіе Иисуса, коего божественное лице занимаемо было первымъ, взятымъ изъ толпы, человекомъ. Въ Мессинѣ до сей поры еще, на праздникъ Успеніи (*la Vaga*), (1) сажаютъ на вершину огромнаго подвижнаго зданія, магноза, облеченнаго въ одежду спарца; онъ изображаетъ самаго *Бога Саваоа*, и принимаетъ изъ рукъ Ангеловъ, въ видѣ младенца, душу Пресвятой Богородицы, простертой на одрѣ, — и все это представлено живыми лицами; дѣпи-Ангелы, привязанные на спрашной высотѣ къ вертящимся колесамъ, наполняютъ иногда воздухъ воплями и пугаютъ зрителя.

На другой день, поуспру, мы оставили Ачи, и направились, на ослахъ, къ деревнѣ *Трицѣ*, гдѣ насъ ожидала нанятая нами шлюпка. При выѣздѣ изъ города, громада Эпны поражаетъ удивленіемъ взоры; неподалеку отъ города, мы переѣхали черезъ быспрый ручей, бѣгущій по кускамъ лавы: — это баснословная рѣчка *Ацисѣ*. Кому не извѣстно печальное происшествіе съ паспухомъ сего имени, любимымъ прелестною Галашеею, по коей шипецно вздыхалъ дикой Полиемъ! (2) Сей грозный завистникъ нашель однажды обоимъ любовниковъ, опдыхающихъ подъ приютнымъ кровомъ нависшей скалы; пламень презрѣнной любви взволновалъ его

---

(1) Т. е. гробница.

(2) Ovid. Metam.

кровь — и онъ однимъ ударомъ мощной длани низ-
провергъ скалу на спраспаиго Ациса. Она до сей
поры еще лежитъ въ волнахъ, и паспухи пока-
жутъ вамъ слѣды невинной крови, въ краснова-
пыхъ жилахъ камня, — и не ужели позпъ опверг-
неть справедливостъ сего происшесствія? Здѣсь
нѣсколько окреспныхъ деревень носятъ одинакое
прозваніе: *Аци*, — какъ бы повпоря имя нѣжнаго
паспуха . . . Если бъ не воспоминаніе объ Ацисѣ
занимало меня тогда, то я бы нашелъ весьма без-
покойнымъ нашъ путь, при сильномъ зноѣ, по
устарѣлой лавѣ и сѣрной пыли, отъ которой
большая часть здѣшнихъ спариковъ слѣпнеть; но
спихи Гомера, Теокрыпа, Овидія, Виргилія, копо-
рые припоминалъ я на воспѣпыхъ ими мѣспахъ,
дѣлали путь сей для меня пріятнымъ. Вскорѣ мы
приблизились къ берегу, и спустились съ него у
мыса *Молини*, копорый долго считался за древній
Ксифоніумъ, попъ самый, къ коему приспалъ Це-
зарь, во время междуособной войны въ Ипаліи,
и гдѣ онъ выпроилъ себѣ скромное жилище; но
теперь доказано, что Ксифоніумъ занималъ мѣ-
сто нынѣшней Августы. (1) Сходя съ берега, насъ
ошибъ тяжелый запахъ, называемый Ипаліянца-
ми общимъ именемъ: *cattiva aria*; оный происхо-
дитъ отъ сильного дѣйствія жара на споячія во-
ды; мы перешли черезъ пекуцій ручей, едва вы-
нося зловредныя его испаренія. Въ добавокъ къ
гнилоспи сего мѣста, здѣшніе жипели моютъ въ
шомъ ручѣ лень, копорый пакже испаряясь, сгу-

---

(1) Cluv. p. 136.

щаетъ еще болѣе воздухъ. Мы увидѣли тушь нѣсколько шалашей, гдѣ сидѣли за кувшинами вина и за фруктовымъ завпракомъ толпы почли нагихъ жнецовъ, — блѣдныхъ, какъ заключенные преступники и споль же дикаго вида, какъ новооткрытые островитяне. Наконецъ мы достигли моря. На берегу нѣсколько блѣдныхъ хижинъ составляютъ мѣспечко *Трицу*, населенное Мальпійскими рыбаками; но вообразите нашу досаду, когда мы ожидая найти гошовую сияшья съ якоря шлюпку, увидѣли самую укромную рыбачью ладью, стоящую еще на пескѣ! Гнѣвъ нашъ не много бы помогъ: — мы принуждены были рѣшиться ввѣрить себя уплому челну, и понуждать лѣнливыхъ рыбаковъ къ скорѣйшему отправленію. Они дожидались нашего приѣзда для снаряженія лодки, и только при насъ начались всѣ хлопоты. Правда, что въ полчаса было все гошово: сдѣланъ тростниковый навѣсъ въ защиту отъ солнца; навязанъ парусъ, прикрѣпленъ шеспъ вмѣсто мачты, прилажены чепыре весла; и вообразите себѣ, что мы, по непротспительной неосторожности, опшлы на споль дурно снаряженной ладѣ, въ Сиракузы, опстоящіе миль за 50, моремъ, которое начинало бушевать! Нашъ путь лежалъ мимо дикихъ островковъ Циклоповъ, опстоящихъ неподалеку отъ берега. Острова сіи суть не что иное, какъ нѣсколько живописныхъ подводныхъ скалъ, образованныхъ лавою и презирающихъ, нѣсколько уже спольпій, ярость волнъ. Должно предполагать, что они были отпоргнуты отъ

берега ужаснымъ землетрясеніемъ; они привлекаютъ вниманіе Натуралистовъ, и я буду говорить о нихъ подробнѣе на возвратномъ пути моемъ изъ Сиракузъ. Волненіе воспрепятствовало намъ приблизиться къ нимъ; лодка могла бы разбиься объ острия ихъ ребра, и при томъ мы начинали уже размышлять о необдуманной поѣздѣ нашей. Пока берегъ былъ еще близокъ, мы молчали; но когда увидѣли, что дерзкіе рыбаки берутъ прямое направленіе чрезъ *Катанской* заливъ, и что въперъ усиливается, мы прервали молчаніе и пожелали узнать ихъ намѣреніе? Они хладнокровно отвѣчали: что идутъ прямо на мысъ *Санто-Кроче* (*Santo Croce*), едва снѣвшій въ сомнительной дали; путь мы поняли всю смѣлость Сицилійскихъ рыбаковъ, и видя, что лодка ежеминутно грозитъ опрокинуться или бытъ залитою волнами, немедленно велѣли перемѣнить направленіе и плыть въ *Капанію*, коей башни были уже видны; рыбаки долго спарались отклонить насъ, но—видя что мы твердо рѣшились, перевернули парусъ, и, менѣе нежели въ часъ, съ помощію бурнаго вѣтра мы вошли въ гавань *Капаніи*.

Г Л А В А XVIII.

Дорога отъ Катаніи до Сиракузь.

Giungono al fin là dove un sozzo e rio
Lago inpaluda ed un castel n'è cinto,
Nella stagion, che l' sol par' che simmerga
Nell ampio nido, ove la notte alberga.

(Tasso. G. I. VII. 28.)

Капанія обязана чудеснымъ образованіемъ своей гавани — Эпнѣ. Ужасное изверженіе ея, въ 1669 году, объяло сей прекрасный городъ рѣками огненной лавы, которая, поглотивъ нѣскольکو городовъ и селеній и нагромоздивъ, съ обѣихъ сторонъ города, цѣлыя горы, погрузилась въ буншующее море, отодвинувъ далѣе предѣлы его. Можно изъ этого предсавить, какъ поразипеленъ входъ въ гавань Капаніи, сосавленную изъ громадъ черной лавы, — страшной и въ охладѣніи своемъ! Исполинъ Эпна, уже во всемъ величїи, господспвуетъ здѣсь надъ главою вашею: дымящаяся большими клубами вершина его, ежеминупно грозиптъ бѣдою, и необычайная груда сія шягопиптъ, кажется, землю и море.

Скромный видъ нашей лодки засавилъ насъ болѣе получаса дожиданься освидѣпельспвованія каранпипныхъ чиновниковъ; медленность ихъ выводила насъ изъ терпѣнія; напослѣдокъ ихъ учпип-

воспи и извиненія, по прочтеніи нашихъ паспортовъ, доставили намъ шопъ-часъ шолпы проводниковъ. Вышедъ на берегъ, мы съ удовольствіемъ увидѣли себя посреди города самой блестящей наружности; покойная госпинница и хорошій обѣдъ также способствовали къ доброму заключенію объ немъ; но я подожду говорить и объ Капаніи, до возвращающаго моего пуши; мы спѣшили достигнуть послѣдней цѣли нашего путешествія по Сициліи: — громкое имя Сиракузъ звало меня, и намъ предстоялъ еще большой день пуши.

Испытавъ всѣ роды ѣзды, мы хотѣли' познакомиться съ путешествіемъ въ *летиебъ*; и подрядили эшопъ экипажъ за довольно сходную цѣну. Едва успѣли мы опобѣдаться, какъ уже слышій звонъ множествъ бубновъ, возвѣспилъ намъ прибытіе нашего конвоя; чипапель помнилъ описаніе сихъ конныхъ носилокъ: — два сильные лошака впереди, и одинъ сзади, были впряжены въ оныя, а другіе два приготовлены были для нашихъ вьюковъ. Мы не могли глядѣть безъ смѣха на эшопъ снарядъ; не видя подножекъ, мы не знали, какъ приступить, чтобъ влѣзть въ кузовъ; но въ ту же минуту, два наши проводника вынули небольшую дощечку, и взявъ ее, каждый съ одного конца, приглашали насъ взойти по сей ступени. Наконецъ, съ большимъ шумомъ и поржесствомъ, пошянулись мы по улицамъ Капаніи: два кавалериста, п. е. одинъ изъ вожатыхъ и нашъ лакей, сидя на большихъ вьюкахъ, предводили ходъ; за

ними неслись величественно мы двое, сидя другъ прошивъ друга и имѣя подлѣ себя другаго вожакаго скороходомъ, съ длиннымъ шестомъ въ рукѣ для управленія лошаками. Намъ казалось, что взоры всей Капании устремлены были на насъ, тогда, какъ мы одни только удивлялись странности нашего путешествія. Нельзя объяснить того необыкновеннаго движенія, которое чувствуемо въ *летигѣ*; оно непріятно и походитъ на неровное дерганье, которое весьма увеличивалось отъ чрезвычайно дурной дороги. Я оглядывался безпрестанно на синѣющей колоссъ Элины, упиравшійся дымнымъ челомъ въ дальнѣйшія облака и изпещренный; при подошвѣ своей, всѣми дарами Помоны и Вакха. Мили съ четыре ѣхали мы роскошными садами, изобилующими наиболѣе кактусомъ и фиговыми, шелковичными и миндалевыми деревьями; но мало по-малу пустыня занимала мѣсто обработанной земли, — и въ сумерѣки приблизились мы къ луговымъ берегамъ древней рѣки *Симеты* (нынѣ *Джіарета*). Баснословіе повѣствуетъ, что на берегахъ ея, Нимфа Талія была любима Юпитеромъ. Спрашася мщенія Юноны, она просила его заключить ее въ нѣдра земли; Зевесъ внялъ ей моленію, но — когда пришелъ ей срокъ родить, по плодъ ея (два близнеца въ одномъ пѣлѣ) вышли изъ земли; почему они и были названы *Палиги*, что значить *рожденные землею* (1). Сицилійцы воздали имъ божескую честь и воздвигли

---

(1) Macrob. Saturn. L. V, c. XIX.

гли при источникѣ сей рѣки, на озерѣ — храмъ, который сдѣлаея знаменитъ. Аристотель пишетъ (1), что воды сего озера имѣли свойство обличать неправду, и что подозрѣваемые въ преступленіи, должны были, написавъ на доскѣ оправданіе свое, бросить оную въ озеро — и тогда, истинное свидѣтельство оставалось на поверхности воды, а ложное утонуло. Фацелло свидѣтельствуесть, что въ его время были еще видны малые остатки основанія храма *Палиги*; озеро это существуетъ, и полъ же историкъ говоритъ, что оно имѣесть, такъ какъ и въ древности, при подводныя опверсенія, изъ которыхъ бьетъ къверху на при фупа кипячая вода; но что запахъ ея зловреденъ; что скопъ, напившись отъ оной до восхожденія солнца, — умираесть, — и даже, иногда, пролепающія пилицы падають безъ жизни. Сіи общоятельства слишкомъ любопытны, чтобъ умолчать объ нихъ; но трудность болопистаго пупи и краткость времени не позволили мнѣ повѣрить самому сего разсказа. Послѣ узналъ я однакъ слѣдующія подробности о семъ озерѣ: оно находится возлѣ мѣстечка *Минео*; воды его всегда находятся въ большемъ движеніи и одѣны смоляною пленою; лѣпомъ озеро почти совсѣмъ высыхаесть, — и тогда вода остаесть въ шести или семи колодезяхъ, имѣющихъ неизмѣримую глубину; они часно выбрасывають воду болѣе нежели на аршинъ въ вышину. Эпопъ феноменъ есть

---

(1) Lib. de mirandis. — Diod. Sic. L. XI. — Virg. Aen. L. VI. — Faz. Dec. I. Lib. III, c. 2.

почпи поже, что и Макалубскіе *сальсы* близъ Агригенга, и происходишь опъ вырывающагося подземнаго вѣпра. Испаренія сихъ водъ производятъ въ челоуѣкѣ сильныя головныя боли, и говорятъ, что животныя, засыпающія прошиву вѣпра на берегу озера, часто умирають. Изъ сего видно, что Фацелло, часто легкоуѣрный, въ семь случаѣ справедливъ; не знаю только, правду ли говоритъ онъ о пшицахъ.

Мы переѣхали *Силету* на паромѣ. Сія рѣка изобилуетъ янпаремъ; за нею начинаются болотистыя мѣста и споячія воды; вся эша спрана кажется совершенно оставленною, мѣжь тѣмъ, какъ прежде процвѣтали тупъ — *Моргенція*, памъ — *Мегага* или *Гибла*, окруженная горами сего послѣдняго имени, споль знаменитыми своими ароматными распеніями и медомъ; далѣ — плодородная *Леоптина*, жилище дикихъ Леспригоновъ. Даже елѣды сихъ городовъ, за исключеніемъ послѣдняго (нынѣ *Лентини*) — исчезли. Слѣдуя вдоль береговъ разъяреннаго моря, мы благодарили судьбу, вложившую намъ мысль оставить рухлую лодку: иначе — сія самая ночь могла бытъ для насъ послѣднею. Запустѣніе, шумъ волнъ и слабый свѣпъ луны, прозирающей сквозь густыя тучи, имѣли свою красоту. Проѣхавъ рѣчку *Кантару* (древній *Алабусъ*), мы увидѣли у подошвы скалы стѣны полуразвалившейся крѣпости, выстроенной нѣкогда для защиты опъ Африканскихъ корсаровъ; имя сего мѣста, если не ошибаюсь — *Ланъано* (*Lagnano*). Хопя мы имѣли уже на

добнось въ опдохновеніи; но Чичерони намъ опсовѣповалъ намъ оспанавливапсья, по причинѣ дурнаго воздуха (*cattiva aria*); мы сами чувспвовали удушливывя испаренія, и попому, полусонные, начали взбираться на предспоявшую лѣсистую скалу; нашъ вожатый вскорѣ предложилъ намъ выдпи изъ лепиги, ибо пупъ дѣлался весьма прудень. Ходьба разсѣяла нашъ сонъ, и мы любовались картинною дикоспью скалъ, мрачноспью лѣса и игрою лунныхъ лучей въ волнахъ, дробящихся съ большимъ шумомъ о камни. Я жалѣлъ, что темнота препяшспвовала видѣпшь опдаленность, но я предугадывалъ воображеніемъ городъ Августу съ заливомъ, изгибистые берега моря и громаду Эпны. Тяжелый воздухъ долго насъ не оставялъ; но онъ дѣлался менѣ чувспвишелень, когда мы спуспились по шу спорону скалъ, образующихъ мысь *Пиетро - Лунго*. (*Pietro Lungo*). За нимъ слѣдуюпшь опяпть долины, — но сухія и безплодныя. На зарѣ приспали мы къ сараю, обипаемому однимъ человѣчесѣимъ сущеспвомъ, — спорожемъ безмолвной спепи; пупъ мы оспановились и посвятили часа при сну на соломѣ, посреди лошаковъ.

Съ разсвѣпомъ, мы продолжали пупъ по берегу моря; вправѣ синѣли Гиблейскія горы. Въ мѣстечкѣ Мелили, находящемся у подошвы ихъ, неподалеку опсюда, обрабопывали нѣкогда сахарный шроспникъ и дѣлали сахаръ; но всѣ испочники богатспва Сициліи изсякаюпшь нынѣ опъ безпечноспи начальспва. Вскорѣ опкрылся намъ

песчаный мысъ *Мангизи* (*Manghisi*), древній *Тансусѣ*, простирающійся на двѣ мили. Почти противъ него, по правой сторонѣ дороги, показали намъ остатокъ поржеспвеннаго памятника, воздвигнутаго Маркелломъ по взятіи Сиракузъ; теперь существуетъ одно основаніе памятника, составленное изъ большихъ камней, въ видѣ обширнаго столпа. Землетрясеніе 1542 года разрушило оный.

Г Л А В А XIX.

СИРАКУЗЫ. — ОСТРОВЪ ОРТИГІЯ.

Urbem Syracusas, maximam esse Graccarum urbium pulcherrimamque omnium, sacpè audistis; est, judices, ita, ut dicitur.

(*Cic. Verr. A. II, L. IV, c. 52.*)

Уже недалеко въ вспавали передъ нами нагіе холмы, кончающіе печальную долину, по коей мы ѣхали; они пропягивались косвенно отъ береговъ моря во внушренность полей, возвышаясь поспепенно. Груды камней, разбросанныя по вершинамъ ихъ, оспановили наше вниманіе: — увы! по были спѣны могущеспвенныхъ *Сиракуздъ*! Не могу выразишь того чувспва меланхоліи, кошорое овладѣло мною съ приближеніемъ къ печальнымъ, но краснорѣчивымъ оспанкамъ сего великаго города, соперника Аѣинъ! Чувспво сіе равнялось съ нѣмъ, кошорое волновало душу мою при первомъ взглядѣ на Тибръ и на семихолмную споліцу древняго міра.

Приближаясь къ симъ висопамъ, мы замѣпили, при подошвѣ оныхъ, нѣсколькo пещеръ; поднявшись, мы попирали ужè прахъ *Акрадини*, восточнаго предмѣспья Сиракуздъ. Первый взглядъ на знаменипыя мѣспа, гдѣ были Сиракузы, встрѣ-

чаешъ опустошеніе и ряды раскрытыхъ гробницъ, выдѣланныхъ въ скалахъ; — онѣ походятъ на *стѣпныя* гробницы Агригенна; нѣкоторыя изъ сихъ памятниковъ являютъ слѣды большаго великолѣпія; я замѣпилъ, на моемъ пути, два, украшенные порпиками съ колоннами Дорическаго ордена; время начинаетъ уже сглаживать на нихъ работу рѣзца; но широколиственное алоэ, пучный кактусъ и перевивающійся плющъ, вырываясь изъ прещинъ желтаго камня, замѣняютъ теперь украшенія искусства; здѣсь, уединенный кипарисъ оплѣняетъ среди знойной пустыни предпочтенную имъ гробницу; пальма, молодая пальма стоить сиропюю на берегу моря... Могильное безмолвіе заступило шумное волненіе ползы, громъ оружія, стукъ колесницъ; — одни только слѣды сихъ послѣднихъ видны еще на каменномъ слобѣ, который былъ природнымъ помостомъ города. Могъ ли ожидать гордый гражданинъ Сиракузъ, чтобы слѣды быспропечной колесницы пережили славу и великолѣпіе его опечесства? — И вопъ что оспалось опъ города, заключавшаго въ себѣ пять городовъ, — и который былъ споль громко привѣспивуемъ пламеннымъ Пиндаромъ: „О Сиракузы!“ восклицаетъ онъ, „сколь обширное поприще покрываютъ великолѣпныя грады пивои! Храмъ грознаго бога брани! опчизна великаго народа и гордыхъ коней, коихъ хребны покрыты блестящей спалью и чья внуспренность горилъ ярымъ желаніемъ сполкнулъ ряды враговъ и попираетъ кровавые ихъ прупы!

„Я снова возвращаюсь изъ Фивъ, пѣвцемъ пво-
„никъ!“ (1)

Миновавъ ряды гробницъ, открываются новыя Сиракузы, состоящія изъ крѣпости, выспроенной на оспровѣ *Ортигии*; а далѣе — равнины Эгейскаго моря... Проѣхавъ еще нѣсколь-ко, по опустошенной землѣ, мы находились въ пріютной тѣни фиговыхъ деревь и плапановъ необыкновенной красоты; быспрый ручей гремѣлъ по камнямъ; яркая зелень расплалась вдоль береговъ его; упомленный паспухъ и пара огромныхъ воловъ пили изъ высѣченной въ камень водо-пойни; приклоненныя къ землѣ вѣтви фиговаго де-рева скрывали въ свѣжей мглѣ своей двухъ молодыхъ дѣвушекъ, копорыя рвали плоды и бро-сали ихъ въ корзину преснарѣлой ихъ машери, сидѣвшей возлѣ. Одна изъ сихъ поселнокъ, лѣтъ четырнадцати, настоящая Нимфа, съ большимъ шрудомъ нагибала вѣтви, и споль же молодой паспухъ пособлялъ ей: — это живая картина *Виргилія*;

Saepebus in nostris parvam te roscida mala,
Dux ego vester eram, vidi cum matre legentem;
Alter ab undecimo tum me jam ceperat annus;
Jam fragilis poteram a terra contingere ramos. (2).

Мы перцѣли опть жажды и жара, и весьма охопно сошли съ лошаковъ, чпобъ прохладиться въ семъ *ландшафтѣ*. За симъ счастливымъ угол-

(1) Pind. Pyth.

(2) Ecl. VII, 37 — 40.

комъ слѣдуютъ прежнія виды опустошенія, до самой крѣпости Сиракузъ. Двѣ обломанныя колонны выходятъ изъ земли и оспанавливаютъ жадный взоръ, вопще ищущій памятниковъ по пустой окрестности . . . Сии колонны суть остатки великолѣпныхъ портиковъ, украшавшихъ предмѣстье *Акрадицы* (1); сверхъ того видны еще нѣсколько основаній прочихъ колоннъ. Съ невольною печалью приблизился я къ острову *Ортигii* — колыбели *Діаны* (2) и великихъ Сиракузъ, копорья, наполнивъ міръ своею славою, давно уже оцѣпъ возвратились въ шуже колыбель, изъ копорой возникли. Мы вѣхали на сей знаменитый островъ по чепыремъ, подъемнымъ мостамъ, чрезъ глубокіе рвы и сквозь при ряда баспіоновъ. Это напомнило мнѣ жилище пирана *Діонисія*. Извѣстно, что его спальня окружена была недоступнымъ рвомъ, чрезъ копорый велъ подъемный мостъ; шуда не имѣли доступа ни жена его, ни дѣти; дворець его былъ на семъ самомъ острову; но я успѣшилъ замѣнить въ памяти своей имя *Діонисія* сладкими именами *Архимеда*, *Тимолеона*, *Θеокрипа*, *Плапона*, — и думалъ: я дышу тѣмъ воздухомъ, копорымъ они дышали; я вижу тѣ предметы, копорые они видали; — и, попираю ихъ прахъ!

Спокойная гостинница и хорошій обѣдъ возстановили удраченныя наши силы; здѣшнія вина

---

(1) Cic. in Verr. II. IV, c. LIII.

(2) *Pind. Nemea I.* Inclitarum Syracusarum germen, Ortygia, cubile Dianae,

славны и въ древнихъ и въ новыхъ временахъ; они льстятъ не только вкусу, но и обонянiю. Извѣстное въ древности Сиракузское вино, называемое: *Поліосъ*, по имени одного Царя, едва ли было лучше эшого (1). Споловая роскошь Сиракузянь соблазняла Платона, исправилеля ихъ нравовъ: *Syracusanam mensam, o amice*, говоритъ онъ, *ac Siculam obsoniorum varietatem laudare non videris* (2). Къ десерпу намъ подали славимый *Гиблейскій* медъ, прозрачный, какъ янтарь, и благоухающій — какъ букетъ цвѣповъ. Греки и Римляне предпочипали только поцѣлуи своихъ любовницъ сладоспи медовыхъ соповъ Гиблейскихъ горъ (3).

Nerine Galatea, thymo mihi dulcior Публае... (4)

говоритъ *Виргилій* устами *Аркадiйца*. Древнiе Сицилiйцы слыли большими *гастрономами*; — *Гораций* часто воспѣваетъ Сицилiйскiя яства, *Siculae dapes* (5). — Повѣствуютъ, что въ Сицилiи были воздвигнуты — храмъ, посвященный *жадности* и статуя *Церерѣ*, прозванной *Sito*, п. е. богиня

---

(1) Ael. XII. 31.

(2) Plat. polit. L. III. Ath. Deipnos. L. XII.

(3) Въ древности три горы имѣли общее названiе: *Гиблы*: — 1, Публа major, нынѣ *Матерно*; 2, Публа minor, нынѣ *Мелiи*; 3, Публа parva, нынѣ *Модика*. Торговъ Гиблейскимъ медомъ производился съ большимъ успѣхомъ. Промышляющiе онымъ начинаютъ употреблать въ пользу медовую сбойну, дѣлая изъ нее ромъ.

(4) Virgil. Ecl. VII, v. 37.

(5) Horat. L. III, Od. I. — См. также *Suid.* art. Syrac. mensa.

яспивъ (1). Слѣдующіе стихи изъ Плавпа показы-
ваютъ вполнѣ сласполубіе древнихъ Сицилійцевъ:

Ei erat hospes, par illius, Siculus senex
Scelestus, Agrigentinus, urbis proditor:
Is illius laudare infit formam virginis,
Et aliarum itidem, quae, eius erant mulierculae.
Infit lenoni suadere, ut secum simul
Eat in Siciliam, ibi esse homines voluptarios
Dicit: potesse ibi fieri cum divitem:
Ibi esse quaestum maximum meretricibus.
. . . . .

(Plaut. in Rudentc.)

Въ Мессинѣ, достопочтенный Прелатъ г-нъ
Грани снабдилъ насъ рекомендапельными письма-
ми въ Капанію и Сиракузы; — по сему случаю
мы нашли здѣсь весьма любезнаго человѣка, г-на
Прокурора *Zanui* (2); онъ не замедлилъ посѣпить
насъ въ потъ же день и доставилъ всѣ способы
для нашихъ обозрѣній. Съ уменьшеніемъ зноя, онъ
предложилъ намъ прогулку по нѣкоторымъ оспап-
камъ древности на островѣ Орпигіи, который,
какъ я сказалъ, заспроенъ нынѣшнимъ городомъ.

---

(1) Acl.

(2) Ему-то мы обязаны пріишными дѣлами, проведенными нами въ
Сиракузахъ. Я написалъ въ немъ истиннаго патріота, ученаго,
исполненнаго вдохновенія къ минувшей славы своего опечесства.
Его спарайлами водворенъ отличннй порлдокъ въ здѣшнихъ при-
существенныхъ мѣснахъ. Мы посѣщали оныя съ большимъ удо-
вольствиемъ; — самая наружность говоришь въ ихъ пользу. Мнѣ
пріятно засвидѣтельствовать здѣсь сему почтенному гражданину
благодарность, которую я ему сохраняю.

Мы направились къ храму *Минервы*, которъй, какъ мнѣ говорили, хорошо сохраненъ; я вообразилъ его въ видѣ храмовъ *Агригента* или *Сегеста*; — но какъ я удивился, когда, приближась къ здѣшней соборной церкви, мнѣ сказали: вотъ храмъ *Минервы*! Я съ чрезвычайнымъ вниманіемъ усмиривъ взоры на новый двухъ-этажный фронтоны съ красивою колоннадою, — и напрасно искалъ въ немъ храма *Минервы*; но зайдя съ боковой стороны зданія, увидѣлъ цѣлый рядъ великолѣпныхъ колоннъ самаго древняго Дорическаго ордена, заключенный въ полстой стѣнѣ, составляющей длину собора. Однако, новые варвары не могли совершенно закрыть сѣи необычайной полщины колонны, коихъ малая часть видна снаружи и внутри собора; *Пронаонъ* и *Пастикопа* хорошо сбереглись; замѣчательно, что колонны ихъ имѣютъ пьедесталы, межъ тѣмъ, какъ боковыя лишены оныхъ; всѣ онѣ украшены полосною рѣзбою и составлены изъ огромныхъ кусковъ, связанныхъ безъ извести. Цицеронъ и другіе Писатели сохранили намъ въ своихъ твореніяхъ описаніе великолѣпія сего храма. Двери его были предметомъ удивленія чужеземцевъ; числѣннѣйшаго золота рамы и полосы заключали изысканныя рѣзные изображенія изъ слоновой кости. Двѣ головы *Медузы* и *Горгоны* поразительнаго величія и ужаса, съ развѣвающимися власами, составленными изъ шипящихъ змѣй, стерегли входъ сихъ дверей. Внутренность соотвѣтствовала наружности; лампа находилась знаменитая карпина, изображав-

шая конный бой Агаюкла и чрезвычайно сходные порплеты всѣхъ Сиракузскихъ *тирановъ*. Сквозь фронтонъ сего храма проведена была самимъ Архимедомъ полуденная линия. Сіе отверстіе долго существовало, даже въ наши времена; но нѣкопорья перестройки въ соборѣ были причиною уничтоженія столь древняго воспоминанія объ одномъ изъ величайшихъ геніевъ, бывшихъ на землѣ. Огромный щипъ, (*clupeus*) вылитый изъ бронзы и роскошно позлащенный, сіялъ въ ослѣпительномъ блескѣ на вершинѣ храма. Мореходцы привѣщивали оный изъ-далека; но шѣ, которые оплывали изъ Сиракузъ, поперявъ изъ виду покровительствующій ихъ, священный щипъ опечесва, съ печалью брали съ олшаря боговъ соудъ и наполнивъ его медомъ, ароматами и свѣжими цвѣтами, повергали въ шумящее море — въ честь Непшуну и Минервѣ; — выполнивъ эпольтъ обрядъ, они съ веселіемъ лешѣли въ дальнее море.

На другой день я осмопрѣлъ здѣшній музей; онъ заключаетъ *палладіумъ* сего города, и можно сказать, всей Сициліи, — статую Венеры, которая должна споятъ на ряду съ Медицейскою и Неаполитанскою (1). Сиракузяне даютъ своей Венерѣ яблоко передъ двумя первыми; но это могутъ рѣшить покмо *Капова* или *Торвальсенъ*. Я наслаждался видомъ всѣхъ прехъ Венеръ. Всякое упрое моего перваго двухъ недѣльнаго пребыванія во Флоренціи, я приходилъ радовать взоры свои

---

(1) Извѣстною подъ прозваніемъ: *Alle belle chiappe*.

зѣирною красотою царицы оправдѣ. Съ той поры пошло, какъ я видѣлъ сію статую, узналъ я прекрасное; это Венера, воспитанная часами; ей пошло принадлежишь сей несравненный гимнъ Лукреція :

Pominum divumque voluptas,
Alma Venus! etc..

Идеаль Вены Медицейской — не на землѣ, но въ воображеніи чувствительнаго ваятеля, поэта, или живописца. Вспомнивъ стихи Лукреція, я невольно припоминаю также спору изъ Виланда, которая, какъ бы нарочно, написана для нея:

Denk dir ein Weib im reinsten Jugendlicht,
Nach einem Urbild von dort oben!
Aus Rosengluth und Lilienschnee gewoben;
Gieb ihrem bau das feinste Gleichgewicht;
Ein stilles Lächeln schweb' auf ihrem Angesicht,
Und jeder Reiz, von Majestät erhoben,
Erweck und schrecke zugleich die lüsterne Begier;
Denk alles dass, du hast den Schatten kaum von ihr! (1)

(Oberon. IV. G. 6. s.)

-
- (1) Во блескъ юности, сей прпаракъ дѣвы, милый,
Чей образецъ нигдѣ невиданный, лишь тамъ!..
На ней жаръ розъ слился со сивгомъ въжныхъ ллій,
Станъ легкій просиня подняшь къ небсамъ!
Изъ алыхъ устъ ея улыбка пѣгой вьшь...
Спыдливой наготой она облечена;
При ней желаніе пыласи и робеть —
Но это всё еще лишь пѣнь ея одна!..

(Oberon, II. IV, c. 6.)

Венера Неаполитанская не есть Венера; — это несравненная Лаиса, или та самая восхищительная Сиракузянка, которая, бывъ сама обворожена пайными своими прелестями, завела споръ объ оныхъ съ подругами, для того только, чпобъ обнаружить ихъ истинному цѣнителю и служить образцемъ обожаемой Киприды. Аэиной сохранилъ намъ сей анекдотъ.

Чпожъ сказаць о богинѣ Сиракузской? Кпо не согласился, чпо она не сама Венера? — пакъ; но эпа Венера ужé любовница Марса; все прелестное тѣло ея дышитъ сладостраспной юностью. Чпо если бы всегубищее время сохранило намъ ея божественную голову! Какая новая прелестъ разлилась бы по сему очаровательному спану! Но кпо возмется за рѣзецъ, чпобъ возвратишь пачковую потерю? (1) попъ, кпо постигнетъ гармонию, существующую между красопами тѣла и лица. Гармонія сія не воображительная, она существуетъ. Но сіи дивныя прелести, находящіяся предъ воспламененными моими взорами, заславляющъ меня забышь ея голову, — и я наслаждаюсь:

Quos humeros, quales... lacertos!
Forma papillarum quam... apta premi!
Quàm castigato planus sub pectore venter!
Quantum et quale latus! quàm juvenile femur!..
Coetera quis nescit?... (2).

---

(1) *Канова* отказался отъ сего предложенія, сдланнаго ему.

(2) Ovid. El. Lib. I. 5.

Правая рука сей прелестной статуи также не существует; она прикрывала груди, а левая придерживала покровъ, полузакрывающій ее не много ниже пояса: ибо Венера сія изображена выходящею изъ бани; нѣкоторыя несовершенства въ покровъ показываютъ, что художникъ не кончилъ своей работы; дельфинъ и раковина видны подъ ея лѣвою ногою. Статуя сія открыта была плугомъ земледѣльца среди полей предмѣстія Акрадины, въ послѣднихъ дняхъ 1803 года; тамъ же нашли статую Эскулапа, средней величины. Мудрость написана на челѣ испиннаго врача, испытателя таинствъ природы.

Совѣщую путешественникамъ посмотришь вечеромъ, при свѣтѣ факеловъ, на Сиракузскую богиню. — Она очаровательна! Свѣтъ сей даетъ ей всѣ очертанья настоящаго тѣла; нѣга волнуешь грудь ея — и божественная кровь пробѣгаетъ по нѣживымъ членамъ... она оставляетъ сильное впечатлѣніе!

Сколько бы изящныхъ памятниковъ художества можно было извлечь изъ праха падшихъ Сиракузъ, еслибы Правительство обратило нѣкоторое вниманіе на сіи мѣста, гдѣ процвѣтали вѣпорья Аѳины, обогатившія Римъ своими статуями и упоенною роскошью искусства! Когда побѣдитель Маркеллъ возвратился изъ Сициліи съ флотомъ, нагруженнымъ сокровищами художества, то Фабій Максимъ спросился, чинобы обольстительный видъ ихъ не посылалъ сѣмянъ нѣги въ Римлянахъ, прибывшихъ дополъ къ мечамъ и

шлемамъ. Извѣстно также, что превосходныя колонны, поддерживающія фронтоны Римскаго Пантеона, привезены были изъ Сиракузъ.

Весь Сиракузскій Музеумъ, заключенный въ двухъ пѣсныхъ комнатахъ, состоитъ изъ поминутыхъ двухъ изящныхъ статуй, окруженныхъ неспроиными обломками гробницъ, урнъ, надписей и лампъ. Можно судить о множествѣ статуй, украшавшихъ Сиракузы, по словамъ Цицерона, которъй, описывая грабежи Верресовы въ Сицили, говоритъ: „Сиракузы потеряли, во время правленія Верреса, болѣе статуй, нежели убиенныхъ при осадѣ города, Маркелломъ.“ (1) Въ числѣ именъ главнѣйшихъ: — *Юпитеръ Олимпійскій*; — двѣ статуи работы Аристее и Пеана, изъ коихъ первая стояла въ храмѣ Бахуса, а вторая въ храмѣ Эскулапа; — *Сафо*, произведение Силаніона, хранившаяся въ Припаней; — колоссальный *Аполлонъ Теленитскій*; — собраніе статуй пирановъ Сиракузскихъ; — *Тилолеонъ*, съ надписью: *Extinctori tyrranidis* (2); — *Диана, Церера, Прозерпина, Арестуза, Фортуна, Иракль*, находившіяся въ храмахъ имъ посвященныхъ; — *Венера Каллипеа* (находящаяся теперь въ Неаполѣ); — *Маркеллъ*, великодушный покоритель Сиракузъ; — сію статую замѣнилъ безстыднѣйшій Верресъ своею. Кромѣ

---

(1) Cic. in. Ver. de Signis.

(2) Голова сей статуи — и надпись, принадлежащая ей, найдены были здѣсь, по свидѣтельству Фацеллы (въ царствованіе Карла V,) при сооруженіи одного басніона.

этаго, площади Сиракузскія украшены были: бронзовою сферою Архимеда, блиспавшею какъ нѣкое свѣшило и изображавшею съ удивительною точностью всѣ созвѣздія; — (1) *obelisco*мъ, къ которому былъ, нѣкоторое время, прибитъ щипъ несчастнаго Никіаса, вождя Афинянъ, — и столькими другими изящными произведеніями искусства.

Библиотека, находящаяся въ томъ же домѣ, гдѣ и Музеумъ, можеть удивлении любопытство ученаго; въ ней показываюиъ примѣчательную Греческую надпись, которую предлагаю здѣсь:

ΒΑΣΙΛΕΟΣ ΑΤΕ
ΙΕΡΩΝΟΣ ΙΕΡΟΚΛΕΟΣ
ΣΥΡΑΚΟΣΙΟΙ ΘΕΟΙΣ ΠΑΣΙ.

π: ε:

Всѣмъ богамъ! —
Отъ Сиракузянъ, предводимыхъ
Царемъ Герономъ, сыномъ
Героклесовымъ. (2)

Эта надпись показываетъ, что Сиракузяне имѣли *Пантеонъ* прежде Римлянъ, и что сіи послѣдніе, заимствовали отъ нихъ, мысль: соединить всѣ *силы Натурь* въ одно *цѣлое*. Она объ-

---

(1) *Arte Syracosia suspensus in aëre clauso*
Stat globus, immensi parva figura poli.

(*Ovid. Fast. VI. 277.*)

(2) *Rege proeunte Hierone Hieroclis F. Syracusii Diis omnibus.*

сняетъ также, кто былъ отецъ Герона, ибо Исторія не сохранила намъ его имени. Надпись начертана на одномъ изъ боковъ четверосторонняго камня, на верху коего видны три дыры. Предположеніе, что это слѣды треножника, весьма основательно, ибо, судя по надписи: *εσβλμδ βογαμδ*, — не лзя полагать шупъ существованія статуи. Жертвенникъ, курящійся для существа *невидимаго*, болѣе выражаетъ высокую мысль надписи.

Г Л А В А XX.

СИРАКУЗЫ. — ОСТРОВЪ ОРТИГИЯ. — ИСТОЧНИКЪ АРЕТУЗЫ.

Alpheum fama est huc Elidis amnem
Occultas egisse vias subter mare: qui nunc
Ore, Arethusa, tuo Siculis confunditur undis.

(*Virg. Aen.* III.)

Изъ Музеума, Чичерони мой хотѣлъ уже ве-
спи меня въ подземныя бани Оршиги; но я не-
перпѣливо желалъ видѣть чудесный источникъ
Аретузы, прославленный споль многими поэтами
древности. Гдѣ же Арепуза? — пвердилъ я, пе-
ребивая его ученыя рѣчи, и наконецъ принудилъ
его удовлетворить мое любопытство.

Кто не знаетъ съ младенчества объ *Арету-
зѣ*? Кому не милы игривыя мечпы Грековъ о нѣ-
жной любви Алфея къ Нимфѣ, для копорой онъ
покинулъ луговую Элиду и прошедь сквозь таин-
ственные подземные тупи, припекъ въ спрасп-
ныя объятія своей милой, въ чужую спрану, подъ
чужое небо? Кого не обворожали звуки пѣвцовъ,
прославлявшихъ имена двухъ любовниковъ? Кто
не почтитъ Иппокрену Теокрипа, Спезихора, Епи-
харма, Бона, Мосха и даже Пиндара? — Какой
Историкъ, какой Философъ пѣхъ времянь, не увѣ-
рялъ, часто со всею важностію, объ истинѣ

такого феномена? Юный образъ Аретузы былъ на щипахъ, на шлемахъ, на монетахъ славнаго народа; имя Аретузы напоминало Сиракузянину спраннику, его милое опечесство и пробуждало въ немъ любовь къ оному; — но пали могущія Сиракузы, пышные храмы ея были уже низпровергнуты, — а имя Нимфы непреспавало прославляясь на лирахъ самихъ завоевателей береговъ ея; *Виргилій*, самъ несравненный *Виргилій*, искалъ ея вдохновеній.

Extremum hunc, Arethusa, mihi concede laborem. (1)

Сколь прелестною онъ изобразилъ ее, и сколь чувствительною къ жалобамъ смертныхъ! Она первая успремилась изъ подводныхъ черпоговъ на вошь *Ариспея*:

*Sed, ante alias, Arethusa sorores
Prospiciens, summa flavum caput extulit unda.
Et procul: „o gemitu non frustra exterrita tanto,
Cyrene soror! ipse tibi, tua maxima cura,
Tristis, Aristaeus, Peneci genitoris ad undam
Stat lacrymans, et te crudelem nomine dicit!“ (2)*

(Georg. L. IV.)

---

(1) *Ecl. X.*

(2) И первая изъ Нимфъ, любовница *Аллея*,
Божественнымъ челомъ блеснувъ изъ водъ *Пенел*:
„О милая сестра! не щещеиъ спрахъ пвой, — нѣшь!
„Твой сынъ, рекла она — заботъ пвоихъ предметъ —
„Съ слезами на очахъ, въ опчаяннъ жеснокомъ —
„Взываетъ горесшно, съ бреговъ къ тебѣ, съ упрекомъ.

(Переводъ Г-на Рамка.)

Припоминая все это, я уже нечувствительно приблизился къ жилищу Нимфы; крѣпоспінныя стѣны, вдоль копорыхъ мы спускались, закрывали еще оныя воды; но плескъ оныхъ и шумное сліяніе различныхъ голосовъ, разносились во кругъ... Какая занимательная картина предстала мнѣ: толпы полунагихъ дѣвушекъ, моющихъ свои покровы, стояли по волѣна, разными группами, въ источникѣ прозрачномъ какъ стекло; оныя тихо выпекали изъ-подъ древняго свода городскихъ стѣнъ, — и вопль па славная Аретуза, живущая доселѣ въ безсмертныхъ пѣсняхъ! Стѣны заграждаютъ ее со всѣхъ сторонъ и едва позволяють ей входъ въ море, сквозь небольшую арку; но оныя защищаютъ ее также оныя наводненія моря (1). Площъ и куспарники, спелющіеся по стѣнамъ, нависли во многихъ мѣстахъ надъ водами, и смопрямся въ ихъ зеркаль; нѣсколько обрушенныхъ камней разбросаны по чистому дну и служатъ скамьями и сполами для моющихъ. Если

---

(1) Вопль Цицероново описаніе Аретузы: „*In hac insula (Ortyg:) „extrema est fons aquae dulcis, cui nomen Arethusa est, incredibile magnitudine, plenissimus piscium, qui fluctu totus operiretur, nisi munitione ac mole lapidum a mari disjunctus esset. „(in Ver. act. II, L. IV, c. LII.)“* т. е. „На самой конечности острова (Ортигии) находится источникъ прѣсной воды, именованный: Аретуза; обширность оного чрезвычайна, и множество рыбъ наполняютъ его; еслибъ источникъ сей не былъ загражденъ отъ моря крѣпкою стѣною, то былъ бы непремѣнно потопленъ волнами оного.“ — Мѣстоположеніе Аретузы совершенно сходно съ симъ описаніемъ; по обширности источника весьма нѣтъ ограниченна, и рыбы переспали обитаніе въ немъ.

вы не посмѣешь надо мною, но я скажу вамъ, что сама милая Аретуза не пренебрегла бѣ имѣть подругою одну изъ сихъ красавицъ, на которую я заглядѣлся и для которой я часто ходилъ къ знаменитому источнику. Прелести Сиракузской Венеры были еще свѣжи въ моей памяти; и я нѣкоторую часть оныхъ видѣлъ тогда въ напурѣ; глубина источника и бережливость, заставили ее подвязать одежду весьма красиво и гораздо выше колѣнь; кашпановые густые волосы, развѣваемые легкимъ вѣтромъ, падали на полубнаженные перси, которыя, казалось, спарались совсѣмъ освободиться изъ слабыхъ преградъ; эпошъ склоненный понкій спанъ и наконецъ, Алпическая прелестнъ лица, исполненнаго невинности и нѣги, все было въ ней привлекательно :

Nudaque simplicitas, purpureusque pudor... (1)

Вопь ея *девицъ*. Посмотрите жъ теперь на плескающихся, среди сихъ нимфъ, дѣшей; всякій изъ нихъ могъ бы занять мѣсто въ Корреджіевой картинѣ?..

Источникъ сей все еще называется именемъ *Аретузы*; но гдѣ его великолѣпіе? гдѣ его алпари? — Дно его умощено было разноцвѣтными мозаиками на далекое пространство, которое заняло теперь море; осанпки сихъ мозаиковъ были еще видны, какъ мнѣ сказывали, лишьдесять по-

---

(1) Ovid. III. Eleg. Am. L. 1, m. c:

Нагая простота, съ стыдливостью румяной...

жу назадъ; шеперь показываютъ одинъ основанія спѣнья храма. Исторія Аретузы исполнена сверхъестественнаго. Тимей, Помпоній - Мела, Павзаній и даже самый Плиній *Натуралистъ*, утверждаютъ истину подземнаго сообщенія *Алфея* съ *Аретузою*. Одинъ только Спрабонъ опровергаетъ это; я не говорю уже о Поэтахъ; безъ сомнѣнія, они не въ числѣ невѣрующихъ. *Виргилій* говоритъ очень ясно:

. . . Arpheum fama est huc Elidis amnem
Occultas egisse vias subter mare: qui nunc
Ore Arethusae, tuo Siculis confunditur undis

(*Virg. Aen. L. III.*)

или:

Sic tibi cum fluctus subter labère Sicanos,
Doris amara suam non intermisceat undam.

(*Id. Bucol. X, 4.*)

Ибо Поэты увеличили чудесность сообщенія *Алфея* съ *Аретузою*, сказавъ, что сей первый, протекаетъ чрезъ все Эгейское море и не принимая въ себя горечи морской воды, повергается въ лоно своей *Нимфы*. И какъ не повѣришь въ томъ лирѣ, подобной *Овидіевой* или *Виргиліевой*? Въ доказательство сообщенія *Алфея* съ *Аретузою*, Древніе утверждали, что однажды, въ Элидѣ, брошенный въ волны *Алфея* покалъ, былъ найденъ въ *Сициліи*, въ водахъ *Аретузы*, и что, когда въ *Олимпіи* совершались жертвоприношенія на берегахъ *Алфея*, по кровь живоныхъ выплывала на водахъ его *Нимфы*!!! Мнѣ сказывали однако, что

неподалеку отъ спѣны, заграждающей источникъ Аретузы отъ моря, видѣнъ бьющій изъ глубины онаго ключъ полупрѣсной воды, и что сие мѣсто называютъ — *Pocchio della Zilica*: — если это правда, то прелестная мечта Виргилія получаетъ нѣкопорый видъ истины.

Нельзя оспаривать подземныя сообщенія водъ; нѣдра земли сулять цѣлый міръ, еще намъ неизвѣстный; феномены его столь же непоспимы, какъ многіе изъ видимыхъ нами. Но басня Алфея, проходящаго чрезъ все Эгейское море, не смѣшиваясь съ его волнами, оспалась пакъ, какъ она есть, баснею; хотя есть нѣсколько подобный тому случай въ Палестинѣ, гдѣ рѣка Иорданъ проходитъ видимо для глазъ, чрезъ все Тиверіадское озеро и впадаетъ въ Мерпвое море (т. е. печеніе рѣки обозначается полосой совершенно другаго цвѣта, какой имѣетъ озерная вода). Тоже самое можно замѣтить на Женевскомъ озерѣ, сквозь которое протекаетъ такимъ образомъ Рона.

Въ сей же день я осмопрѣлъ оспальныя достопамятности острова Орпигіи, состоящія въ прехъ подземныхъ баняхъ и въ малыхъ оспапкахъ великолѣпнаго храма Діаны. Вамъ покажутъ двѣ огромныя колонны сего зданія, но и тѣ, увѣ! задѣланы въ спѣнахъ одного часпнаго дома, на улицѣ, называемой: *Via Resaliba*. Я не понималъ, что со мною дѣлаютъ, когда, для того, чтобы видѣть оспапки храма, меня вели во второй этажъ сего дома; но какъ увеличилось мое недоумѣніе, когда хозяинъ подвелъ меня къ неопрятному шка-

фу, или буфепу; онъ раскрылъ двери онаго, и я увидѣлъ закопченный очагъ; я все еще не понималъ эпои загадки; — но чпожъ вы думае? эпопъ самый закопченный очагъ утвержденъ былъ между двумя вершинами величайшихъ колоннъ, упрощенныхъ капителими удивительной работы, но споль покрытыхъ сажей, чпо едва можно было разглядѣть превосходную рѣзбу оныхъ. Я поздравлялъ хозяйна съ хорошимъ его вкусомъ и съ его любовью къ древности: *il desio di compiacere ai dotti viaggiatori*, опвѣчалъ онъ съ чувствительноспію, *mi spinge a serbare intatti gli vestigi della santa antichità!* (1) Вотъ истинный Сиракузянинъ!

Храмъ Діанинъ былъ однимъ изъ величайшихъ въ мірѣ; онъ простирался до шакъ называемыхъ нынѣ *земляныхъ воротъ* (*porta di terra*), то есть: на полверсты (2). Пиндаръ называетъ его храмомъ Діаны Алфейской. Середина храма состояла изъ ропонды, окруженной колоннадою и увѣнчанной куполомъ. Сооруженіе онаго приписываютъ тому времени, когда Сицилія была освобождена, какъ говорящъ, самою Діаною опъ мороваго повѣпрія. Успановлено было ежегодное прехъ-дневное празднество, на которое стекались всѣ обитавшіе въ окрестности Сиракузь. Паспухи, увѣнчанные цвѣпочными гирляндами, съ посохами въ рукахъ, во-

---

(1) Т. е. „Желаніе угодишь ученымъ путешественникамъ заставля-
„етъ меня сохранять въ цѣлости остатки свѣщенной древно-
сти.“

(2) Некоторые Писатели опредѣляютъ длину его въ 300 локтей,
а ширину во 150.

дили вокругъ храма, оленей и ланей, посвященныхъ богинѣ и также украшенныхъ цвѣтами. Они расплюскали вокругъ кормъ для сихъ живописныхъ, имѣя припомъ съ одной стороны мѣшокъ съ сѣменами, а съ другой козій мѣхъ, наполненный виномъ, конемъ они орошали землю. Въ продолженіе сей процессіи они вызывали другъ друга пѣпъ хвалы Діанѣ, — и приличный даръ назначался побѣдителю; онъ получалъ попочасъ права свободнаго гражданина и въ шоржешвѣ препровождается былъ по всему городу; но побѣжденные должны были прудами рукъ своихъ содержать счастливаго пѣвца, и ежегодно приносить ему, въ определенное время, дары — съ слѣдующею рѣчью: „При-, ми все это, о счастливый паспырь; удостовѣ-, шійся обипать славный градъ, да соблюдетъ те-, бя Діана здоровымъ!“ Послѣ чего возвращались они съ гимнами и приносили жерпывы во храмъ. Празднества сіи извѣсны были подъ названіями: *Канефоріи*, *Цитоніи* и *Таргеліи*; сіе послѣднее состояло въ роскошномъ пиршешвѣ для всего города. Еще до сего времени слѣды поклоненія Церерѣ не изгладились въ Сициліи. Ежегодно, послѣ жашвы, полпы креспьянъ, увѣнчанныхъ колосьями, сопровождають съ музыкой, барабаннымъ боемъ и плясками женщину, сидящую на ослѣ, посреди сноповъ.

Изъ нѣсколькихъ бань *Орпигіи*, должно замѣтити двѣ; первая называется: *bagno della Regina* (Царицына баня). Царицу сію именуютъ *Филистидой*; но время ея существованія почти неизвѣстно;

инные писатели почитаютъ Филиспиду жрицею *Вакховыхъ* неисповыхъ пайнспвъ; баня сія находится подъ древнимъ замкомъ, называемымъ: *Magnasi*; мраморный ея полъ еще сохранился. Впоярая баня находится близъ церкви *Св. Филиппа*, подъ частнымъ домомъ; она выдѣлана весьма глубоко, въ живомъ камнѣ. Въ нее спускаются болѣе нежели по пятидесяти ступенямъ; — чепыре центральные пиласпра поддерживаютъ обширный сводъ; нѣсколько скамей находятся у стѣнъ; въ боковой небольшой комнатѣ бьетъ изъ земли минеральный источникъ; а подлѣ онаго изсѣчена ванна. Слабый свѣтъ проходитъ сквозь глубокой перпендикулярный каналъ; но сырость не позволяетъ шамъ долго быть.

Весь островъ *Ортигія* исполненъ подземными ходами, и часпо, проѣзжая по улицамъ, я чувствовалъ опзывы, означающіе пустошу; эпо очень замѣтно на большой площади пропыву храма *Минервы*; но жители не любопытспвуютъ опрывать сіи подземелья.

Чрезмѣрный жаръ начиналъ насъ беспокоить и воспрепятспвовалъ въ эпотъ день осмопрѣль болѣе; но къ захожденію солнца, любезный г-нъ *Занги* захвалъ пригласить насъ на прогулку кругомъ города, по естъ: кругомъ острова. *Сиракузы*, какъ я сказалъ, подобны пеперь своей величиною тому, что они были при первомъ еще основаніи своемъ, колонією *Эполійцевъ* (1).

---

(1) Въ заключеніе описанія острова *Ортигіи*, выпишу, что говоритъ *Цицероць* о сей части города во время сего *Препорства*:

Мы выѣхали къ большому порту, названному Виргилиемъ, по его проспранству — *Scaniae sinus*; онъ образованъ заливомъ моря и огражденъ, при успьѣ своемъ, всѣмъ оспровомъ Орпигіею и пропиволежащимъ ему мысомъ *Племмириелъ*. Видъ сего порта великолѣпенъ; но опустѣніе его сильно поражаетъ; только одинъ Австрійскій фрегатъ, крейсирующий вокругъ Сициліи, и два рыбачьихъ судна, видѣлись на обширномъ проспранствѣ шой гавани, копорая скрывалась нѣкогда подъ огромнымъ флопомъ гордой Республики и гдѣ преломилось могущество Аѳинянъ: *ubi Athenarum potentia fracta*. (1) Воды сіи, нѣкогда безпрестанно возмущаемыя безчисленными веслами браненосныхъ галеръ, — нынѣ, также спокойны и также безмолвны, какъ покрытыя развалинами пустыни, окружающія ихъ... Какъ я любилъ приходилъ сюда, въ тѣ меланхолическія минушы, когда палящее Ливійское солнце скрывалось наконецъ опъ лица раскаленной земли, за дальними горами гробницъ и стѣнъ опщвѣпшаго града. Косвенные лучи умирающаго дня ложапся полосами, по долинамъ и скапамъ холмовъ, одѣпыхъ яркой зеленью плапановъ и фиговыхъ деревъ; они облакаютъ блескомъ

Ea tanta est urbs, ut ex quatuor urbibus maximis constare dicatur; quarum una est quam dixi, insula; quae duobus portibus cincta, in utriusque portus ostium, aditumque projecta est, in qua domus est, quae regis Hieronis fuit (conf. Verr. V, 12. 51.), qua praetores uti solent. In ea sunt aedes sacrae complures; sed duae, quae longe ceteris antecellunt; Dianae una; et altera quae fuit ante istius (Verris) adventum ornatissima, Minervae. (IV. Verr. II, c. 53).

(1) Senec. de Consol. ad. Marc. C. XVII.

изгибистое печеніе *Анаписа*, копорый, съ пихимъ рополомъ, и какъ бы не-хотя, вливаеиъ свѣпмыя спруи свои въ горькія воды моря. Вечернія тѣни яснѣе обозначаюиъ едва видныя оспашки древнихъ Сиракузъ: — вопъ двѣ колонны Зевесова храма, какъ два ночные спража, спояиъ на прибрежномъ холмѣ, — и на нихъ можеиъ еще опдохнуть взоръ, вопще ищущій оспашковъ минувшей славы сихъ запустѣлыхъ мѣспъ!... Вопъ скалы мыса *Племирія*, оберегающія входъ въ гавань; пупъ, въ сихъ спѣнахъ, заключены Арешуза и вѣрный ея Алѣей; — слышипели ихъ жалобы?.. Сумерки сливаюиъ уже всѣ предметы; но великолѣпныя вершины нѣсколькихъ пальмъ, взелѣянныхъ водами Анаписа, рисуиъся еще на пемно-голубомъ ээирѣ. — Вопъ повѣяли опрадныя зефиры; они предвѣщаюиъ появленіе царицы ночи; вѣнецъ ея горипъ уже нѣжнымъ свѣпомъ на посребряющейсѣ лазури; но ее не привѣспвуетъ болѣе өиміамъ курящихся жерпвенниковъ!.. Природа облакаеиъся въ новыя краски, она начинаеиъ мало по-малу освѣжашься опъ упомившаго ее зноя; поникшіе лисны деревъ заигрываютъ съ рѣзвыми вѣтерками — и часпо, пѣснъ соловья нарушаеиъ вдругъ мерпвое безмолвіе. О Теокрипъ! о Біонъ! о Мосхъ! и васъ прельщали красопы сей самой Природы!... Сцены идиллій вашихъ повпоряиъся еще изрѣдка на сихъ берегахъ. Однажды, въ поздніе часы подобнаго сему вечера, возвращаиъся съ развалинъ *Неаполиса*, при сомниптельномъ свѣпѣ Циннія — я видѣлъ подъ кровомъ густаго

плапана и блѣдной оливы, Коридона и Амариллу; я видѣлъ спраспнаго юношу, обернушаго широкимъ плащемъ, робко пробиравашагося сквозь кусты; я принялъ его за разбойника, межъ тѣмъ, какъ онъ, можешь бышь, пакъ взывалъ къ недавно восшедшей звѣздѣ Киприды:

. . . О Весперь! мой вожатый,
Блеснищая краса лазоревыхъ почей;
Всѣ звѣзды опъ швоихъ помрачены лучей,
Какъ ты опъ Циптин! — въ тебѣ я вижу друга;
Тамъ ждетъ меня, увы! минутная супруга;
Ахъ! замѣни ты мнѣ сребристый свѣтъ луны;
Теперь рога ея едва обловлены,
Она ужъ крощя . . . я не вредить желаю
Ночному пушнику; но спрастїю сгараю! (1)

Вечеръ пого дня провелъ я очень прїятно, по приглашенїю г-на Занги, въ здѣшнемъ *казино* или *собранїи*, куда спекается лучшее обществоз; я нашель памъ много прекрасныхъ и любезныхъ женщинъ. Вообще, онѣ одарены весьма понкимъ умомъ и нѣжными органами; музыка ешь ихъ стихїя и составляетъ почти все ихъ воспитанїе; гармонїя обнаруживается въ ихъ шѣлдвиженїяхъ и въ разговорахъ. Для женщинъ, качества сїи могутъ бышь иногда доспапочны; но весьма спранно, что образование мужескаго пола почти все поже; большая часть Сицилїянцевъ мало просвѣщены. Въ женщинахъ я съ особеннымъ удовольспвїемъ замѣнилъ сильный папрїотизмъ; — они напоми-

---

(1) Mosch. Id. VII.

наюпъ еще пѣхъ Сициліянокъ, кои при осадѣ Палермы пожертвовали своими прекрасными косами, чпобъ сдѣлать изъ нихъ шепивы для луковъ, — и мнѣ сказывали, что въ Палермѣ устанвлено празднество въ память сего событія. Не надобно забывать, что замѣчаніе сіе есть *общее*, и что, не смотря на слабое просвѣщеніе сей страны, путешественникъ всегда найдетъ въ городахъ, каковы сунъ: Палерма, Капанія, Мессина и Сиракузы, людей, одаренныхъ рѣдкимъ просвѣщеніемъ и всѣми качествами истинныхъ гражданъ; но, не смотря на все ихъ рвеніе возстановивъ свое опечество, Правительство опнимаешь опъ нихъ всѣ способы. Разсматривая характеръ націи, вы увидите въ немъ оппечатокъ природной гордости, ума, хитрости и твердости; вы замѣтите, что мечи и копья имъ свойственны, — но, увы!

Забывъ дѣянія предковъ, громки — (1).

они не съ довольнымъ рвеніемъ ищутъ славы своего опечества! Я нашелъ болѣ истинныхъ гражданъ въ Капаніи, Мессинѣ и Сиракузахъ, чѣмъ въ Палермѣ, гдѣ они спараются роскошью опгонять опъ себя заботы и ослѣплять глаза свои и чужеземцевъ. Нельзя не замѣтить недоброжелательство царствующее между шремя первыми и послѣднимъ городомъ; жаль, что частныя пользы и семейственныя вражды Сицилійскихъ гражданъ заглушаютъ въ нихъ общее стремленіе ко благу опечественному. Но возвратимся къ любезному

---

(1) Дмитріевъ.

обществу Сиракузянъ. Оно похоже на доброе, благоустроенное сѣмейство; искренность и непри-
нужденность замѣшны въ ономъ; бесѣды ихъ, —
испипнно дружескія: здѣсь, общій разговоръ зани-
маепть цѣлый кругъ собесѣдниковъ; въ другой ко-
мнапѣ нѣсколько красавицъ поюпть съ своими ка-
вальерами аріи Чимарозы или Россини; шамъ зани-
маюпся разными играми. Сидя съ милою женщи-
ной на балконѣ, обращенномъ къ *большому порту*,
коего знаменитыя воды, осребряемыя луною, пи-
хо плескались, — мы слышали серенаду. Молодой
прубадуръ, съ гитарою въ рукахъ, вздыхалъ на
берегу, близъ сосѣдняго дома. Голосъ его былъ
нѣженъ, — и судя по распворенному окну, мы не
сомнѣвались въ хорошемъ успѣхѣ его спраспи.

Г Л А В А XXII.

СИРАКУЗЫ: ПРЕДМѢСТІЕ АКРАДИНА. — КАТАКОМ- БЫ. — ЛАТОМИ.

Videbis ubi tot millia captivorum, ille excisis in
infinitam altitudinem saxis, lautumius carcer inclu-
serat . . .

(*Seneca. de Cons. ad Marc. C. XVII.*)

Окончивъ обзоръ оспрова *Ортигии*, я во всѣ слѣдующія дни не сходилъ почти съ лошади, осматривая осматки древнихъ Сиракузъ, находящіяся внѣ пеперешняго города. Прежде началія моего разсказа, я объясню происхождение, топографію и сославъ древняго города:

Слишкомъ за двѣ тысячи лѣтъ до Р. Х., колонія Эполійцевъ приспала къ оспрову *Ортигии*, избравъ оный себѣ жилищемъ — и назвавъ его *Омотермонъ*, а въ послѣдствіи *Наксосонъ*. Вскорѣ, нашедшіе Сикулы изгнали ихъ и поспроили на помъ же мѣстѣ городъ, назвавъ его: *Сирака*, по причинѣ близъ-лежащаго болопа. Но настоящее основаніе Сиракузъ было за 758 л. до Р. Х., когда Архій, одинъ изъ Гераклидовъ, приплывъ изъ Коринфа, основался на помъ же оспровѣ *Ортигии* (1).

---

(1) Thucyd. Lib. VI.

Два залива Ионическаго моря, объемля съ двухъ споронъ сей оспровъ, образують природныя двѣ гавани, изъ коихъ одна, далеко углубленная въ землю, названа была *большою*, а другая *малою* или *мраморною*. Перейдя съ оспрова на твердую землю, опъ коей онъ опдѣлялся нѣкогда перешейкомъ, начинается предмѣстіе, называемое *Акрадина*, которое пропягивалось къ сѣверу, вдоль Ионійскаго моря и кончалось у прешей гавани, названной *Трогилъ*; на западъ сіе обширное предмѣстіе омывалось водами большой гавани. Ежедневно возраспающее величіе и народонаселеніе города распростиранило и границы онаго; вскорѣ выстроено было второе предмѣстіе, наименованное: *Тиха*, по причинѣ храма Форпуны, въ немъ находившагося, и въ слѣдъ за онымъ — прешіе, названное сначала *Теменитъ*, *Γεμενος*, (по причинѣ оливковой рощи, тамъ находившейся и окружавшей храмъ Аполлона), а послѣ — *Неаполисъ*, п. е. *новый городъ*; обѣ сіи части Сиракузъ, смежныя между собою, прилежали къ Акрадинѣ съ запада. *Неаполисъ* начинался опъ болопа *Лизимела*, соспавлявнаго часть берега *большаго порта* и кончался у спѣнъ предмѣстія *Тихи*, которое выходило къ полямъ *Трогилова порта*. Къ симъ двумъ часпямъ города, по направленію къ западу же, присоединялось пятое предмѣстіе, называемое *Эпиполь*, съ премя укрѣпленными замками: *Лабдаломъ*, *Гекзапаломъ* и *Эвриаломъ*. Всѣ сіи предмѣстія основаны на обширномъ каменистомъ возвышеніи, которое, начиная опъ западной спороны Акрадины, весьма

примѣтно восходипть выше и выше, съ-уживаясь на-подобіе мыса, къ конечности *Эпиполя*, коего скалы господспвуютъ ужё надъ всѣми высотами. Къ дополненію топографіи Сиракузъ, должно сказать о мысѣ *Племмириѣ*, который вмѣстѣ съ проливулежащимъ оспровомъ *Ортигією*, (опдѣляясь опть него проливомъ шириною на 500 стуз.) составлялъ входъ въ *большой портъ*. По очевидной важности свосго положенія, онъ былъ одѣпть укрѣпленіями и составлялъ, какъ бы *шестое* предмѣстіе довольно обширное. На весьма маломъ распояніи опть него, слѣдуя вдоль берега *большаго порта*, проливъ самага пролива, находилось на возвышеніи другое опдѣльное укрѣпленіе, заключащее въ стѣнахъ своихъ великолѣпный храмъ *Юпитера Олимпійскаго*, — и по сему называемое: *Олимпійскою цитаделью* или *Полихне*.

Окружность Сиракузъ заключала въ себѣ почти 40 верспъ, а народонаселеніе доходило до 2-хъ милліоновъ жипелей. Основываясь на Цицеронѣ, который зналъ Сицилію, какъ свое опечесиво, Сиракузы превышали Аѣины своєю обширностью и даже красопою: *Urbem Syracusas*, говоритъ онъ, *maximat esse Graecarum urbium pulcherrimatque omnium, saepe audistis; est judices, ita ut dicitur.* (1) **Я начну теперъ свои обзорнія съ Акрадины.**

(1) (Cic. in Verr. A. II. L. IV, c. LIII.) п. с. „Вы часно слыхали, „о суди, чно городъ *Сиракузы* есть величайшій и прекрасшій изъ всѣхъ городовъ Греческихъ; — это есть настоящая „истина.“ — Сенска говоритъ о Сиракузахъ: „*Vidēbis ipsam ingen- „tem civitatem, et laxius turritam, quam multarum urbium fines „sint.* (Ad Marc. XVII.)

Сія частъ города, омываемая съ востока и сѣвера моремъ, была самою великолѣпною; въ ней заключались между прочимъ: — *Пентапилъ*, зданіе, которое чрезъ пять воротъ (однѣ за другими лежащихъ) вело въ *Орпигію* (1); — обширный *форумъ*, — великолѣпные *портки* внупри города и на берегу моря; (сіи послѣдніе были любимымъ гульбищемъ Сиракузянъ); — огромный *Пританей* или Гимназія; — зданіе для *Куріи* или Сената, — и храмъ *Юпитера Олимпійскаго*, который напослѣдокъ, будучи обнесенъ укрѣпленіями, соспавлялъ особенное предмѣспіе. Широкая улица, образованная изъ пышныхъ зданій, разрѣзывала *Акрадину* во всю длину; къ ней примыкали многія другія, заключавшія въ себѣ частныя дома (2). Изъ всей той пышности взоръ встрѣчаетъ на опустѣлой поверхности только шѣ двѣ колонны порпиковъ, о коихъ говорилъ я ужѣ при въѣздѣ моемъ въ Сиракузы; вѣка изгладили самыя развалины, которыя соспавили слой сей земли, и безъ того каменистый, изъ коего едва проглядываютъ самыя скудныя распенія.

Первый предметъ, достойный любопышства, спупивъ изъ *Орпигіи* на землю *Акрадины*, есть небольшой заливъ, называемый: *малый портъ*; онъ ускользаетъ отъ вниманія; но это шѣ самыя воды, которыя видѣли уничтоженіе флота *Маркеллова*, ежедневно разрушаемаго, изъ за спѣнь города, незримыми машинами *Архимеда*; волны сіи,

---

(1) Göller. de situ et orig. Syrac. prooem. p. 19.

(2) Cic. ib. c. LIII.

если вѣришь нѣкоторымъ преданіямъ, описывали нѣкогда, пламя нисшедшее съ неба власпію сего дивнаго генія, на гибель Римскаго флота. По берегу сего залива видны еще подъ водою оспатки помостовъ изъ мрамора и мозаиковъ. Гавань сія, копорую Агаѳокль украсилъ башнями, (1) называлась *мраморною*, по великолѣпію прибрежныхъ зданій; нѣсколько подземныхъ сводовъ, принадлежавшихъ имъ, показываютъ существованіе и огромность оныхъ. Въ числѣ сихъ послѣднихъ есть одинъ весьма любопытный, обросшій шерніемъ и ковылемъ, и заключающій въ себѣ три комнаты. Утверждаютъ, что это есть оспатокъ отъ знаменитаго дворца Агаѳокла. Сіе зданіе называютъ здѣсь весьма спранно: *палатами о шестидесяти кроватяхъ*. Діодоръ говоритъ, что оно превъщало высокою и великолѣпіемъ своимъ всѣ храмы боговъ, и что безсмертные, какъ бы подвигнутые завистью, испребили оное молніею. Всѣ стѣны и своды сихъ комнатъ обложены глинными сводами; въ одной изъ нихъ свода сіи, утвержденные на чепверостороннихъ плипахъ, входятъ одинъ въ другой, съ большою точностію, — и наипы пою же самою известью, кою прикрѣплены плиты ко своду.

Нельзя видѣть ничего печальнѣе обширной поверхности предмѣстія Акрадины; но это мертвое запустѣніе, эта дикость — необыкновенны; — онѣ дѣйствуютъ на воображеніе. Сей ка-

---

(1) Dioid. L. XVI, с. 23.

менистый слой, составленный из разметанных развалин города, безпрестанно напоминает вамъ, что вы понираете прахъ великихъ Сиракузъ, прахъ великаго народа, конхъ слава, *восходила до звѣздныхъ высотъ!* (*fata super aethera notus!*) (1) Поля Сиракузъ еще печальнѣе полей окружающихъ Римъ, столь извѣспныхъ своею дикостью; — проспранный горизонтъ сихъ послѣднихъ, кончаешся лазурными горами Аппениновъ, съ бѣлющими по лѣсенному скапу ихъ, городами и селеніями: — тамъ *Тиволи* съ шумящими водопадами; тамъ *Фраскати*; — далѣ *Альбано*; но здѣсь повсюду видна раскаленная камениспая долина, омываемая однообразно-плещущими волнами Эгейскаго моря; ряды вскрыпыхъ гробницъ и нѣсколько уединенныхъ пальмъ, фиговыхъ и оливковыхъ деревъ, османавливаютъ омраченный печалью взоръ.

Палимый зноемъ, сопущспвумый мечпами, я шелъ молчаливо за наемнымъ анпикваріемъ, мало вникая въ его рѣчи, изъ конхъ мнѣ часпо опзывалось: *qui fu! qui fu!* — *здѣсь было! здѣсь было!* — Слова сіи, произносимыя посреди запуспннн, имѣли свое краснорѣчіе. Такимъ образомъ мы приближались къ мѣспу, называемому: *Латоміи Капуциновъ*. Именемъ *Латомій* (2) Греки называли каменоломни. Эпо совсѣмъ необыкновенное

---

(1) Virg. Aen. L. I. v. 585.

(2) Слово: *Латомія*, по-Гречески: *Λατομιας* происходиптъ изъ двухъ словъ: *Λας* (*камень*) и *τομη* отъ глагола *τεμνω*, *сѣку*, *разсѣкаю*.

зрѣлище: — мѣсто сіе принадлежитъ бѣдному монашью Капуциновъ, который выстроены на краю сихъ пропастей, изсѣченныхъ безъ плана, на снѣжку или болѣе въ глубину, посреди кремнистаго слоя. Мы спустились туда по безчисленнымъ ступенямъ: нельзя не быть поражену удивленіемъ, находясь тамъ въ первый разъ; вы видите себя въ обширномъ, недоступномъ заключеніи, и вмѣстѣ съ симъ, посреди самыхъ щедрыхъ даровъ природы, подъ кровомъ яснаго неба; но горизонтъ ограниченъ опшсоду громадами нависшихъ скалъ. Я поясню вамъ это: сіи бездны, изъ нѣдръ коихъ возникли цѣлыя Сиракузы, подали мысль Діонисію-Тирану употребить ихъ на заключеніе преступниковъ, воинопльнныхъ — и преимущественно, невинныхъ жерпвъ его. Сін Лапомп знамениты по Испоріи. Здѣсь погибли въ цѣпяхъ и въ голодѣ 7000 Аѳинянъ, полоненныхъ въ злосчастную экспедицію Никіаса и Демосѳена, прошиву Сиракузъ; (1) число погибшихъ даетъ судить о происранствѣ сихъ грозныхъ мѣстъ; нынѣ, мирные Капуцины, обрапили ихъ въ самый живописный садъ; кущи лимонныхъ, лавровыхъ, фиговыхъ и оливковыхъ деревъ, распутъ, полныя жизни, по обрушеннымъ или по разпреснувшимъ стѣнамъ скалъ; — они висятъ со сводовъ, укрывая прищельца ароматною тѣнью; кусты мирповъ и кашпусовъ вырываются изъ ущелинъ и пещеръ, спелются по землѣ и заграждаютъ пуши. Слѣ-

---

(1) Thucyd. L. VII. c. 87.

дующая Тассова окпава кажешся списана оп-
сюда :

Nel tronco istesso, e tra l'istessa foglia
Sovra il nascente fico invecchia il fico:
Pendono a un ramo, un con dorata spoglia,
L'altro con verde, il nuovo c'l pomo antico.
Lussureggiante serpe alto e germoglia
La torta vite, ov'è più l'orto aprico:
Qui l'uva ha in fiori acerba, e qui d'ór l'ave
E di pipopo, e già di nectar grave.

(*Tasso. Gier. Lib. C. XVI. S. II.*)

„На помъ же пшъ и подъ пою же тшъню влешть соепарв-
„шяся фига надъ молодого. Яблоки, съ лисшамн поблскшнми и съ
„лисшамн зелеными, вислтъ на одномъ сучкѣ. Въ самомъ дикомъ
„мѣстѣ сада, выопсл нгрнло къ высонгъ изгнибшныя и сочныя ло-
„зы. Здѣсь, видны въ цвѣту несильныя грозды винограда, а тамъ,
„они горлтъ уже въ золотѣ и рубинахъ и оплгсны сладкимъ иск-
„паромъ.“

Природа оправдала здѣсь въ полной мѣрѣ бле-
спящій вымыселъ пѣвца Иерусалима. Землетрясенія,
коихъ слѣды вездѣ видны въ сихъ лапоміяхъ, сдѣ-
лали ихъ еще живописнѣе. Огромные своды, самой
безобразной неправильности, сквозь искривленныя
опверспія коихъ сквозятъ лучи солнца, образу-
ютъ входы въ разныя отдѣленія. Въ первомъ изъ
оныхъ, возвышается изъ середины уродливая ска-
ла, расширяющаяся къ вершинѣ, на которой вид-
ны осипшки развалившася зданія: эпо была спо-
рожевая башня, и скала сія нарочно выдѣлана для
сего предмена. Теперь она недосягаема, ибо сооб-

щеніе съ горизонтомъ земли не существуетъ; — сообщеніе сіе было устроено посредствомъ подъемнаго моста; — опшуда пиранство наслаждалось ужаснымъ зрѣлищемъ своихъ жертвъ!

Но обратимся къ другимъ красонамъ сихъ мѣстъ; опдохнемъ въ одной изъ сихъ прохладныхъ пещеръ, подъ широкими занавѣсами лавровъ и мирповъ. Что можетъ быть сладоспраснѣе сего убѣжища? Не здѣсь ли написалъ Горацій спрофу оію:

Quis multâ gracilis te puer in rosâ
Perfusus liquidis urget odoribus,
Grato, Pyrrha, sub antro?
Cui flavam religas comam,
Simplex munditiis?...

Кто сей, на ложъ розъ душистыхъ,
Весь благовошьями облитъ,
Съ шобой, подъ сводомъ скалъ пѣнистыхъ,
Обнявшисъ, — цѣгою горнишъ?..
Къ кому, съ зланой косою развншой,
Небрежной роскошью гордлсъ,
Лилсйной грудію раскрышой
Припикла, спрасшью ушомсшь?... —

(Horat. L. I. V.)

Какая ароматная атмосфера! Яблоки Апаланпы, грозды Вакховы и пушистые персики, прозирая сквозь яркую зелень, манящъ уста. Нѣтъ! эпо не садъ Капуциновъ; эпо садъ Лукулла, эпо

произведеіе магическаго жезла; — здѣсь хотѣлъ бы я съ вами, друзья, роскошествовать за круговою чашею, здѣсь хотѣлъ бы я пить любовь изъ очей милой Лилы:

Huc, vina et unguenta et nimium breves
Flores amoenae ferre jube rosae,
Dum res et aetas et sororum
Fida trium patiuntur atra! (1)

Такъ мечпалъ я о блаженствѣ, покоясь въ обширной тѣни; межъ тѣмъ мой вожапый подошелъ ко мнѣ и сказалъ: „замѣпили ль вы эпо ржавое кольцо, прикрѣпленное позади васъ къ скалѣ?“ я невольно вздрогнулъ, угадавъ его объясненіе: кольцо сіе принадлежало цѣпи несчастнаго спрадальца; мечпы блаженства быспро оплелѣли опъ меня... Я вспомнилъ разсказъ Оукидида:

„Сиракузяне, говориптъ Испорикъ, начали же- „споко обращатьсъ съ заключенными въ Лиэопо- „міяхъ. Спѣсенные въ пропастяхъ, подъ откры- „тымъ небомъ, сіи несчастные должны были спер- „ва переносиптъ зной солнечный и удушливый воз- „духъ, а въ послѣдствіи ѣдкую свѣжестъ осеннихъ „ночей, копорыя принесли имъ, въ замѣну преж- „нихъ спраданій, — другія... Мерпвыя тѣла на- „коплялись грудами и заражали несносными испа- „реніями воздухъ. Получая, въ продолженіе осьми

---

(1) Сюда, вино и ароматы!

Сюда, мгновенныхъ розъ вѣшки!

Пока мы юношью богаты,

И Парки къ намъ не жестоки!

(Hor. L. II. III.)

„мѣсяцевъ, по одной мѣрѣ (равной пригоршнѣ) во-
ды, — и по двѣ паковыя мѣры, хлѣба, на человѣ-
ка; мучимые голодомъ и жаждою — они испыта-
ли всѣ бѣдствія, которыя можно вообразить при
пакомъ положеніи... Это было самое ужаснѣй-
шее злочленіе для Грековъ въ продолженіе
войны пропиву Сиракузъ; — и по моему мнѣнію,
событіе сіе естъ изо всѣхъ памятныхъ событій
Греціи, славнѣйшее для побѣдипелей и злопо-
лучнѣйшее для побѣжденныхъ. Сіи послѣдніе, ис-
пытали бѣдствія чрезвычайныя. Ихъ пораженіе
было совершенное: войска, корабли, — все поги-
бло! — и изъ безчисленнаго воинства, токмо нѣ-
сколько человѣкъ увидѣли свое опечесство...“

(Кн. VII. г. 87.)

Историческое мѣсто сіе представитъ неис-
пошимые предметы для пейзажиста. — Здѣсь мо-
жно видѣть, какія чудеса производитъ небо Сици-
лии, памъ даже, гдѣ, кажется, нѣтъ жизни.

Близокъ былъ вечеръ; но мнѣ оспавалось еще
видѣть въ сей день капакомбы, находящіяся близъ
монастыря Св. Іоанна. Монахи заняты были еще
вечерними молитвами. Въ ожиданіи спорожа ка-
пакомбъ, мой жожапый предложилъ мнѣ осмо-
прѣть подземную церковь. Церковь сія, принадле-
жа самымъ первымъ вѣкамъ христіанства, заслу-
живаепть вниманіе; — первобытно была она Гре-
ческая, и живопись нѣкоторыхъ хорошо сохра-
нившихся аль-фресковъ, подобна живописи древ-

нихъ Византійскихъ церквей. Скромный храмъ сей украшенъ нѣсколькими готическими колоннами; свѣтъ, падающій сверху, разливаеть вокругъ опшѣнку таинственности. Тупъ показывають гробницу Св. Марціана, (одного изъ первыхъ проповѣдниковъ Христіанской вѣры въ Сициліи), — и граничную колонну, къ которой привязывали для испязаній мучениковъ - Христіанъ. Кто не почпипъ слезою мѣсто сіе!

Вскорѣ, насъ пригласили въ катакомбы: — спарець, строгой наружности, убѣленный годами, ожидалъ насъ у мрачнаго входа, съ пылающимъ факеломъ; знакомъ руки пригласилъ онъ меня за нимъ слѣдоваць; миѣ подали другой факель, — и мы вспушили въ широкую галерею, коей не видно было конца. Глубокая тишина земныхъ нѣдръ невольно вселяла въ насъ молчаніе; мы, казалось, боялись нарушити оное. Ожидая видѣть катакомбы, подобныя дополь мною виданнымъ въ Римѣ, въ Неаполь, въ Парижѣ, въ Кіевѣ, — копорыя состоятъ изъ узкихъ и неправильныхъ подземныхъ путей, — я не могъ скрыть своего удивленія, взглянувъ на величественныя линіи галерей, опкрышихся тогда передо мною. . . . Мы скоро взошли въ обширную ропонду, увѣчанную смѣло сооруженнымъ куполомъ съ круглымъ опверстіемъ наверху; опшуда спремился полосами слабый свѣтъ дня, озарившій безконечныя пупи, ведущіе во всѣ стороны и перяющіеся въ глубокомъ мракѣ. Въ стѣнахъ сей ропонды, правильно высѣчено нѣсколько впадинъ, для гробницъ и урнъ.

Гдѣ мы находимся? — спросилъ я у молчаливаго спарца, пораженный симъ вѣлищемъ: — „Въ палатахъ смерти“ — отвѣтствовалъ онъ мнѣ, опрысая факель, и приглашая меня сѣсть на одну изъ каменныхъ скамей, придѣланныхъ къ стѣнамъ. — „Здѣсь,“ продолжалъ онъ, „было мѣсто печальныхъ собраній великихъ нашихъ предковъ; сюда сходили они искапъ вдохновеній добродѣтели, близъ хладныхъ праховъ опцевъ своихъ; они не боялись свыкаться со смертію, коею образъ повпорялся здѣсь въ безчисленныхъ видахъ; — размышленіе надъ гробами полезнѣе всѣхъ нашихъ проповѣдей. Давно удалившійся изъ міра, я часто, въ нѣдрахъ земли, ищу упѣшенія опъ бѣдъ, поспигшихъ меня на поверхности оной!...“ Тяжелый вздохъ прервалъ его тихія рѣчи... Умирающій лучъ солнца, проникшій въ опверстіе, освѣпилъ внезапно блѣдное лице и блую бороду спарца; я взглянулъ на безоблачную лазурь неба: — она, казалось, выражала душу его, — а лучъ солнца — угасающую жизнь!...

За симъ, мы встали, и — поправка нагорѣвшіе факелы, направились далѣе во мракъ большой галереи. Сырой холодъ, дышущій опшпуда, начиналъ проникать меня; оный походилъ на холодъ смерти. Мой взоръ перялся въ семь лабиринтѣ путей. Всѣ стѣны заключаюптъ въ себѣ ряды гробовыхъ нишей разной величины; часпо находилъ я особые погребальные своды для цѣлаго семейства; памъ опличаюпся иногда двѣ среднія гробницы. Они заключали редоначальниковъ; а пѣ,

кои расположены разными эпажами по сторонамъ, или въ глубинѣ стѣнъ, — все поколѣніе ихъ. Необыкновенное множесиво сихъ гробницъ удивляетъ воображеніе, представляя ему необъятное число сошедшихъ пуда человѣковъ. Въ нѣкопорыхъ гробницахъ видны еще кости въ ужасномъ смѣшеніи. Въ сихъ опустѣлыхъ памянникахъ древнихъ Сиракузянъ, погребались въ послѣдствіи времени, гонимые Христіане. На иныхъ стѣнахъ сбереглась еще живопись; я замѣпилъ нѣсколько прекрасныхъ изображеній ппиць и цвѣповъ. Живопись сія очень походитъ на ту, копорая видна въ Помпеѣ и принадлежитъ лучшимъ временамъ Сиракузь. Жаль, что дымъ факеловъ, при показываніи оной путешественникамъ, замѣваеъ ее болѣе и болѣе; путь же видны мѣста для горѣвшихъ лампъ, крюки, на копорыхъ онѣ висѣли и нѣсколько надписей, совсѣмъ почни изгладившихся.

Въ одной изъ лучшихъ галлерей, остановила мои шаги большая гробница, споящая поперегъ пупи; она очень замѣпна, будучи единственнаго въ сихъ капакомбахъ. Можно полагаеъ, что въ ней заключался прахъ знаменипаго мужа; воображеніе можеъ выбирать изъ сонма великихъ прославившихъ сію землю... Капакомбы сіи суть цѣлый подземный городъ; — но эпо: *città dolente*, Данта.

Сыроспъ, а не успалоспъ, заставила меня предпріяпть обрапный путь; ибо я находилъ усладу, забывая на время свѣпъ, бродитъ въ семь

шамиспвенномъ мракѣ смерти, поглотившемъ сполько славнаго; — и окружашь себя въ мысляхъ, шѣнными гордыхъ Сиракузянь. Спарецъ прервалъ мои мечпанія разсказомъ, какъ одинъ изъ Капуциновъ, имѣя при себѣ прехъ или чепырехъ повѣренныхъ ему дѣшей, потерявъ дорогу, осшался на всегда въ сихъ могильныхъ нѣдрахъ; онъ прибавилъ, чпо одинъ изъ сихъ дѣшей, чудеснымъ промысломъ Провидѣнья, нашель выходъ, — и гдѣ же вы думаете? — У спѣнь Капаніи! Не знаю, справедливо ли эшо; но подземелья сіи идупъ на чрезвычайное распояніе, хонни пупи оныхъ шеперь во многихъ мѣсахъ преграждены обрушившимися сводами.

Проходя, на возвратѣ моемъ, чревъ одну изъ прекрасныхъ ротондъ украшающихъ сіи капаккомбы, я увидѣлъ сквозь круглое отверстіе, восшедшую луну и звѣзды, копорыя сіяли необыкновеннымъ блескомъ, по причинѣ темноты окружавшей насъ; я вспомнилъ тогда проведенную мною часшь ночи въ Римскомъ Пантеонѣ, гдѣ я любовался подобнымъ зрѣлищемъ, въ опкрытый сводъ онаго. Какая великая мысль была у сихъ Римлянъ, показашь взорамъ зрипелей, изъ совершеннѣйшаго храма рукъ человѣческихъ, великій храмъ Насуры, созданный Тѣмъ, Кто создалъ всѣ! Какой укоръ гордоспи чловѣка!...

Lo duca ed io per quel cammino ascoso
Entrammo per tornar nel chiaro mondo,
E senza cura aver d'alcun riposo
Salimmo su, ci primo ed io secondo,

Tanto ch'io vidi delle cose belle
Che porta 'l ciel, per un pertugio tondo:
E quindi uscimmo a riveder le stelle. (1)

*

И вождь и я, погда, чрезъ сокровенный путь,
Обратно въ свѣшлый міръ, въ молчаньи возвращались:
И оупъ трудовъ своихъ не мысля отдохнушь —
Оупъ шель впередъ, я въ слѣдъ — и пинхо подымались..
Прекрасны небеса, межъ нѣмъ, монимъ очамъ,
Въ опверспие круглос, помалу открывались, —
И вскоръ вышли мы къ сверкающимъ звѣздамъ...

(Дантъ. П. Адъ. П. XXXIV.)

Какая ночь! Садясь на обломокъ Дорической колонны, подъ навѣсъ вѣшвиспаго пластана, я весьма удивился, увидѣвъ многіе листья покрытыми блестящими искрами: то было безчисленное множество маленькихъ свѣпящихся мушекъ, называемыхъ здѣсь: *luciolii*; эпо походило на очарованіе! Какое благоуханіе разносится съ каждымъ дуновеніемъ вѣперка! — какое небо! — Цицеронъ, рожденный самъ въ благословенномъ климатѣ Кампаніи, плѣнялся небомъ Сиракузъ; какъ справедливо его замѣчаніе, когда онъ говоритъ, что воздухъ сей спраны шакъ чиспъ и ясенъ, что нѣпъ ни одного дня въ году, — какъ бы оный ни былъ ненашенъ, — въ кошорый бы

---

(1) Dante. Inf. c. ult.

солнце скрыло себя на цѣлый день опть чловѣковъ. (1)

Великолѣпіе noci и пишина, царспвующая вокругъ, погрузили меня въ размышленія; но вскорѣ, шорохъ шаговъ, вывелъ меня изъ оныхъ; по былъ добрый спарецъ, мой жоапыый по капакомбамъ; онъ несъ мнѣ корзину съ сочными плодами кактуса; я хотѣлъ возблагодарить его деньгами; но онъ погда только взялъ ихъ опть меня когда я согласился принять его подарокъ, копорый былъ истинно драгоцѣнный:— онъ вручилъ мнѣ небольшую серебряную монету, копорую онъ самъ нашель въ капакомбахъ, во рпу одного скелета, — это была плапа Харону за перевозъ чрезъ Ахеронъ! Сколько думъ понесъ я съ собою, принявъ сей могильный даръ вѣковъ минувшихъ, изъ рукъ опшельника!.. (2)

Возвращаясь домой, я чувспвовалъ большую теплоту въ аппмофсерѣ; наконецъ она такъ усилилась, что я не могъ спать почти во всю ночь; но восшедшее солнце принесло несперпимый зной, и мнѣ объявили, что Африканскій вѣперъ *сирокко* налетѣлъ на сей берегъ. Вѣперъ сей еспь

---

(1) *Urbem Syracusas elegerat, cujus hic situs, atque haec natura esse loci coelique dicitur, ut nullus unquam dies tam magna turbulentaque tempestate fuerit, quin aliquo tempore ejus diei solem homines viderint. (Cic. in Verr. A. II, L. V, c. x.)*

Сенека говоритъ тоже самое о Сиракузахъ: *Videbis... nullum diem sine interventu solis (de Consol. ad Marc. c. 17.)*

(2) Монета сіа по мнѣнію одного Археолога оказалась принадлежащею времени Гелона, но мнѣніе сіе не еспь утвердительное, ибо едина можно различить кое что на ней по причинѣ ржавчины.

бичь ложныхъ спранъ, приводящій въ изнеможеніе и людей и живописныхъ и распенія. Съ его появленіемъ, во всѣхъ домахъ закрываютъ окна спавнями, и вы не увидите ни одного существа на улицахъ; соскучивъ сидѣть въ шемнопѣ, весь сей день, я осмѣлился послѣ обѣда опкрыть окно; но я былъ за это наказанъ; удушливый воздухъ, подобный палящему испаренію печи, обдалъ лице мое, и красныя мелкія пятна покрыли оное на два или три дни. Вечеромъ, изъ любопытства, вышелъ я къ гавани; мутныя пары опягощали горизонтъ; но солнце, будучи еще часа за два до своего захожденія, лишено было лучей и походило на пустыскый раскаленный шаръ. Ни одного облака не видно было на небѣ, и природа, казалось, спрала. Подошедъ къ одному плавану, я увидѣлъ, что листья онаго свернулись; трава казалась изплѣвшею; пагубное сіе повѣтріе оспавляетъ надолго слѣды свои на распеніяхъ. — Выпавшая ночью сильная роса освѣжила воздухъ.

Г Л А В А XXII.

СПРАКУЗЫ: — БОЛЬШОЙ ПОРТЪ. — РѢКА
АНАПИСЬ. — ИСТОЧНИКЪ ЦІАНЫ.

Videbis portum quietissimum omnium, quos aut natura posuit in tutelam classium, aut adjuvit manus, sic tutum, ut ne maximarum quidem tempestatum furori locus sit. Videbis ubi Athenarum potentia fracta!...

(*Seneca. de Cons. ad M. XVII.*)

Прекраснымъ упрямъ, за полчаса до восхожденія солнца, опсправились мы, въ лодкѣ, къ баснословному источнику *Ціаны* и къ рѣкѣ *Анапису*, которая впадаетъ въ *большой портъ*. Алая заря румянила уже психія зыби гавани, вдоль коей мы плыли; берега и безоблачный сводъ неба отражались въ нихъ, какъ въ зеркалѣ. Сколько ужасныхъ бипвъ происходило на безмятежныхъ водахъ сихъ, давно уже неоглашаемыхъ кликами войны и шоржествъ! Всѣ побѣдоносные флоты *Каррагена*, — всѣ силы *Римлянъ* никогда не могли проникнуть въ сію чудесную гавань, которая, находясь почти въ центрѣ города, была для нихъ непреборимою преградою, о которую разбивались всѣ ихъ успѣхи (1). Но гордые *Аѳиняне* проникли туда, и ужасная смерть бы-

(1) Cic. in Verr. A. II. V.

да возмездіемъ ихъ дерзости. Здѣсь Аѣины получили первый ударъ, поколебавшій все зданіе ихъ славы; и гибель ихъ флота содѣлалась гибелью ихъ владычества! (1) Мы видѣли двухъ рыбаковъ, закидывающихъ мрежи съ пихимъ нафвомъ, на самомъ помъ мѣспѣ, гдѣ былъ уничтоженъ весь Аѣинскій флотъ подъ начальствомъ Демосѣена и Никіаса.

Аѣиняне, мечтавшіе покорить Сиракузы, сію мощную республику, соперницу ихъ славы, и испытавъ уже всѣ бѣдствія войны на сушѣ и на водахъ, рѣшили наконецъ возврапиться въ Грецію; но Сиракузяне, желая лишить ихъ всѣхъ способовъ къ опспупленію, и видя весь флотъ ихъ среди *большаго порта*, спѣсненнымъ между оспровомъ Орпигіею и мысомъ Племмиріемъ, вознамѣрились заградить проливъ нѣсколькими галерами, связавъ ихъ желѣзными цѣпями, прикрѣпленными опъ одного берега къ другому. Аѣиняне, не смопря на неудачи свои, имѣли еще весьма сильный флотъ, соспоявшій изъ 115 галеръ (проптиву 74 Сиракузскихъ), пакъ, что ихъ побѣда могла бѣ сдѣлаться пагубною для Сиракузянъ. Аѣиняне, видя себя запертыми со всѣхъ споронъ и движимые опчаяніемъ, сражались за жизнь, а Сиракузяне за вольность. Первые имѣли свидѣшелями всю свою сухопутную армію, споявшую вдоль берега, близъ пакъ называемаго Дасконова залива, (2)

---

(1) Cic. ib.

(2) Нынѣ: *marina di meloni*.

и воспламенявшую ихъ мужествомъ сладкимъ именемъ своего опечесства и необходимостью спасти жизнь свою; — а послѣдніе бились въ глазахъ своихъ матерей, женъ и дѣпей, покрывавшихъ спѣны Орпиги и Племмирія и повелѣвавшихъ имъ побѣду или смерть! Какую ужасную картину предопавляла оія бипва! Сколько кораблей, сколько жерпвъ погреблиось въ волнахъ оихъ! (1) Съ такими картинами въ мыолахъ, и почти въ глазахъ моихъ, я приплывалъ къ устью *Анаписа*, въ которое мы съ прудомъ вошли, по причинѣ мелей. Приближаясь къ ведущему чрезъ рѣку, грубо сложенному каменному мосту, который замѣнилъ полтъ великолѣпный мостъ, который соединялъ Олимпійскую цитадель съ городомъ, — мы увидѣли влѣво, на ближнемъ холмѣ, двѣ стоящія колонны, — единственныя оспапокъ опъ храма Юпитера Олимпійскаго. Поруча нашу лодку дѣвушкамъ, расплавившимъ по правѣ лентъ, мы сошли на берегъ и доспигли камениспаго холма. Сіе возвышеніе, которое занималъ огромный храмъ, окруженный укрѣпленіями, разрѣзано шеперь дорогою. Какъ печаленъ видъ сихъ двухъ обломанныхъ, но величественныхъ Дорическихъ колоннъ! Кругомъ все мертво; лишь одно карубовое дерево, прислонясь къ колоннѣ, болѣе попергѣвшей, — какъ бы защищаешь ее опъ времени и опъ людей. Это ли храмъ перваго изъ боговъ, чей жерпвенникъ не преспавалъ курипсья, куда приходи-

---

(1) Vid. Thucyd. et Diod.

ли съ препеномъ чипапъ судьбы царствъ? — Здѣсь было великолѣпное изваяніе Зевеса Олимпійскаго, прозваннаго: *Уріосъ*, ш. е. *даятель вѣтровъ*; его-то, изъ чистаго золота маншію, промѣнялъ Гіеронъ I-й на льняную, сказавъ, „что золотая слишкомъ холодна для зимы и тяжела для лѣта.“ Здѣсь хранились завоеванныя у Галловъ оружія, даръ Римскаго Сенапа Гіерону II-му. Храмъ сей, одно изъ древнѣйшихъ зданій Грековъ, современное Гимерійской и Фермопильской битвамъ, (1) господствовалъ надъ большимъ портомъ и находился противъ самаго пролива, покровительствуя выходъ кораблей въ море и возвращающъ ихъ въ гавань. Здѣсь находился спланъ Каррагенцевъ, предводительствуемыхъ Имилькономъ, осаждавшимъ Сиракузы; а тамъ, за рѣкою, влѣво отъ моста, сіе болото, называемое въ древности *Лизимела*, есть по самое, отъ испареній коего водворилась въ войскъ Каррагенскомъ ужасная чума — мщенье небесъ, за дерзость Африканскаго вождя, уснронившаго свой шаперъ въ самомъ святилищѣ храма Юпитера Олимпійскаго. Грозный Имильконъ принужденъ былъ немедленно отплыть въ Африку съ 20-ю тысячами воиновъ, поперявъ 280 тысячъ челоуѣкъ.

Почивъ горестнымъ воспоминаніемъ малые остатки величія храма Юпитера, мы возвратились въ лодку, и продолжали свое плаваніе. Рѣка Анаписъ, которую Теокрытъ, жившій береговъ ея, называешь *величественною*, (2) походитъ шеперь

---

(1) 480 лѣтъ до Р. Х.

(2) Theocr. Id. I.

на большой источникъ; но онъ такъ живописенъ, что можетъ оспоривать красоту у многихъ рѣкъ. Какая свѣжесть вѣетъ съ чистыхъ водъ!.. Проплывъ нѣсколько сажень, мы находились у раздѣленія рѣчки на два рукава; — лѣвый, былъ источникъ нимфы *Ціаны*, падающей въ объятія своего милаго Анаписа :

. . . . . et me dilexit Anapis! (1)

Мы остановились въ нерѣшимости куда продолжать плаваніе; оба печенія манили насъ своею нѣгою. Луговые берега Анаписа украшены разными деревьями, межъ коихъ помаваютъ красивыми вершинами нѣсколько молодыхъ пальмъ, — а источникъ *Ціаны* весь осѣненъ нагнувшимися съ обѣихъ сторонъ высокими проспнниками самой яркой зелени. Скромная нимфа склонила насъ на свою сторону, пѣмъ болѣе, что мы неперпѣливо желали видѣть знаменитый *папирусъ*, которій, въ Европѣ расплетъ только на водахъ ея. Вскорѣ проспникъ сдѣлался такъ густъ, что едва было мѣсто для нашей лодки; своды онаго часто были совершенно нагнуты и укрывали насъ отъ солнечныхъ лучей. Любопытство наше вскорѣ удовлетворилось вполнѣ. Нѣсколько прехъ-угольныхъ спволовъ, около 14 фузовъ въ вышину, съ широкими черными сулпанами на верьху, похожими на распущенные кругомъ волоса, — начали появляться большими группами. Папирусъ расплетъ

---

(1) Ovid. Metam. L. V.

въ водѣ; корень его имѣетъ видъ луковицы, желтоватаго цвѣта; онъ не касается дна, а находится въ среднемъ разстояніи отъ онаго; но соединяется съ землею покмо одною понкою жилкою. Съ какимъ почпениемъ глядѣлъ я на это распеніе, передавшее намъ событія глубокой древности! Я долго нерѣшался сорвать его, — такъ, имя *папируса* было для меня священно.

Бумага дѣлается изъ спвола сего распенія; спволь сей разрѣзываютъ на самыя понкія полосы и соединивъ края ихъ легкимъ клеємъ, накладываютъ попомъ, накрестъ, другой рядъ; послѣ сего кладутъ это подъ гнетъ, и подержавъ на солнцѣ, — употребляютъ. У Древнихъ, бумага сія выходила изъ работы совершенно бѣлою; но нынѣ не достигаютъ сего совершенства, хопя одинъ Сиракузскій жипель, Г-нъ Ландолина, весьма приблизился къ оному; но со смертію его обработываніе прекратилось. Въ Теофрастѣ, Плиніѣ и Касіодорѣ можно видѣть способъ приутопвленія папируса у Древнихъ (1).

Черезъ часъ самаго пріятнаго плаванія, достигли мы до начала источника Ціаны, гдѣ онъ имѣетъ видъ круглаго бассейна. Ни какой кристаллъ не можетъ сравниться съ прозрачностью его воды, хопя глубина состоитъ изъ пяти или шести саженой; но дно и безчисленное мно-

---

(1) Папирусъ называется здѣсь пародомъ: *parrusa* или *parrina*. Сіе рѣдкое распеніе доселѣ нигдѣ не видали, какъ покмо въ Египтѣ, на островѣ Мадагаскарѣ и въ Сиракуахъ.

жестиво играющихъ рыбъ видны какъ за стекломъ. Склоненные навѣсы высокихъ водяныхъ распеній и величеспвеннаго папируса любуются своею зеленью въ гладкомъ зеркалѣ источника; — одно только дуновеніе вѣтерка, вѣющаго ароматами съ прибрежныхъ луговъ, колыхаетъ изрѣдка звонкіе проросники. Какая тишина осѣняетъ это убѣжище нѣги! Какъ не узнать юную подругу Прозерпины въ такомъ прелесномъ превращеніи? Здѣсь нимфа сія, прохладая въ знойный день нѣжные члены свои, увидѣла внезапно грознаго Плупона, влекущаго въ быспрой колесницѣ прекрасную Прозерпину, ея подругу; напрасно Ціана, устремившаяся навспрѣчу Адскаго царя, спаралась склонить его мольбами, слезами и даже слабыми усиліями; — разгнѣванный богъ ударилъ желѣзнымъ скипетромъ по водамъ источника сей нимфы, — и внезапно воды раздвиглись, земля разступилась, — и Плупонъ исчезъ на семь мѣспѣ съ своею жерпвою, въ дыму и пламени, оставя нѣжную Ціану въ споль обильныхъ слезахъ, что она слилась съ источникомъ. Сюда пришла наконецъ Церера, искавшая дочь свою по всей землѣ, — но она не нашла ужѣ подруги своей дочери; Ціана не могла уже извѣспить ее о судьбѣ Прозерпины, но безмолвно открыла пайну, показавъ ей на поверхноспи пихихъ водъ своихъ всплывшій дѣвическій поясъ Прозерпины... (1) И нынѣ я видѣлъ шу же Ціану, одѣшую покровомъ сладкой задумчивоспи,

---

(1) Ovid. Metam. Lib. V.

опть поперѣ своей любимой подруги; но ищущую упѣшенія въ своемъ миломъ Анаписѣ, съ коимъ она шихо сливается, скрывая опть любопытныхъ робкую любовь свою подъ занавѣсами проспни-ковъ. Воды сего источника имѣютъ почти по-споянные приливъ и опливъ; причину сего явле-нія приписываютъ лунѣ; но это многими оспори-ваемо, хопя бы оно могло въ самомъ дѣлѣ суще-ствовать, если источникъ сей имѣетъ подземное сообщеніе съ моремъ. Обратный путь нашъ, по красотѣ мѣспѣ, все еще былъ новъ для глазъ мо-ихъ. Мы посѣтили также воды Анаписа, — и на-сладились карпинами богатыхъ долинъ, лежащихъ между болотомъ *Syraca palus*, (1) (давшемъ имя, Сиракузамъ) (2) и предмѣспіемъ Неаполиса. Доли-ны сіи назывались: *pratim Syracusanum*. Жаръ уже спановился весьма ощупипелень, когда мы вхо-дили обратно въ большой портъ.

Мы направились къ мысу *Племмурію*. Воптъ заливъ *Дасконовъ* и каменистый берегъ, къ копо-рому торжеспвующіе Сиракузяне припѣснили ко-рабли Аѣинскаго полководца Эвримедона, и гдѣ онъ погибъ. Воптъ дикій мысъ *Племмурій*. На одномъ изъ двухъ подводныхъ скалъ, (3) прилежащихъ къ сему мысу, воздвигли Аѣиняне крапковременный обелискъ, въ память морской побѣды надъ Сира-

---

(1) Сіе болото не должно смѣшиваться съ другимъ, ниже лежащимъ, называемымъ: *Лизкисла*.

(2) Vid. Steph. Bysant.

(3) Virg. Aen. Lib. III.

кузьянами. Окинувъ взоромъ сіи мѣста, мы поворошили къ *Ортигіи*, лежащей напроливъ:

Sicanio practenta sinu jacet insula contra
Plemmyrium undosum: nomen dixere priores
Ortigiam. (1)

Приближаясь къ проливу, мы съ восхищеніемъ увидѣли вдали лазоревую громаду Эпны. Вдоль сего самаго пролива Сиракузяне выстроили, какъ уже было сказано, рядъ галеръ, для прегражденія Аѳинянамъ пупи изъ порта. Вопль уже мы у спѣвъ Орпигіи; вопль и Ареспуза, жалобно вырывающаяся изъ подъ спѣвы, и поспѣвающая въ лоно вѣрнаго Алфея. Мнѣ казалось, что я слышу сладкіе звуки сей нимфы въ нѣжныхъ спихахъ Овидія:

. . . . . Nunc hospita veni.
Pisa mihi patria est, ab Elide ducimus ortum,
Sicaniam peregrina colo: sed gratior omni
Haec mihi terra solo est. (2)

. . . . . Здѣсь на чужбинѣ я!
Въ Элидѣ, за моремъ, тамъ родина моя;
Но здѣсь, я спрашница, въ Тринакрии далѣкой; —
Но мнѣ милѣй всѣхъ спрашъ сей оспровъ одинокой!

Жаръ такъ усилился, и воспоминанія объ Ареспузѣ такъ льстили воображенію, что я оставилъ моего поварища въ лодкѣ, а самъ пустился вплавъ къ пристани, находя особенную нѣгу чувствовашъ себя въ волнахъ Ареспузы и Алфея.

---

(1) Virg. Aen. Lib. III.

(2) Metam. Lib. V.

Г Л А В А ХХШ.

СИРАКУЗЫ: — ПРЕДМѢСТІЯ: ТИХА, НЕАПОЛИСЪ И
ЭПИПОЛЬ.

Von dem Moos gedeckt ein Architrav!

Ich erkenne dich; bildender Geist!

Hast dein Siegel in den Stein geprägt.

. . . . . , ...

(*Goethe.*)

Мнѣ оспавалось еще обозрѣть западную часть Сиракузъ, состоящую изъ предмѣстній Неаполиса, Тихи и Эпиполя. За часъ до восхожденія солнца были мы ужѣ на лошадяхъ. Первымъ предметомъ моего обозрѣнія былъ Амфитеатръ; онъ сохранилъ еще овальное свое основаніе, составленное частію изъ природнаго каменнаго слоя, частію изъ песаныхъ камней; въ немъ видны еще нѣсколько рядовъ спупеней, одна галлерей, нѣсколько сводовъ; но все это покрыто грудями камней, землею и правою. Большой діаметръ сего зданія полагаютъ въ 225 ф., а малый въ 138 ф. *Поприще* засѣяно пеперь пшеницею. — Амфитеатръ примыкалъ къ стѣнѣ, опдѣлявшей Неаполисъ отъ Акрадины. Построеніе онаго принадлежило Римлянамъ. До покоренія Сиракузъ ихъ оружію, амфитеатры, гдѣ проливались вмѣстѣ съ кровью живописныхъ, кровь человѣческая, — не были зи-

вѣспны гражданамъ сего города. Опшуда пупъ нашъ пролегаль чрезъ чащи фиговыхъ и гранатовыхъ деревъ; межъ нихъ лежало нѣсколько обломковъ колоннъ бѣлаго и желтаго мрамора; они служатъ пеперь скамьями для земледѣльцевъ и усталыхъ пупниковъ. — Вскорѣ мы остановились у подземнаго входа, по обѣимъ сторонамъ коего сполпъ по одной обломанной колоннѣ; по была одна изъ банъ Неаполиса; но чпобъ не навзавъ ее симъ простымъ именемъ, мой Чичерони назвалъ ее *Венериною*; подобныя *эпитеты*, часпо ложныя, пробуждаютъ иногда усыпленное любопытство пупешеспвенника. Опъ сего названія я охопнѣ спуспился по крупому крыльцу, подъ сырыя своды. Топчасъ при входѣ, на-право, подъ опдѣльнымъ сводомъ, увидѣль я бассейнъ, изсѣченный въ камнѣ; далѣ погребальную комнапу, (судя по двумъ или премъ спѣннымъ гробницамъ и нѣсколькимъ нишамъ для пепельныхъ урнъ). Подлѣ нея, на-право, видна другая баня съ водохранилищемъ, изъ коего сдѣланы проводы въ боковыя бассейны, находящяся подлѣ каждой спѣны. Въ средней спѣнѣ сдѣланы впадины для спашуй. Комнапа сја освѣщена сверху круглымъ опверспемъ. Но чпо значипъ погребальная комнапа? Я нигдѣ не видалъ подобныхъ *термовъ*, — эпо заслуживаетъ особеннаго изысканія антиквариевъ. Въ поляхъ, прилегающихъ къ сему мѣспу, найдена была земледѣльцемъ па прелеспная спашуя Венеры, о коей я уже говорилъ. Вблизи опспода, нѣсколько ниже, спущсповалъ нѣкогда, послпроенный Пие-

рономъ великолѣпный храмъ, длиною въ цѣлую стадію. Изящныя колонны его споль прельспили Маркелла, что онъ перевезъ ихъ въ Римъ, и они поддерживаютъ до нынѣ фронтонъ Панпеона. Въ сей же окрестности возвышались, по свидѣльству Цицерона, (1) храмы Цереры, Вакха и Аполлона Теменипа.

Мы приближались къ Діонисіевымъ Лапоміямъ, называемымъ нынѣ: *Paradiso* (рай); это пакже обширная каменоломня, расширяющаяся къ низу и подобная Лапоміямъ Капудиновъ; но впечатлѣнія, производимыя сими двумя мѣстами, различны. Лапоміи Капудиновъ должны бѣ были, съ бѣльшимъ приличіемъ, носить названіе *рая* (*paradiso*), ибо тамъ все обворожаетъ чувспва, — и роскошь Природы изгладила совершенно воспоминаніе что мѣсто сіе служило орудіемъ для угнѣпенія челоувѣчспва; межъ тѣмъ, какъ лапоміи называемыя *Діонисіевыми*, сохраняютъ еще доселѣ спрогую наружность, приличную ихъ назначенію. (2) Мы спуспились въ сіи пропасти изъ подъ свода древнихъ водопроводовъ, возобновленныхъ Сарацинами и Сицилійцами, и увидѣли себя, окру-

---

(1) Cic. in Verr. IV.

(2) Latomias Syracusanas omnes audistis, plerique nostis; opus est ingens, magnificum, regum ac tyranorum; totum est ex saxo in mirandam altitudinem depresso, et multorum operis penitus, exciso; nihil tam clausum ad exitus, nihil tam septum undique, nihil tam tutum ad custodias, nec fieri nec cogitari potest.

(Cic. in Verr. l. V.)

женными со всѣхъ споронъ, нависшими скалами красновапаго цвѣпа. Подъ ними разверзались мрачныя пещеры. Обрушенныя груды развалинъ успилали въ грозномъ безпорядкѣ поприще, изъ среды коего высоко восходипь каменный колоссъ съ разрушеннымъ зданіемъ на вершинѣ его, (подобно, какъ въ первыхъ Лапоміяхъ). Нѣсколько древнихъ маслинъ и кустовъ алоэ и какпуса распулть по ущельямъ. Солнечныя лучи начинали сильно дѣйствовать, и чрезвычайное множество красивыхъ ящерицъ, изумруднаго цвѣпа, показываясь по скаламъ, возвѣщали наспупающій зной. Подъ навѣсомъ одного утеса, приводящаго въ ужасъ проходящихъ, подошли мы къ высокой пещерѣ, — и спранныя наружность ея заставила насъ узнать пакъ называемое *Діонисіево ухо*. Въ самомъ дѣлѣ образованіе оной представляеть видъ уха, — но только не *теловѣческаго*... Сходство сей пещеры съ ухомъ, было, какъ сказывають, въ первый разъ замѣчено Микель Анжеломъ Караваджіемъ, и съ той поры она получила названіе *Діонисіева уха*. Густой плющъ и кустарники спелюпся по наружнымъ скаламъ и висяпть надъ мрачнымъ входомъ въ нее. Высота ея имѣеть бо фушовъ, ширина 20, а глубина доходитъ до 180 и болѣе, примѣпно съуживаясь. Эхо сей пещеры чрезвычайно громко и увеличиваетъ всякій шумъ почти въ десятиъ разъ; дѣйствіе опзывовъ сильнѣе на высоту, гдѣ звуки совокупаются. Тамъ сдѣлано родъ окна, которое можетъ назваться *слуховымъ*, ибо туда, слѣдуя нѣкоторымъ преданіямъ, прихо-

диль тиранъ Діонисій прислушивать рѣчи заключенныхъ имъ жерпвъ; малѣйшая ихъ нескромность доходила до слуха тирана и споила иногда жизни:

Et ces murs, Seigneur, peuvent avoir des oreilles!

(*Racine. Britan.*)

И самый ропотъ, послѣднее утѣшеніе несчастнаго, былъ воспрещенъ ему въ семь спрашномъ жилищѣ. Каменная лѣспница вела къ сему окну; нынѣ она не существуетъ, и опѣсная крупица дѣлаешь его недосыгаемымъ. Но чего не можеть произвести любопытство? Пастухи, бѣдные обитатели сихъ мѣснъ, изобрѣли для выгодъ своихъ опасный способъ возносить пуда пупешествѣнниковъ. Вѣроятно, что Англичане, первые проложили пуда дорогу, ибо меня не переспавали называть: *Mylord Inglese, Eccellenza*, когда я согласился на таковое пупешествіе. Вотъ какъ производился сіе вознесеніе:—нѣсколько человекъ, спавъ на краю наспяющей поверхности земли, бросають съ верху въ низъ длинный канатъ, прикрѣпивъ у себя конечность онаго къ дереву. Находящіеся въ низу, привязываютъ спущенный конецъ веревки къ толстой палкѣ, по самой срединѣ ея. Любопытный садится на сію палку, имѣя напаянутый уже канатъ промежъ ногъ, и держась за него руками; тогда дается знакъ находящимся на верху людямъ, кои начинаютъ паянуть, — и вы съ ужасомъ опдѣляетесь отъ земли выше и выше, ударяясь иногда объ скалы и обвиняя себя въ безразсудности, тогда ужѣ, когда достигли еспраш-

ной высоты; но всего опаснѣе та минута, когда, поравнявшись съ помянутымъ окномъ, вы перяетесь въ изысканіи средствъ, какъ пристать туда, боясь сойти съ своей палки или ослушаться. Обыкновенно пособляютъ въ семъ опасномъ случаѣ, заранѣ вознесшійся туда провожатый. Согласилесь, что спустивъ въ сію нору и лишаесь каната, положеніе ваше дѣлается весьма затруднительнымъ на такой высотѣ, съ зіяющею подъ вами пропастью; — тогда судьба ваша совершенно зависить отъ господъ пастуховъ, весьма дикой наружности. Они обыкновенно поргуются въ плачъ за ихъ прудъ прежде, — но я бы совѣтовалъ имъ тогда только заговорить о цѣнѣ, когда путешественникъ находится уже въ верхней пещерѣ; какую капипуляцію не подписалъ бы онъ тогда? Въ сей верхней пещерѣ есть съ боку опверстіе, чрезъ которое доходятъ съ низу звуки. Обыкновенно пастухи выстрѣливаютъ тогда въ низу изъ пистолепа, и ужасный громъ потрясаетъ всѣ фибры ваши; но еще удивительнѣе, что разорванный въ низу листъ бумаги производитъ на верху шумъ, подобный обрушившейся глыбѣ земли. Я присовокупилъ имя свое къ именамъ отважныхъ или безразсудныхъ, изпещряющихъ стѣны уже нѣсколько столѣтій — и не безъ опасности свершилъ свое сошествіе.

Неподалеку отъ *Діонисіева уха*, мы посѣпили пространную пещеру, коей чрезмѣрно плоскіе и обширные своды удивляютъ взоръ. Своды сіи поддержаны кое-гдѣ высѣченными изъ того же камня

подпорами; тамъ, въ прохладной тѣни нашли мы многочисленный кругъ паспуховъ и женъ ихъ, съ пряслицами въ рукахъ; большая корзина Индѣйскихъ фигъ, коими обилуютъ сіи каменоломни, стояла посреди общества, къ коему причислено было нѣсколько овецъ и козъ. Уродливыя пещеры и дѣйствіе пересѣкающихся въ нихъ тѣней, образуютъ прекрасный ландшафтъ. Сіи пропасти находятся во владѣніи паспуховъ. Пользуясь осыпающеюся землею, они насадили въ нѣкопорохъ мѣстахъ небольшіе сады. Овощи и плоды составляютъ всю ихъ пищу, а пещеры — дома; они напоминаютъ дикіе вѣка Природы.

Эліенъ повѣствуетъ, (1) что многіе несчастные, заключенные въ сихъ лапотіяхъ вмѣстѣ съ своими женами, породили дѣтей, и что сіи послѣдніе, по освобожденіи своемъ отъ ошуда, войдя въ первый разъ въ Сиракузы, были поражены страхомъ, увидя запряженные лошадьми колесницы.

Оставляя памятники пиранства *Діонисіевѣ*, гдѣ ужё солнечные лучи, отражаемые нагими стѣнами скалъ, слишкомъ сосредоточивались, — я съ особеннымъ удовольствіемъ занялся видомъ роекошной Природы: шумъ источника привелъ насъ подъ тѣнь фиговыхъ деревъ; воды его быспро спремилась съ каменнаго уступа и оживляла окрестность; когда мы приблизились къ нимъ, чпобъ утолить жажду, внезапный крикъ оста-

---

(1) Aelian. Variar. hist. lib. XII, c. XLIV.

новилъ насъ, и быстрѣе спрѣлы мелькнулъ въ мир-
новыхъ кустахъ, бѣлый станъ и длинная черная
коса; это была одна купавшаяся дѣвушка, изъ чи-
сла тѣхъ, кои мыли шуть плашь; смѣхъ подругъ
ея еще болѣе придалъ ей робости и ускорилъ ея
бѣгъ.

Туть открылись намъ остатки знамениаго
театра Сиракузянь. Уступы онаго и все по-
прище хорошо сохранились, но поросли кустами,
мхомъ и плющемъ. *Просениумъ* былъ разрушенъ въ
царствованіе Карла V-го, для крѣпостныхъ постро-
еній. Можно еще различить окружную стѣну, на-
зываемую *подіумъ*, — равно какъ и *входы* или
воитории. (1)

Теперь, на одной половинѣ сего театра, на
самыхъ уступахъ, утверждена водяная мельница,
дѣйствующая посредствомъ водопровода, (Сара-
цинскаго построения) направеннаго изъ предмѣ-
стія Тихи. Семья мельника отдыхала на мрамор-
ныхъ ступеняхъ, гдѣ возсѣдалъ нѣкогда Тимоле-
онъ, возбуждая или усмиряя окружающую его
толпу Сиракузянь, коихъ взоры успрямлялись
съ благоговѣніемъ на даровавшаго имъ свободу.
Когда сей великій мужъ уклонился опъ дѣлать въ
сельское уединеніе, то сюда приносили они его
на драгоценныхъ носилкахъ, для разрѣшенія важ-
ныхъ государственныхъ дѣлъ. Потухшіе опъ

---

(1) Наружная окружность театра имѣетъ 531 футъ и 4 дюйма;
внутренній діаметръ 19 сѣ полов. туаза. Форма зданія, заключа-
вшая болѣе нежели полукруга, превышаетъ оный на 45 ф. 10 дюйм.
и 8 лин.

спаросли, очи его не видѣли уже благодарныхъ гражданъ; но слухъ передавалъ сердцу героя благословенія народа. — Ничего не извѣстно о времени сооруженія сего театра; на одной изъ ступеней видѣнъ еще слѣдующій опрывокъ опъ надписи:

... ΒΑΣΙΛΙΣΣΑΣ ΦΙΛΙΣΤΙΔΟΣ

ш. е.

... Царицы Филистиды ...

и нѣсколько по ниже: ΠΡΑΚΛΕΟΣ ш. е. *Иракла*.

Царствованіе сей Филистиды естъ по сю пору загадка въ Сиракузской Испоріи; она была — слѣдуя инымъ преданіямъ, — жрицею Вакха; другіе называютъ ее *Демартою*. Сей театръ соединялъ верхній городъ съ нижнимъ. Чтобы пройти изъ *Акрадины* въ *Неаполисѣ*, должно было проходитьъ чрезъ нижнія ступени театра; а верхніе были наравнѣ съ плоскостью предмѣстія Тихи. Мѣстоположеніе сего зданія естъ одно изъ лучшихъ во всей окрестности. Самая великолѣпная половина Сиракузъ, Акрадина, Орпигія, Неаполисѣ, мысѣ Племмиріумѣ, — съ куполами и колоннадами храмовъ; обѣ гавани, наполненныя галерами — и Егейское море раскрывались предъ взорами многочисленныхъ зрительцевъ, часпо собираемыхъ не для однихъ увеселеній, но и для совѣщаній о благосостояніи республики. Какимъ краснорѣчіемъ одушевлялись здѣсь Орапоры, имѣя предъ собою всю славу своего отечества!

Отсюда каменистый слой начинаешь при-
мѣтно возвышаться; здѣсь видны еще стѣны, опдѣляющія предмѣстіе Неаполиса отъ Тихи. Стѣны сіи высѣчены изъ природныхъ скалъ, въ коихъ видно много погребальныхъ пещеръ; — и прежде, нежели продолжая путь, мы отдохнули въ одной изъ оныхъ, откуда бѣспъ теперь прекрасный источникъ. Съ сего мѣста я долго любовался полями Сиракузъ, прекрасными и въ опускѣннн своемъ . . . . но ни одно вѣприло не бѣлѣло ни въ гавани, ни на морѣ; спада были разсѣяны тамъ, гдѣ были проложены спогны, всегда оживленныя безчисленною толпою . . . . Направясь далѣе, мы вспутили въ изгибистыя улицы, образованныя скалами и называемыя нынѣ, какъ и въ древности: *еробовыми путями*. Стѣны сихъ улицъ заключаютъ въ себѣ ниши для урнъ и гробницъ. И споль печальное мѣсто было подлѣ самаго театра? Это доказываетъ, что Древніе не боялись видѣть смерть, вездѣ присутствующею. Частыя слѣды колесницъ видны еще на каменныхъ путяхъ. Здѣсь нашелъ Цицеронъ, посреди развалинъ и густаго шернія, гробницу Архимеда; онъ узналъ ее по начертаннымъ на ней, сферѣ и цилиндру, коихъ взаимная пропорція найдена была симъ великимъ Геометромъ. (1)

Отсюда путь нашъ спановился пруднымъ по возвышающимся скаламъ и по грудамъ разбро-
санныхъ развалинъ стѣны, опдѣляющей *Тиху* отъ

---

(1) Cic. Tuscul. L. V.

Неаполиса. Жаръ принудилъ насъ укрыться на нѣсколько времени въ одной хижинѣ, гдѣ мы подкрѣпили силы свои съѣспными запасами и Сиракузскимъ виномъ; а дессертъ гоповъ былъ на осѣнявшихъ насъ гранатовыхъ и шелковичныхъ деревьяхъ. Съ уменьшеніемъ жара, мы начали подниматься на живописныя скалы *Эпиполя* — позорище сполькихъ кровопролитій между Афинянами и Сиракузянами. Мирная деревня, справедливо называемая *Belvedere* (*прекрасный видъ*), занимаетъ шеперь грозныя крупины, на коихъ споль замекъ *Эвріалъ*, — конечность Сиракузь. (1) Тамъ развѣвалось нѣкогда республиканское знамя свободы, замѣненное нынѣ уединеннымъ пелеграфомъ. Другія двѣ высоты, называемыя нынѣ *Buffaloro* и *Mongibellisi*, заняты были замками *Гекзапилолъ* и *Лабдалолъ*.

Съ чрезвычайною усталостью, достигъ я наконецъ вершины Лабдала. Развалины сего знаменитаго замка, который всегда былъ сильнѣйшимъ мѣспомъ Сиракузскихъ укрѣпленій, сохранились досель; спѣнные камни необыкновенной величины, весьма искусно опесаны и связаны безъ извести; видно еще и основаніе воропъ и чепвероспоронній ровъ, окружавшій крѣпость. Вожапый мой, упомленный опъ пупи, оставилъ меня шущъ; я радъ былъ этому, желая оспашься одинъ съ своими мыслями; холодныя объясненія его были лишними при великолѣпномъ видѣ сихъ мѣспъ.

---

(1) См. *Göller. De Situ et orig. Syrac. c. XVII. adnot. 5. pag. 56.*

Г Л А В А XXIV.

Ночь на развалинахъ замка Лабдала.

Надъ Эгейскихъ водъ равниной
Свѣтелъ всходитъ рогъ луны,
Звѣзды, спящего пучиной
И берега отражены....

(Жуковский.)

... Vedrai

Un cavalier, ch'Italia tutta onora,
Pensoso più d'altrui, che di sé stesso.

(Petr. p. I. Canz. XI.)

Солнце капилось уже за лазоревые хребты Гиблейскихъ горъ; лучи его, скользящiе по луговымъ берегамъ пихаго Анаписа, успупали мало по-малу мѣсто лежащимся въ слѣдъ за ними тѣнямъ. Розовыя полосы погасающаго дня сіяли еще по гладкой поверхности Эгейскаго моря, омывающаго Сиракузы.... Въ южной дали обозначалась конечность мыса Пахина. Къ сѣверу пропягивались поля баснословныхъ Лестригоновъ; — а за ними весь горизонтъ закрытъ былъ колоссомъ громоносной Эпны. Не видавъ ее уже нѣсколько дней, я былъ пораженъ ея величiемъ: обвороченный взоръ мой какъ бы прилѣчился къ сему *столпу*

неба! (1) Черный дымъ, возносясь выше и выше, соединялъ чело ея съ звѣзднымъ эфиромъ; весь шаперъ исполинской горы ежеминутно синѣлъ болѣе и болѣе, и прельщалъ своимъ цвѣтомъ. — Сумерки заволокли уже меня и окрестность въ свѣжій покровъ свой — какъ вдругъ, полный шаръ луны, выплывъ въ необыкновенной величинѣ, изъ шуманныхъ паровъ Эгейскихъ волнъ — нарисовалъ на низменной долинѣ уродливыя вершины скалъ, — и обозначилъ ближніе предметы.

Какая мерзвая пишина, подумалъ я, облакаешь поля гдѣ были Сиракузы! градъ славы, предметъ зависти Рима, Карфагена и Аѳинъ! Вопль поприще кровавой борьбы сихъ прехъ великихъ столицъ міра! Губительное время исполнило надъ ними приговоръ свой; оно примирило нынѣ вражды ихъ. Тамъ, за сими волнами, погребенъ Карфагенъ; тамъ исчезаютъ послѣдніе остатки Аѳинъ; тамъ наконецъ Римъ, побѣдитель вселенной, едва напоминаетъ о себѣ полуразрушенной громадой Колисея, куполомъ Пантеона, лишеннаго боговъ своихъ, — и тщетностью побѣдныхъ столповъ и арковъ! Одинаковая пыль покрываетъ ихъ развалины! Храмы, чертоги, жилищны, гробницы, — всё, всё въ одной грудѣ! Прахъ Царей плѣветъ съ прахомъ рабовъ, — и время уравниваетъ все, что люди выводятъ изъ равенства!

И вопль къ чему ведешь суетное безпокойство смертныхъ!... О человекъ! ты ли дерзаешь

---

(1) Pind. Pyth. I.

называть себя власпелиномъ сей планеты, съ лица копорой и пы и память дѣяній пвоихъ исчезаютъ такъ быспро? . . . Блеснувшій внезапно свѣтъ изъ вершины опдаленнаго волкана, вывелъ меня изъ задумчивости, — и въ слѣдъ за симъ, глухой подземный ударъ опозвался подо мною: — *Cattivo presagio!* . . . „Худое предзнаменованіе!“ произнесъ весьма близко спранный голосъ, и заставилъ меня невольно вздрогнуть; я обернулся: — человекъ съ угрюмымъ лицомъ, опъ-часпи закрытымъ черными густыми волосами, развѣваемыми вечернимъ вѣтромъ, споялъ за мною, обернувшись въ широкій плащъ и облокоченный на оспяпокъ древней стѣны. Я не воображалъ имѣть свидѣтеля своихъ мечпаній. Видъ его привелъ меня въ сомнѣніе. Находясь одинъ, безъ оружія, въ пемнопѣ ночи, среди развалинъ, — первая мысль моя была не въ пользу его. „Съ кѣмъ я говорю?“ спросилъ я у него. — „Ты чужеземецъ,“ опвѣчалъ мнѣ незнакомецъ, „но и пы соболѣзнуешь надъ судьбами опцвѣпшей опчизны моей! и тебя поражаютъ сіи разсѣянныя груды разрушенія; — и такъ подумай, что производятъ онѣ въ душѣ шого, кто называетъ ихъ своимъ опечеспвомъ?“ — Тутъ закрылъ онъ плащемъ лице свое, и по нѣкопоромъ молчанію: „о священная Тринакрія!“ воскликнулъ онъ, — „злая спрана солнца! сколько разъ пы была счастливѣе въ тѣ паинспвенные вѣка, когда ни какой опважный плаващель не приближался къ горнымъ берегамъ пвоимъ безъ препепа! когда спрашныя имена Сциллы, Хариб.

ды, Эпны и Циклоповъ, переходя изъ успъ въ уста, съ ужасомъ опспраняли опсюда пупешеспвенниковъ. Сей самый молніеносный колоссъ, чьи грозные удары успрашають души наши, грозя присовокупить къ наспоющимъ бѣдамъ, новья, — сія самая Эпна нѣкогда была нашимъ геніемъ-хранителемъ; она въ по время, когда несмѣльные полки Карѳагенцевъ, пришедъ къ подошвѣ ея, дерзнули идти на Сиракузы, потрясшись въ своемъ основаніи, изрыгнула изъ грозной пасти огненные попоки, заградившіе пупъ ихъ дерзости! (1) Нынѣ она опъяла опъ насъ помощь свою! Я люблю бродить по симъ мѣстамъ разрушенія, продолжалъ онъ, пребывъ нѣсколько времени въ задумчивости — и вопрошая меня знѣкомъ руки: желаю ли я за нимъ послѣдовать? Сильное выраженіе чувствъ его, знакъ благородной искренности, и нѣкоторое любопытство съ моей стороны — заставили меня повиноваться ему.

Долго шли мы, храня молчаніе, по каменистымъ возвышеніямъ, вдоль полуразрушенныхъ стѣнъ; — лунный свѣтъ придавалъ имъ мрачное величіе. Вопъ, сказалъ мнѣ наконецъ незнакомецъ, показывая вдоль холмовъ на одно примѣтное возвышеніе, — вопъ по мѣсто, опкуда врагъ нашъ, великодушный Маркеллъ, коего поржесство было начальною эпохою нашихъ несчастій, обойма въ первый разъ, наканунѣ паденія сего города, удивленнымъ взглядомъ величеспвенные верьхи зданій

---

(1) Diod. Sic.

Сиракузъ, пролилъ слезы надъ судьбою, гоговою поразилъ и славный градъ и гордыхъ гражданъ!..(1) Глубокій вздохъ пресѣкъ его рѣчь; шутъ спали мы спускаемся со спѣнъ по прудной крупизнѣ, покрышой ихъ развалинами, — въ долину, за копорой сверкало море... глухой шумъ волнъ разносился по далекому проспранспву. Сошедши въ сію долину, я увидѣлъ поросшее кругомъ, высокою правою, опверстіе и каменную лѣспиницу, ведущую въ подземелье, куда направлялись шаги моего вождя; онъ спустился уже на нѣсколько спупеней, — а я спюялъ еще на поверхности; онъ обернулся, и видя меня неподвижнымъ, посмотрѣлъ на меня шагъ значительно, что взглядъ его казался мнѣ безмолвнымъ упрекомъ, — и я быспро за нимъ послѣдовалъ. Лунный свѣтъ показывалъ мнѣ обширный сводъ; темнота мѣшала видѣть далѣе; но слабое мерцаніе, казалось, блиспало въ нѣкопоромъ разспояніи.... Куда мы идемъ? — спросилъ я его съ удивленіемъ. — Въ мое жилище, опвѣпспивовалъ онъ мнѣ съ споконспвіемъ; — мы нахо-

---

(1) Marcellus; ut moenia ingressus, ex superioribus locis urbem, omnium fermè illâ tempestate pulcherrimam, subjectam oculis vidit, illacrymasse dicitur: partim gaudio tantae perpetratae rei, partim vetustâ gloriâ urbis. Atheniensium classes demersae, et duo ingentes exercitus cum duobus clarissimis ducibus deleti, occurrebant: et tot bella cum Carthageniensibus tanto cum discrimine gesta, tot ac tam opulenti tyranni regesque: praeter ceteros Hiero, quum recentissimae memoriae, rex, tum ante omnia, quae virtus ei fortunaque sua dederat, beneficiis in populum Romanum insignis; ea quum universa occurrerent animo, subiretque cogitatio, jam illa momento horae arsura omnia et ad cineres reditura!..

(T. Liv. L. XXV, c. 24.)

димся въ обширныхъ подземельяхъ, продолжалъ онъ, кои простираются на чрезвычайное пространство; они имѣли нѣкогда сообщеніе съ Акрадиною, и выходили къ большому порту; не удивляйся ихъ обширности и высотѣ сводовъ; полпы всадниковъ, во всемъ вооруженіи, спускаясь въ нѣдра земли, съ противной стороны, внезапно выѣзжали тамъ, гдѣ мы вошли, и какъ бы порожденные землею, неслись на встрѣчу врагамъ. Нынѣ сіе мѣсто служитъ, какъ ты видишь, обителью бѣдному пуспыннику. — Межь тѣмъ свѣтъ дѣлался яснѣе; мы вдругъ поворошили на лѣво, — и я увидѣлъ небольшую ропонду чрезвычайной правильности; преножная лампа спримила большими полосами лучи свои на полукружный нишь, въ которомъ споялъ бюстъ изъ бѣлаго мрамора поразительнаго величія; я подошелъ къ сему изваянію — и на основаніи онаго золотая надпись: *Extinctori tyrranidis* (1) показала мнѣ черпы великаго *Тимолеона*. Это храмъ, посвященный мною въ мрачныхъ нѣдрахъ земли сему герою; я назвалъ оный *Тимoleonтіонъ*; (2) но воптъ, продолжалъ онъ, зажигая факель и показывая на другое отдѣленіе, воптъ мой Панпеонъ — чепвероспороння

---

(1) О сей надписи на памятникъ Тимолеона, говоритъ Плутархъ (in Timol.). Фацелло (Lib. IV. 1 Dec. p. 85.) пишетъ, что въ 1550 г. найденъ былъ по случаю городскихъ работъ, мраморный бюстъ съ вышесказанною надписью на Греческомъ и на Латинскомъ языкахъ; (быть можетъ оригинальное изваяніе); но — къ сожалѣнію, не извѣстно куда онъ дѣвался.

(2) Название древней Сиракузской Гимназіи въ честь Тимолеона.

комната, со впадинами въ спѣнахъ для погребальныхъ урнъ, заключала вмѣсто оныхъ другіе небольшіе бюсты. — Сей коронованный спарецъ, сказалъ онъ, принадлежитъ малому числу тѣхъ смертныхъ, коихъ содѣлала корона добродѣтельной; онъ часто говаривалъ, мѣшаясь съ простыми земледѣльцами, слова сіи — кои оспались безсмертными: „Сиракузяне, возложь на меня вѣнецъ не должны были имѣть другой цѣли, кромѣ той, чптобы сдѣлать изъ меня защитника ихъ вольности, покровителя невинности, и дабы я примѣромъ простой и скромной жизни возбуждалъ къ добродѣтели согражданъ моихъ.“ Онъ же самый изпребивъ подъ Гимерою, Карѳагенскую армію, предводимую Амилкаромъ, видя побѣжденныхъ, у ногъ своихъ, просящихъ пощады и предлагающихъ ему всѣ возможные выгоды, — наложилъ на нихъ слѣдующую дань: „воздвигнувь храмъ безсмертнымъ богамъ, и уничтоживъ человѣческія жертвоприношенія.“ Ты узнаешь пеперь *Гелона*. Сиракузяне, низпровергшіе, съ полученіемъ отъ руки *Тимолеона* свободы, всѣ спатуи своихъ пирановъ, возвышавшіяся посреди *форума*, — сохранили токмо ликъ добродѣтельнаго *Гелона*. Близъ него ты видишь того гражданина, копорый хопѣлъ озарить лучами божественной Философіи душу пирана; это другъ *Платона*, побудившій его два раза заняться улучшеніемъ нравовъ нашихъ гражданъ. Когда Сиракузяне видѣли себя окруженными всѣми ужасами междоусобной войны, — народъ воскликнулъ единогласно: гдѣ

Діоніс? Возлѣ него, копя и чужеземець, споишь сей *Платон*, копорый казалось былъ жителемъ другой сферы, пришедшимъ озаряишь человековъ. Сицилія должна чпипишь его памяшь. — Вопишь *Герон*, покровитель и другъ Римлянъ, пребывшій имъ вѣрнымъ и въ по время, когда пресполь ихъ колебался; миръ и благоденствіе царспвовали съ нимъ въ сей спранѣ долгое время; Сиракузине видѣли погда баснословный золопой вѣкъ. Онъ воспиталъ сего глубокомысленнаго мужа, коего пы видишь съ сферою въ рукѣ, и копорый сверхъ-естественнымъ геніемъ своимъ замѣнялъ намъ цѣлую армию и невидимый, какъ божество, поражалъ враговъ. Созерцаніе небесъ и земнаго шара споль восхищало его, чпо всѣ прочія удовольствія казались ему ничтожными! Се попь, кпо могъ сказать: „дай миѣ почку, гдѣ бѣ я ушвердился — и я соврацу землю!“ — Вопишь два блестяще генія свободы: *Дамон* и *Пивіас*, коихъ небесное дружество подвигло до основанія жеспкоюу душу *Діонисія*, копорый, въ царскомъ вѣнцѣ, просилъ у нихъ, какъ милоспи, бышь въ прешей долѣ ихъ дружества. Вопишь *Стезихор* Гимерійскій, копорый явилъ примѣръ Тиртея въ своемъ опечествѣ. — Вопишь *Оокрит*, коего сладкія пѣсни напоминаюшь намъ, чпо оспровъ сей былъ нѣкогда счастливъ!... Вопишь... шупишь незнакомецъ прервалъ рѣчь; — я забываю, сказалъ онъ, чпо Земля сверпнаетъ круговращеніе свое и чпо я долженъ оставишь себя до свѣта; чпо я житель гробовъ и ночи... Я изумился... Мы направились въ обратный путь, и

не промолвили ни слова, доколѣ не вышли подѣ открытое небо. Созвѣздія, бывшія при сошествіи нашемъ, на краю горизонта, зрѣлись ужѣ тогда надѣ головами нашими. — Еслибѣ я зналъ, началъ онѣ, что сонѣ не пягопипѣ очей пвоихѣ, я провелѣ бы шебя обычнымѣ путемѣ своимѣ, пѣмѣ болѣе, что пы приблизишья къ мѣсту, гдѣ случай познакомилъ насѣ и гдѣ мы разспанемся. — „Незнакомецѣ, возразилѣ я ему, пы знаешь, что я умѣлъ почпипѣ шайну, въ кошорую облеченѣ пы по видимому; — но скажи мнѣ, съ кѣмѣ провожу я ночь сію?“ — Признаюсь, отвѣпствовалѣ онѣ, что до вѣренности пвоя даепѣ пѣбѣ право на вопросѣ сей; ончаспи могу удовлетворипѣ оный подѣ условіемѣ молчанія; но дай достигнушь намѣ конца пупи сего. — Мы начали опяпѣ взбираться на крутизны, — и взглянувь ещѣ разѣ на долину бншвы, столько разѣ упучненную кровію разныхѣ народовѣ, покушавшихся пропиву Сиракузѣ; — на порпѣ *Трогила*, коего окреспности были почпи три года покрыпы войсками Римлянѣ, осаждавшихѣ Сиракузы; — на песчаный мысѣ *Таписѣ*, по коему распилались пѣниспыя волны, осребренные луною — мы направились прямо, чрезѣ спрашныя груди стѣнѣ *Діонисіевыхѣ*, воздвигнутыхѣ въ двадцать дней, шестидесятью тысячами людей и шестью тысячами воловь, работавшими даже и во мракѣ ночи. Мы приближались уже, съвозѣ ужасное разрушеніе, къ глубокимѣ пропастямѣ. Свѣпѣ луны обозначалѣ въ нихѣ рѣзкими пѣнями, дикія безобразности скаль. Это пѣ *Лато-*

ми, (1) сказалъ мнѣ вождь, которыя находились на конечности предмѣстія *Тихи*; — безмолвные свидѣтели смерти толликихъ жертвъ пиранства. Сюда былъ заключенъ знаменитый поэтъ *Филоксенъ*, дерзнувшій похулить стихи *Діонисія*, когда сей Царь спрашивалъ у него искренняго мнѣнія. Освобожденный въ скоромъ времени, по предстательству друзей и находясь опять въ милостяхъ у пирана, *Діонисій*, въ знакъ примиренія, пригласилъ поэта на пиръ и не преминулъ впорочно прочесть ему новое свое стихотвореніе, — и дорожа мнѣніемъ *Филоксена*, съ полнымъ увѣреніемъ на сей разъ въ своемъ успѣхѣ, пребовалъ его сужденія: — *Филоксенъ*, не оповѣстивъ ему, обратился къ приближенной спражѣ и сказалъ: „*опведите меня обратно въ Латоміи.*“

Мы шли поперегъ предмѣстія *Эпиполя*, тамъ, гдѣ оно соединялось съ *Тихою* и *Неаполисою*. Тишина ночи, великолѣпіе звѣзднаго неба, склоняли непримѣнно разговоръ нашъ къ высокимъ предмамъ *Философіи*; сильная меланхолія, казалось, обладала душою незнакомца: „сколько разъ, сказалъ онъ, готовъ я былъ, сидя въ таинственные часы ночи, на вершинѣ надъоблачной *Эпны*, на краю разверснаго ада, низвергнувшись въ ужасное жерло, если бъ обративъ взоръ свой на небо, я не видалъ всегда написанныя на сводѣ его, огневзвѣдныя слова: *Надѣйся!*... Проходя мимо оспапковъ водопроводовъ, средь коихъ, нѣсколько величесп-

---

(1) Нынѣ: *le tagliate*.

венныхъ сводовъ едва спояли еще посреди всеобщаго разрушенія, — одинъ изъ нихъ съ прескомъ низпровергся неподалеку отъ насъ, и пробудилъ молчаніе сихъ мѣстъ; нѣсколько камней докапились до ногъ нашихъ: „Такъ и несчастіе, сказалъ мой спутникъ, болѣе чѣмъ время, разрушаетъ зданіе человѣка!“

Мы спустились уже съ каменистыхъ высотъ, въ очаровательную долину, гдѣ извивались пихія воды Анаписа; — какая противоположность разрушенію, которое мы оставляли за собою! — Свѣжій вѣперокъ, предвѣспникъ близкаго разсвѣта, повѣялъ на насъ атмосферою благовонія. Луговая долина привела насъ нечувствительно къ рѣкѣ; вдоль ея берега, нѣсколько молодыхъ пальмъ, склонясь въ зеркальныя воды, казалось, съ благоговѣніемъ ожидали поржеспвеннаго часа восхожденія свѣшила дня. Тупъ, незнакомецъ пригласилъ меня сѣсть на дерновое возвышеніе, подъ навѣсомъ плановъ. — „Не говоришь ли нѣчто душѣ пвоей, мѣсто сіе, сказалъ онъ мнѣ съ жаромъ, взявъ мою руку и чипая въ глазахъ моихъ необыкновенное удовольствіе, которое раждали во мнѣ очаровательныя красоты природы. — „Не бьетса ли сердце пвое? — эпа земля священна; здѣсь Тимoleonъ, провелъ въ пихомъ уединеніи, оспапокъ славной жизни — и здѣсь погребенъ прахъ его.... Но спану ль я продолжатъ, сказалъ онъ, успремя на меня приспально огненный взоръ свой... Я пошупилъ глаза, не отвѣчавъ ему. — „Такъ, возразилъ онъ, я понимаю тебя. Проспи мнѣ, какъ несча-

спному“ — и взглянувъ съ нѣкопорымъ безпокойствомъ на альющій воспокъ, — вдругъ продолжалъ съ новою силою: „сочтешь-ли ты меня за мечпашеля, если я скажу тебѣ, что однажды пришедъ на это мѣсто, въ пошъ часъ, когда темнота начинала облекать сей берегъ, я видѣлъ, что свѣжіе пары вечерней росы спали примѣпно сгущаться, здѣсь, гдѣ мы сидимъ, — и соспавя родъ облачнаго столпа, начали разсѣваться и образовать эирное тѣло спарца; — длинное облаченіе, бѣлое, какъ снѣгъ нашей Эпны, развѣвалось вътрами съ его плечъ; лице его было блѣдно, бѣлая брада сходила до пояса; глава его увѣнчана была кипарисомъ и посыпана пепломъ; въ одной рукѣ держалъ онъ разбитую корону и переломленный мечъ; показавъ мнѣ оныя, онъ указалъ другою на развалины Сиракузъ... медленно направился къ нимъ, и... Едва промолвилъ сіе незнакомецъ, какъ вдругъ близкій попопъ коней обратилъ наши взоры: то былъ мой *тигерони*, который давно уже съ большимъ безпокойствомъ меня опъискивалъ; — я просилъ своего ночнаго спутника оспаться, межъ тѣмъ, какъ самъ успѣшилъ предупредить, съ внупренней досадою, безпокойное посѣщеніе; шорохъ листьевъ заставилъ меня опять обернуться; — но незнакомецъ скрылся... и румяная заря освѣщала уже окреспность...

Г Л А В А XXV.

Ното. — Долина Испика. — Паллацоло
и возвратъ въ Сиракузы.

..... cùm frigida parvas
Praeberet spelunca domos, ignemque, lacemque,
Et pecus et dominos communi clauderet umbra.
Sylvestrem montana torum cum sterneret uxor
Frondebis, et culmo vicinarumque ferarum
Pellibus .....

(*Iuv. Sat. VI.*)

Я не хотѣлъ предпринимать обратнаго пути изъ Сиракузъ, не посѣпивъ знаменитую долину *Испика*, заключающую памятники первобытныхъ человѣковъ, населявшихъ Сицилію. Я говорилъ уже о семъ любопытномъ мѣстѣ. (1) Оно находится верстахъ въ шестидесяти отсюда, на южной конечности острова. — Чрезвычайный жаръ и усталость отъ безпрестанныхъ прогулокъ по развалинамъ Сиракузъ, дѣлали меня нерѣшимымъ на сію поѣздку, — но любопытство преодолѣло наконецъ все. — Мой вожакий предложилъ мнѣ путешествовать не иначе, какъ ночью или въ часы близкіе къ восхожденію или захожденію солнца; — я весьма одобрилъ этотъ планъ, тѣмъ бо-

---

(1) См. Введ. Гл. I.

лѣе, что намъ предстояли большею частію — пустыни. И такъ, мы оставили Сиракузы часа за два до заката солнца. Проѣхавъ рѣку Анаписъ мы направились, каменистою пропояю, мимо печальныхъ останковъ храма Юпитера - Олимпійскаго и высотъ Племмирія. Сія пропа замѣняетъ теперь роскошный путь *Гелорійскій*, пошъ самый, по коему отступила разбиная Аѳинская армія, предводимая Никіасомъ и Демосееномъ. (1) По мѣрѣ, какъ мы отдалялись отъ береговъ Анаписа оживленныхъ виноградниками и рощами, — запустѣніе увеличивалось. При захожденіи солнца достигли мы, по дикому и каменистому слою, до береговъ рѣки *Кассибили*, гдѣ природа опять оживляется. — *Кассибили* (2) называлась въ древности *Кассипарисъ* (*Casyparis*). (3) Она замѣчательна по вырытому ей водами въ горѣ, своду, длиною болѣе нежели въ 400 футовъ. Тутъ можно уже видѣть нѣсколько пещеръ, подобныхъ тѣмъ, которыя находятся въ долинѣ Испикъ; но позднее время воспрепятствовало мнѣ осмотрѣть сіи предметы. (4) Мы проѣхали неподалеку отъ селенія *Бландини*, построеннаго въ споронѣ отъ дороги, на возвышенномъ скалѣ, — и вскорѣ приблизились къ рѣчкѣ *Мирандѣ* (*Miranda*), древній Эринеусъ (*Erineus*).

---

(1) Thucyd. VII, с. 80.

(2) Отъ Сарацинскаго слова: *Uhasiblim*.

(3) Thucyd. loco cit.

(4) Говорятъ, что при устьѣ сей рѣки, находился нѣсколько источниковъ прѣсной воды, бьющихъ изъ морскаго дна, подобно тому источнику, который находился возлѣ Арспузы.

Миновавъ при свѣтѣ восшедшей луны пропизулежащія скалы, мы вѣхали въ городокъ *Аволу*, который занималъ высоты, до землепресенія 1695 года, разрушившаго оный; — и съ той поры переселенъ въ долину. — Помянутыя высоты сущь безъ сомнѣнія тѣ самыя, на которыхъ, по словамъ *Фукидида*, (1) расположился несчастный *Никиастъ* съ своимъ войскомъ въ первую ночь по своемъ пораженіи. Многіе путешественники безо всякаго основанія называютъ *Аволу* *Hybla Maior*, которая была между *Эпною* и рѣкою *Силетою*. (2) Мы отдохнули здѣсь одинъ часъ. Я видѣлъ *Аволу* только мелькомъ; но она мнѣ показалась довольно хорошо построенною. Окрестность изобилуетъ миндалевыми рощами.

Мы успѣвали достигнуть города *Ното*, куда я имѣлъ рекомендапельное письмо для ночлега въ монастырѣ. Прибывъ туда чрезъ безпокойныя крупины, въ глухую ночь, мы, не смотря на то, скоро достигали придверника въ монастырѣ *Спасителя* (*San-Salvatore*) и были ласково приняты. Городъ *Ното*, главный въ провинціи сего имени, хорошо выстроенъ на пологой высотѣ и на скалѣ. Многія зданія весьма замѣчательны; улицы широки. Народонаселеніе простирается до 11,000 душъ, и состоитъ большею частію изъ духовенства. Монастыри, церкви и часовни составляютъ большую половину городскихъ зданій, изъ

---

(1) Thucyd. L. VII, c. 82.

(2) Cluv. p. 333.

коихъ наилучшимъ счищается попъ монастырь , гдѣ мы оспановились. *Ното*, подобно *Аволѣ*, былъ прежде поспроенъ на крупной высотѣ, сосставляющей конечность *Гиблейскихъ* горъ и по одинаковой причинѣ, какъ и сей послѣдній городъ, — переселенъ ниже, верспъ за семь опъ прежняго мѣста, на коемъ находился древній *Неэтуль*, *Neetum*. (1) Мы посвящили здѣсь часа два сну. Насъ не хопѣли оппущипь, не напоивъ опличнымъ шеколадомъ, копорый доказывалъ роскошь здѣшнихъ брапій.

Мы оспавили *Ното* на разсвѣпѣ. Окреспности изобильны фрукповыми рощами и разными полевыми произраспеніями. Вскорѣ спуспились мы къ берегамъ рѣчки *Ното*, древній *Азинарб*, (*Asinarus*), споль знаменипый чрезъ пораженіе оспапковъ Аѣинской арміи, Сиракузянами. (2) Рѣчка сія мелка во время жаровъ, но въ зимнее время печеніе ея весьма порывисто. — Ужасная картина, описанная перомъ *Ѳукидида*, казалось, была у меня передъ глазами: „Съ разсвѣпомъ, говорипь „Историкъ, *Никіасъ* подвигся впередъ (опъ береговъ *Эриня*.) Сиракузяне съ союзнымъ войскомъ „продолжали тѣспипь Аѣинянь со всѣхъ споронъ, „осыпая ихъ спрѣлами и копьями. Но Аѣиняне „приближались къ берегамъ *Азинара*, выдерживая „безпреспанная нападєнія неспріапельской конницы и прочаго войска. Они надѣялись, перейдя рѣ-

---

(1) Diod. L. XI. — Cic. in Verr. act. V. — Plin. III, c. 8.

(2) Thucyd. VII, 84.

„ку, оградить себя нѣсколько ея печеніемъ —
 „и вѣспѣ съ симъ ушопить мучительную жаж-
 „ду. — Доспигнувъ рѣки, всѣ въ безпорядкѣ бро-
 „саются въ желаемыя воды спараясь упредишь
 „другъ друга. Непрiятель, напирая на нихъ, содѣ-
 „лываетъ переправу прудною. Стѣсненные опи-
 „всюду — они падаютъ въ воду и попираютъ одинъ
 „другаго. Зацѣпляясь за собственныя свои ору-
 „жiя, иные прободаются оными, другіе — увлека-
 „ются печеніемъ. Берега были крупы: Сира-
 „кузяне, переправившіеся на другую сторону, стрѣ-
 „ляли съ возвышеній по симъ злополучнымъ, за-
 „нятымъ большею часпiю уцоленіемъ своей жаж-
 „ды и приводящимъ сами себя въ разспройспво
 „посреди глубокой рѣки. Пелопоннезцы спускаютъ-
 „ся пуда и производятъ между ними страшное ис-
 „пребленіе. Вода багрилась кровью и возмущаетъ-
 „ся; но, не смотря на то, Аѳиняне глопаютъ оную
 „съ жадностію и оспориваютъ ее съ оружіемъ
 „въ рукахъ.“

Занятый такими воспоминаніями, я непримѣ-
 тно проѣхалъ глухую дѣбрь и увидѣлъ уже себя
 на берегу другой рѣки, зовомой *Абиссо*, древній
Гелорусъ (*Helorus*). Слабый грохотъ ея спруй, тек-
 ущихъ по камнямъ, напоминаетъ выраженіе По-
 эта *Силлія*, который называетъ ее: *гремящею*,
 (*clamosus Helorus*). (1) *Виргилій* также посвятилъ
 ей одинъ стихъ:

— et inde

Ex supero praepingue solum stagnantis Helorus. (2)

(1) *Sil. Ital. L. XIV.*

(2) *Aen. L. III, v. 698.*

гдѣ онъ приписываетъ ей совсѣмъ другое свойство, — называя воды Гелоруса *стоящими*; но и топъ и другой Поэпъ, правы, потому что сія рѣка быстро спускаясь со скаповъ Гиблейскихъ горъ, сначала шумна и спѣснена берегами, а при впаденіи своемъ въ море поспоянно разливаешся зимою, упучняя долины, (называемыя Овидіемъ *Eloria tempe*) (1), и пребывая въ семъ положеніи нѣсколько времени. Фацелло говоритъ, что рѣка сія образуетъ многія пещеры, и что опзывы бурнаго Африканскаго моря вторяются въ нихъ на подобіе громоваго гула. (2) Топъ же авторъ упоминаетъ объ остаткахъ древняго города *Гелора* (3) въ тысячѣ шагахъ отъ устья сей рѣки; но слѣды онаго состоятъ только въ одномъ сполпѣ (4) изъ песаныхъ камней. Около сего же мѣста былъ замокъ Гелоръ, *castellum Helorum* (5); но и неизвѣстно, какому изъ сихъ двухъ мѣстъ принадлежатъ сей памятникъ. Рѣка Гелорусъ ознаменована двумя бипвами: — въ первой, Карвагенцы были побѣждены Хроміемъ, песшемъ Гелона, а во второй. — Сиракузяне были разбины Гиппокрапомъ, пираномъ города Геллы.

Окреспности рѣки *Абиссо* весьма плодородны и живописны. Опрохнувъ и прохладясь по ту сторону оной, въ пѣни апельсинныхъ и карубо-

---

(1) Fast. Lib. IV.

(2) Faz. L. IV. prior. dec. c. II. p. 110.

(3) Cluv. p. 186. — Ptolom. — Scylax.

(4) Называсмомъ: P'Aguglia.

(5) Plin. Lib. XXXII. c. II.

выхъ деревъ , въ саду, принадлежащемъ деревнѣ *Бенфола*, мы наконецъ достигли селенія *Росолини*, весьма успалые опъ каменистой дороги , на копорой мы не находили ни дерева , ни хижины, гдѣ бѣ можно было укрыться опъ жестокаго зноя.

Долина, называемая *Испика*, по имени нѣкогда бывшаго здѣсь Сарацинскаго замка, находилса между симъ послѣднимъ селеніемъ и городомъ *Спакафурно*. — Изнуренный жаромъ, я не рѣшилса на новый пупъ прежде вечера. Я не могъ, въ продолженіе дня, принять никакой пици, кромѣ лимоннаго мороженаго и рюмки вина. Около шестпи часовъ вечера, когда зной нѣсколько уменьшилса, мы оставили *Росолини*, взявъ опсюда новаго провожапаго, копорый нанялся соупспровождать насъ до *Палацоло*.

Проѣхавъ около пяпи Италіянскихъ миль, по кремнистой, однообразной почвѣ, лишенной распеній и приводящей въ уныніе взоръ, — я пораженъ былъ опкрывшимися передо мною глубокими и обширными оврагами, копорые извивались на далекое проспранство. Удивленіе пупешественника пѣмъ болѣе велико, что, сколь проѣханное имъ проспранство мертво, споль плодородна сія низменная долина, представляющаяся ему такъ неожиданно. Обрывистый спускъ ведетъ въ нее; — она понижена опъ наспоящей поверхности земли на спю футъ. При самомъ спускѣ опкрывающса уже на пропивоположныхъ скалахъ, споящихъ опвѣсно, ряды темныхъ впадинъ; онѣ производятъ спранное дѣйствіе на взоръ, и не зная назначенія

ихъ, трудно разгадать сей видъ. Я уже описалъ въ первой главѣ образованіе сихъ дикихъ жилищъ первобытныхъ человѣковъ. — „Тогда, по словамъ „Ювенала, прохладная пещера была ихъ домою; „погда находились подъ общимъ кровомъ и очагъ, „и боги лары и спада и хозяева; погда, полудикая „супруга успилала листвѣемъ брачное ложе и одѣ- „вала оное звѣриными кожами.“ (1) Я не спану повпорять сказаннаго, но — присовокуплю къ оному нѣкопоры замѣчанія.

Множесво сихъ пещеръ свидѣльствуетъ большое народонаселеніе. Совокупность оныхъ, въ одной частіи Сициліи, можетъ заславить догадываться, что чрезвычайный случай привлекъ сюда главную часть ея жителей, ибо окрестности Эпны гораздо привлекабельнѣе и плодоноснѣе сихъ послѣднихъ. Случай сей виденъ въ преданіяхъ Исторіи, которая повѣствуетъ, что изверженія Эпны, невиданныя дополь, принудили первоначальныхъ человѣковъ оспавить съ ужасомъ ея окрестности (2) — и это самое время должно быть, какъ мнѣ кажется — эпохою сооруженія сихъ дикихъ жилищъ.

Спѣны скаль, обрушенныя временемъ, обнаруживаютъ внутренность сихъ пещеръ, коихъ большая часть недосыгаема. Я посѣщалъ нѣкопоры; — почти всѣ образуютъ чепверосторонники. Иныя сосоятъ изъ разныхъ комнапъ, въ

---

(1) См. эпиграфъ сей главы.

(2) См. 1-ю главу I-й частіи сего Путешествія.

копорыхъ замѣны гробовыя ниши. Съ умноженіемъ семейства, высѣкали въ скаль новыя комнаты, а со смертью каждаго семьянина высѣкалась новая гробница. Жизнь и смерть обитали вмѣстѣ. Въ иныхъ комнапахъ видны закругленныя лѣстницы; но онѣ избличаютъ уже своимъ образованіемъ, позднѣйшихъ наслѣдниковъ настоящихъ *Троглодитовъ*. Нѣсколько Греческихъ надгробныхъ надписей и урнъ, найденныхъ на сѣверной споронѣ сихъ овраговъ, показываютъ, что Греческія колоніи, до построенія своихъ городовъ, замѣщали нѣкопоре время сіи дикія жилища Троглодитовъ. Мнѣ показывали памъ желѣзныя кольца, служившія для привязыванія скота, — и крючья для разныхъ снадобей; но это не принадлежишь временамъ позднѣйшимъ, ибо обработываніе желѣза приписываютъ Циклопамъ. (1) Я сказалъ, въ первой главѣ, что пещеры сіи задвигались досками; слѣды сего обыкновенія видны еще привходѣ, въ выдѣланныхъ въ камнѣ выемкахъ.

Часъ сихъ овраговъ, называемая въ простонародіи: *Замокъ Испика* и состоящая изъ опивѣсной скалы, просверленной пещерами, истоцила кистъ всѣхъ живописцевъ, посѣщавшихъ сію спрану. Роскошью и дикосшью природы, мѣста сіи походяшь на Сиракузскія лапоміи, но въ большемъ видѣ, ибо пакъ называемая *долина Испика* простирается верстъ на 10 или болѣе. — Въ одной изъ низменныхъ пещеръ, попоки образовали спраш-

---

(1) См. Plin. Hist. Nat. VII. 56. ante med. Sect. 57.

ной глубины бездну, куда, по словам моего вожа-паго, *негистый духъ* впаскивалъ не одинъ разъ любопытныхъ. — Нѣкоторыя изъ пещеръ обитаемы пещеръ новѣйшими Троглодитами; и я видѣлъ тамъ въ напурѣ вышеприведенное Ювеналово описаніе, но только въ самомъ непривлекательномъ образѣ; дикій смѣхъ и вмѣстѣ — какой-то страхъ, обнаруженный сими людьми съ приближеніемъ нашимъ, помѣшалъ намъ посмотрѣть на ихъ образъ жизни.

Среди роскошныхъ каршинъ природы, достигли мы, въ глубокую ночь, но вспомошествоваемые луннымъ свѣтомъ, до города *Палацоло*. Мы слѣдовали долгое время поверхъ печенія рѣки *Абиссо*, называемой въ сихъ мѣстахъ *Аптеларо*.

Палацоло построено на сѣверовосточномъ скатѣ Гиблейскихъ горъ и находится во владѣніи фамилии Руффо. Въ немъ счисляютъ 8500 жителей. Онъ занимаетъ мѣсто древней *Акры*, (1) первой колоніи Сиракузянъ (665 л. до Р. X.) По сіе время часть горы, на коей стоить пещерный городъ, называется *горою Акры (Acremonte)*. (2) Сей неопрятный городокъ привлекъ мое любопытство, по находящимся близъ него оспащкамъ первоначальнаго ваянія; они состоятъ изъ нѣсколькихъ *фигуръ*, высѣченныхъ въ скалѣ (возлѣ

---

(1) Faz. I. Dec. L. X. p. 228. — D'Anville Géogr. anc. éd. de Paris. 1769. in fol. et cartes.

(2) Неподалеку отсюда, на главной высотѣ, процвѣтала *Ербессъ*, *Erbessus*, — другая колонія Сиракузянъ.

источника называемаго: *Aqua Santa*, у подошвы горы, на коей стоить городъ. Онъ представляють людей большаго роста и нѣкопрыхъ живописныхъ. Многія фигуры едва уже видны. Я замѣтилъ особенно одно изображеніе, представляющее полуобнаженнаго человѣка, держащаго коня. Хотя сіи первые опыты искусства и грубы; но совсѣмъ тѣмъ они несятъ на себѣ оппечалокъ величія. Цѣль сихъ изваяній затрудняетъ многихъ, писавшихъ о семъ предметѣ; главнѣйшая трудность въ разрѣшеніи сей загадки состоить въ томъ, что всѣ сіи фигуры имѣють разныя величины, такъ, что иногда малое изображеніе находится возлѣ большаго. Не смѣя излагать здѣсь рѣшительно своего мнѣнія, — мнѣ кажется, что хотя многія изъ сихъ фигуръ составляютъ настоящія барельефы, но другія суть *недоконганныя изваянія*; ибо ни одна изъ сихъ фигуръ не имѣетъ *полной* опдѣлки; и такъ, статуи сіи или барельефы, по мѣрѣ ихъ окончанія, опдѣлялись отъ скалы, и занимали мѣсто въ форумѣ, въ порпикахъ, или въ палапахъ древней *Акры*; а неровность въ ростѣ сихъ изображеній, кажется мнѣ, служить подтвержденіемъ сей догадки.

Скромный объѣдъ мой въ неопрытной гостиницѣ, украшенъ былъ прекраснымъ сотомъ Гиблейскаго меда, столь знаменитаго въ древности. Я пустился въ путь, по обыкновенію, вечеромъ; напрасно праплирщикъ старался удержатъ меня разсказами о разбойникахъ: — они казались мнѣ менѣе спрашными, чѣмъ Африканской зной, копо-

рый изнурялъ мои силы. Чрезъ каменистыя горы и овраги доспигли мы къ полуночи до *Флориди*, окруженной рощами фруктовыхъ деревь. Тупъ мы опдохнули, а на разсвѣтъ — ѣхали уже чрезъ великолѣпныя развалины Неаполиса и Тихи. До восхожденія солнца прибылъ я въ Сиракузы, гдѣ ожидалъ меня съ неперпѣніемъ мой повзриць.

Г Л А В А XXVI.

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ ИЗ СИРАКУЗЪ ВЪ КАТАНЮ. — Г. АВГУСТА.

Ergò, sacri fontes et littora sacra, valcte!
Nympharum pariter, Nereidumque domus!
(*Mart. Epigr. L. IV. 57.*)

Заря едва еще алѣла, когда мы выѣзжали изъ укрѣпленій Сиракузскихъ; я удерживалъ моего лошака, и безъ того медленнаго, — чѣмъ болѣе напечатлѣвъ въ воображеніи своемъ споль знаменитый берегъ... Эгейское море горѣло уже румянымъ свѣпомъ занимающагося дня, когда мы спускались по прежней дорогѣ съ кремнистыхъ холмовъ *Акрадины*. Тупѣ были нѣкогда тѣ самыя городскія воропа, возлѣ коихъ, при промѣнѣ военноплѣнныхъ между Сиракузянами и Римлянами, одинъ воинъ, изъ сихъ послѣднихъ, счелъ число камней, соспавлявшихъ высоту спѣны — и рѣшилъ Маркелла на приступъ, тогда, какъ онъ намѣревался уже снятъ осаду. Не должно удивляться глазомѣру сего Римлянина; ибо спѣны Сиракузскія, какъ было сказано, состоятъ изъ огромныхъ камней. Я привѣтствовалъ въ послѣдній разъ прощальнымъ взглядомъ, развалины сихъ пвердынь, протягивающіяся по вершинамъ возвышеній, до скалъ опдаленнаго Эпиполя.

Римъ, Аѳины, Сиракузы! какой человекъ одаренный воображеніемъ, оставитъ развалины ваши, не понеся съ собою неизгладимыхъ воспоминаній? Я покидалъ землю, заключившую въ себя священный прахъ Гелона, Тимолеона, Архимеда, Гіерона, Діона, Теокрипа! — Миръ вамъ, великіе! — Миръ себѣ, земля славы! — Твое опустѣніе, пвоя мерпвенность, прекраснѣе роскоши земель выходящихъ изъ рукъ Природы во всемъ цвѣтѣ юности. Соки пвой утратились на вскормленіе великаго народа! Слой пвой краснорѣчивъ, обилень на вдохновенія! Опдаленный спранникъ съ благоговѣніемъ ступилъ на берегъ пвой и воззоветъ: „Миръ себѣ, земля славы!“

Iussi numina magna loci veneramur; (*Virg. Aen. L. III.*)
„Послушныя, мы привѣщствуемъ великія божества сихъ мѣстъ!“

Говоритъ Эней о берегахъ Сиракузскихъ.

Дорога отсюда до Капаніи, ужé мною описана. На лѣсныхъ скалахъ, по шу спорону мыса *Тапса*, зашла нась ночь. Тушь ожидало нась прекрасное зрѣлище. Полная луна, свѣтившая дополъ во всемъ блескѣ, начала внезапно померкать; я замѣчалъ съ большимъ вниманіемъ, ни чѣмъ неразвлекаемымъ въ споль дикомъ уединеніи, постепенность сего заимѣнія. (1) Я вспомнилъ тогда о грозной судьбѣ, постигшей передъ Сиракузами Аѳинскую армію, отъ суевѣрія вождя ихъ, Никіаса. Обремененные бѣдствіями войны, Аѳиняне рѣшились оставитъ Сицилію; все было ужé готово къ тайному

(1) Юля 22, ст. ст. Августа 5, и. ст.

опплытію, какъ вдругъ луна померкла. Смущенный Никіасъ, видя въ помъ несонзволюеніе боговъ, прибѣгъ къ гадашелямъ, — и они произнесли, что армія не должна опплывать прежде прехъ разъ девяти дней, — (шайнспвенное число Древнихъ). Никіасъ повиновался, — и погибъ со всею своею армією! Не такъ поступилъ предпріимчивый Діонъ. Луна запымилась въ самое по время, какъ онъ снимался съ якорей изъ Зацнпа, для опплытія въ Сиракузы, въ намѣреніи свергнувъ съ престола пирана Діонисія. Не смотря на угрозы гадашелей, онъ пуспился въ пупъ, — и свершилъ свое предпріятіе. Можно ль удивляться слабому просвѣщенію Древнихъ въ физическихъ предметахъ, когда Неаполипанское Правительство сочло нужнымъ (кажется въ 1805 или 1806 году) объявить по всему государству о наспунающемъ солнечномъ запымніи — для успокоенія умовъ!!

Спусаясь въ долину, мы рѣшились опдохнуть нѣсколько часовъ, возлѣ береговыхъ укрѣпленій; но вожапый совѣповалъ намъ, какъ и въ первый разъ, не довѣряться сему мѣспу, по причинѣ *злаго воздуха*; но успалось все превозмогла! Вопще грозилъ онъ намъ смерпью; мы привязали лошаковъ, разосплали плаци, и выпивъ по круговому спакапу душиспаго Сиракузскаго вина, коимъ снабдилъ насъ съ излишеспвомъ, почпennyй Г-нъ Занги, условились не проспавъ болѣе часа, прося нашего вожапаго, (копорый, *не желая умирать*, ни какъ не рѣшался спать) — разбудить насъ къ сроку. Долго лунное запымніе

было предметомъ нашихъ наблюдений; но наконецъ упоминеніе усыпило насъ. Когда мы проснулись, солнце уже вставало; жопаый нашъ крѣпко спалъ, обвязанный поводами лежащихъ возлѣ него лошаковъ, — и мы всѣ были живы! Тогда онъ сказалъ намъ, что *cattiva aria* (злой воздухъ) не имѣетъ дѣйствія при Русскихъ!!

Вскорѣ открылся намъ городъ *Августа*, на мысѣ, превращенномъ въ оспровъ землеприсеніемъ 1693 года. Множество пальмъ украшаютъ окрестности сего города, который считается въ числѣ лучшихъ крѣпостей Сициліи и не менѣ замѣчательна весьма хорошею гаванью. Онъ основанъ Императоромъ Фридрихомъ II-мъ, переселившемъ въ него часть жителей древней Центорицы (нынѣ Центорби), кои загладили за возмущеніе пропивъ него, разрушеніемъ ихъ города. Августа приобрѣла несчастную извѣстность злобнымъ поступкомъ ея жителей противу партіи больныхъ Французовъ, возвращавшихся изъ Египта военно-плѣнными Англичанъ. Правда, что нѣкоторые изъ сихъ Французовъ оскорбили одного гражданина но — они не заслужили участи, постигшей нѣкогда въ Сициліи соотечественниковъ ихъ. Августа возобновила ужасныя *Сицилійскія вѣтерны*, и показала, что вражда къ Французамъ не умерла еще на семь оспровѣ. Всѣ до одного изъ сихъ несчастныхъ, были безжалостно умерщвлены.

Не подалеку отсюда проѣхали мы чрезъ два рукава рѣчки называемой нынѣ безславнымъ име-

немъ: *di porcari*; но это древній *Пантагіи* споль звучный въ списахъ Римскихъ поэтовъ:

Ecce autem Borcas angusta ab sede Pelori

Missus adest. Vivo praetervelox ostia saxo

Pantagiac, Megarosque sinus, Thampsumque jacentem! (1)

Клавдіанъ представляетъ намъ его капающимъ камни въ быспрыхъ волнахъ: *saxa rotantem*; это справедливо и досель, когда рѣка сія наполнясь весенними попоками усремляется съ высотъ *Лептинскихъ*. Повѣствуютъ что Церера погруженная въ глубокую горестъ поперею своей дочери, подошедъ къ берегамъ шумящаго *Пантагія*, заставила умолкнуть волны ея, заглушавшія ея жалобы . . . Устье сей рѣки, какъ и при *Виргиліѣ*, заключено въ дикихъ скалахъ.

Къ полудню мы находились уже передъ колоссомъ Эпны, среди плодоносныхъ садовъ, окружающихъ Капанію. Поселяне, съ своими женами и дѣтьми, заняты были сборомъ Индѣйскихъ фигъ. Посредствомъ длинныхъ шестовъ, къ конечности коихъ придѣланъ острый гвоздь, снимаютъ они сей плодъ, который нельзя срывать руками, по причинѣ безчисленныхъ тонкихъ иглъ, покрывающихъ оный. Я помню, что однажды, помимый жаждою, я сорвалъ по незнанію одну изъ такихъ фигъ, и цѣлые при дня не могъ освободиться отъ иглъ, терпя сильную боль при каждомъ прикосновеніи къ чему нибудь.

---

(1) Virg. Aen. L. III. Ovid. Fast. L. III. — Sil. it. L. XIV. — Claud. de rap. Pros. L. II.

Г Л А В А XXVII.

КАПАНИЯ.

Tu secunda marmora

Locas sub ipsum funus: et sepulchri

Immemor, struis domos.

(*Horat. Lib II. XVIII.*)

Мы остановились въ Капаніи въ прежней госпитальницѣ. Видъ изъ оконъ нашихъ представлялъ прекрасную площадь, украшенную соборною церковью Св. Агапы, покровительницы города. Посреди площади возвышается гранитный Египетскій обелискъ съ іероглифами; онъ утвержденъ на спинѣ слона, сооруженнаго изъ лавы. Древность обелиска доказана; но слонъ принадлежитъ, какъ сказываютъ, искусству среднихъ вѣковъ. Сей памятникъ прекрасенъ; онъ составленъ по плану Берини, который заимствовалъ свой рисунокъ съ древней медали. Послѣ обѣда мы посѣтили соборъ; наружность его великолѣпна, во вкусъ новаго Испаніянскаго зодчества; а внутренность величественна, во вкусъ Древнихъ; сему послѣднему качеству зданія не мало способствуютъ два ряда Коринтійскихъ колоннъ, принадлежавшихъ древнему театру. Полъ, составленный изъ цвѣпнаго мрамора, взявъ опшуда же. Праздникъ, въ честь Св. Агапы, зацвѣпившей нѣкогда Капанію (какъ говорятъ,

преданія) опть печенія лавы, — поржеспвуеися два раза въ годъ, съ великолѣпїемъ: въ первый разъ 19 Августа, а во вторый опть 5 до 10 Февраля; послѣдній праздникъ естъ главный, — въ немъ подражають поржеспву *Св. Розалии*.

Сверхъ того, 25 Декабря, праздникъ *младенца* достоинъ бытъза мѣчень. Толпа дѣшей собираеися въ Бенедиктинскую церковь. Изъ нихъ выбираютъ самага миловиднаго, который изображая Божественнаго младенца Иисуса, становицся посреди церкви. Наспояпель со всемъ причепомъ прекломяеть погда передъ нимъ колѣна. Младенець сей, опмиченный на нѣсколько времени опть всѣхъ прочихъ, награждаеця безчисленными подарками и надѣляеть оными, по произволу, другихъ дѣшей Въ ризницѣ собора показывають грубое, но вѣрное и списанное съ натуры изображение ужаснаго изверженія Эпны въ 1669 году.

Почти возлѣ самага крыльца собора, находится подземный входъ въ древнїя *термы*; но прежде сего надобно сказать, что вся древняя Капанїя покрыва нѣсколькими слоями лавы, и что она неоднократно испыывала судьбу *Геркуланума* и *Помпеи*. Новая Капанїя, презирая прошедшїя злосчастїя, спомптъ на могилѣ *древней*. Единственныя значительныя оспатки прежняго ея величїя состоятъ въ великолѣпныхъ развалинахъ театра и амфитеатра, еще не такъ давно вырыпыхъ изъ лавы, спаранїями и иждивенїемъ Князя Бискари, гражданина сего города. Все прочее погребено еще подъ землею, или разрушено опть мно-

гочисленныхъ осадѣ въ древніе и средніе вѣка. Діонисій и Фридрихъ II-й, Готы и Сарацины, Эшна съ огненными потоками и землепрясеніями — вопѣ рушители Капаніи. Городъ населенъ 40,000 жителей; но торговля его не весьма значительна, по той причинѣ, что доступы къ сему прекрасному городу трудны со стороны земли и моря, за несуществованіемъ дорогъ и безопасной гавани.

Термы, къ коимъ я обращаюсь, даютъ понятіе, по той часпи оныхъ, копорая опрыта, о красотѣ цѣлаго зданія. Полагаютъ, что онѣ принадлежали храму Бахусову. Показавшіеся источники помѣшали продолжатъ работы; но памѣ можно видѣть *наружную* галерею и нѣсколько порпиковъ съ рядами колоннъ. На сводахъ сохранились барельефы, гдѣ можно замѣтитъ играющихъ амуровъ, весьма искусно изображенныхъ.

Къ вечеру, отдохнувъ отъ пыли и пользуясь пріятною свѣжестью сумерковъ, замѣтившихъ шлягоспный зной, я вышелъ на площадь — и смѣшался съ толпою. Не имѣя никакого намѣренія, я непримѣпно слѣдовалъ направленію пѣхъ, кои были также праздны, какъ и я, — и былъ увлеченъ въ большую пропивулежащую улицу. Меня занимало разнообразіе одеждъ: я встрѣчалъ по веселыхъ мапросовъ съ песпырыми перьями на шляпахъ, по молодыхъ Аббаповъ съ искусно обвитыми вокругъ руки кружевными мантіями; по спройныхъ женщинъ, съ длинными покрывалами, изъ-за коихъ часпи обнаруживались — быспрыи

взглядъ, черные локоны и розовыя ланиты. Не знаю, что въ особеннoсти обличало во мнѣ ино-спранца? — моя одежда была подобна одеждѣ многихъ; но ко мнѣ безпрестанно подходило нѣ-сколько слишкомъ услужливыхъ людей, нашенпы-вая мнѣ различныя предложенія . . . . Заняшый окружавшими меня лицами, я шель не замѣчая нуши, какъ вдругъ увидѣлъ себя, съ наспушившею ночью, на набережной. Багровая луна вышывала въ самое по время изъ моря; спокойный видъ ея сильно пропировѣчилъ бунтующей стихіи; непре-спанно возраставшіе хребты волнъ, осыпанные золошомъ, капились пѣнными клубами и съ шу-вомъ разбивались о безобразныя, черныя какъ уголь, груды лавы, изъ коихъ состоиптъ весь бе-регъ Капаніи. Я сѣлъ на прибрежную скамью, и предался созерцанію природы. Спрашно взрыпья долины моря, игра лунныхъ лучей, перемѣнившихъ уже багряный цвѣтъ на серебряный, долго меня цѣняли. Съдшая возлѣ меня дама, обѣ-руку съ Аббашомъ, заставила меня обернуться къ прогул-цѣ, — и вмѣстѣ съ симъ я взглянулъ на городъ: курящаяся вершина необъяпной Эпны высоко воз-носилась надъ нимъ, — и столпъ чернаго дыма поднимался по темно голутому небу; — какая мрач-ная картина! Глядя на Эпну, мысли мои пламенѣли; близокъ былъ день, въ который дол-женъ я былъ видѣть зрѣлище ни съ чѣмъ несрав-ненное, зрѣлище памятное на всю жизнь, — и во-ображеніе мое старалось предузнать оное. Заня-пый одною Эпною, я все забылъ, какъ вдругъ

опять былъ развлеченъ появленіемъ новой сосѣдки. Какой спань! какая милая небрежность въ движеніяхъ! — Не обративъ вниманія на первую молодую женщину, сидѣвшую возлѣ меня, я удивился своему равнодушію, взглянувъ на это прелестное существо. Покрывало мѣшало мнѣ ясно видѣть ея лице; но я завелъ съ нею рѣчь Какой сладостный органъ! какая любезность! какъ быстро прошло при ней время! — Едва оставалось на набережной прое или четверо задумчивыхъ пѣшеходцевъ, и луна уже была высоко, когда милая женщина, откинувъ покрывало, пожелала мнѣ доброй ночи — и едва, быстро не скрылась отъ меня въ темнотѣ, еслибъ пламенный, черный взоръ ея и ангельское выраженіе лица не заспивили меня еще быстрѣе предупредить ее и предложить ей мою руку до ея дома . . . О Капанія! всѣ ли женщины пвои такъ обворожительны? Это ли ужасный берегъ Полифема, споль пагубный для спранниковъ? берегъ, по коему раздавались клики приспавшихъ къ нему нечаянно мореходцевъ:

. . . Fugite, o miseri, fugite, atque ab litore funtem
Rumpite! . . .

Бѣгите спранники! злосчастные, бѣгите!

Спѣшите отсвкать канаты кораблей! . . . (1)

Сколь мрачна наружность Агригеншянокъ, споль же привлекателенъ видъ женщинъ Капаніи. Хопя длинное черное покрывало, общее для всѣхъ женщинъ въ Сициліи, не оставляетъ ихъ и

(1.) (*Virg. Aen. L. III.*)

здѣсь; но Капанейки такъ рисуютъ ихъ по спройному, быспро движущемуся стану, что многія изъ нихъ напоминали мнѣ прелестную живопись, найденную въ Помпеѣ, гдѣ изображена воздушная панцовщица, одѣтая съ ногъ до головы покрываломъ.

Мы видѣли на другой день оспатки древняго псапра: онъ соединенъ вмѣстѣ съ другимъ, гораздо меньшимъ; по былъ *Одеонъ* (посвященный въ особенносни музыкѣ.) Театръ такъ покрытъ землею и лавою, и такъ заспроенъ домами, что очень трудно разобрать совокупность зданія. Нѣсколько порпиковъ и опрытая часть прямой галлерей, ведущей въ *Одеонъ*, прекрасны: крылечныя ступени изсѣчены изъ сѣрой лавы; а плѣ, на конхъ сидѣли зрители, обложены мраморомъ. Театръ сей имѣлъ при эшажа, состоявшіе изъ аркадъ; онъ окруженъ былъ садомъ, основаннымъ на шеррасахъ, прилежащихъ къ галлерейамъ. Два канала, текущіе вокругъ, назывались *Еврипъ* и *Нилъ*. Статуи боговъ, урны и тѣниспыя деревья украшали берега; разныя птицы плескались въ водахъ или гуляли по лугамъ. Въ числѣ изваяній, тамъ находившихся, особенно опличались олицетворенныя изображенія *Земли* или *Природы* (работы Маммурія, жившаго во времена Нумы Помпилія). Къ нимъ принадлежала статуя *Вѣчности*, въ видѣ юной женщины, сѣдящей на небесной сферѣ. Кругообразный жерпвенникъ служилъ ей подножіемъ; онъ былъ утвержденъ на раменахъ спарцевъ, имѣвшихъ крылья при подошвахъ ногъ —

и плясавшихъ, сцѣплясь руками, вокругъ змія, кусающаго свой хвостъ. Поспроенные дома на лавѣ, покрывающей стѣны верхней галлерей театра, обозначаютъ доселѣ полукружную форму онаго. Подлѣ театра былъ форумъ. Неподалеку отсюда находящаяся церковь Мадоны *della Rotonda*, есть древнее круглое съ красивымъ куполомъ зданіе, которое миѣ назвали *Паптеоноиѣ*; но многіе полагаютъ оное за *термы*.

Насъ провели отсюда къ амфитеатру, памятникъ владычества Римлянъ; но онъ также весь залитъ лавой и заспроенъ поверху домами. Здѣсь по же грозное зрѣлище, какъ и въ Геркуланумѣ. Съ факелами въ рукахъ, мы осмопрѣли часть наружныхъ портиковъ и галлерей, ведущую къ *воллиторіалѣ* и къ *поприщу*. Амфитеатръ сей приклоненъ къ возвышенію; — форма его (какъ обыкновенно) овальная. (Мѣры: большой наружной діаметръ 589 футовъ, малый 522, большой діаметръ поприща 255 ф., а малый 176.) Въ XII вѣкѣ, при Теодорикѣ, часть сего зданія употреблена была на городскія построенія!

Какіе спрашные попоки охладѣлой лавы! Они кажутся еще пекущими сквозь арки и окна; а иные висятъ со сводовъ. Я замѣпилъ путь одинъ изъ сихъ попоковъ, вышедшій изъ внутренности земли.

Упомянутые остатки древней Капаніи обнаружены только нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по печеніями и иждивеніемъ покойнаго Князя Бискариа, Мецената Сициліи, спрашнаго любителя

древностей и ревнипея къ славъ своего опечесства. Труды его были вознаграждены: ибо онъ соспавиль цѣлый музеумъ древностей, найденныхъ имъ въ нѣдрахъ лавы. Способы правительства, гораздо обширнѣйшіе, могли бы воззвапъ множесство изящнѣйшихъ произведеній искусства изъ развалинъ Капаніи и Сиракузъ. Сколько бѣ боговъ, сколько бѣ мужей великихъ воздвиглось тогда изъ праха сихъ славныхъ мѣспъ!

Изъ числа многихъ храмовъ (1) украшавшихъ Капанію, храмы *Цереры* и *Прозерпины* были знаменитѣйшими. Первый, о коемъ говоримъ Цицеронъ съ такимъ богопочитаніемъ, заключалъ въ себѣ дивную статую Цереры. Изваяніе сей богини было столь священо, что не токмо прикоснувшійся къ нему, но даже возрѣвшій на него подвергался смертной казни: — и по сему оно было видимо токмо одними жрецами. Основаніе сего храма, состоящее изъ огромныхъ неопесаныхъ камней, (такъ называемаго *Киклопейскаго зодчества*) заключаетъ въ спѣнахъ города, близъ перекрестка, называемаго *baluardo degl' infetti*. Слѣды поклоненія Церерѣ можно, какъ мнѣ кажется, доселѣ видѣть въ празднествѣ Капанейскихъ земледѣльцевъ, по окончаніи жатвы. Они сопровождають въ полѣ, по всей окрестности, женщину, сидящую на ослѣ, увѣнчанную колосьями и поклоняются ей, какъ нѣкому божеству.

---

(1) Какъ то: храмы Юпитера, Вулкана, Вакха, Эскулана, Каснора и Поллукса, Нимфы Галатен и проч.

Вопъ чѣмъ заключаюцца древности Капаніи, ибо по, что оспалось опъ одного неизвѣснаго зданія, такъ же возлѣ — *baluardo degl' infetti*, ничего не значить. Другія развалины, находящіяся возлѣ Кармелинскаго монастыря, нѣсколько примѣчательнѣе; сіе зданіе имѣющее осмиугольную форму, освѣщено сверху посредствомъ нѣсколькихъ отверстій.

Гомеръ повѣспвуетъ, что Улиссъ, заброшенный бурей въ Сицилію и терзаемый страшными снами, воздвигнулъ храмъ *Гекапѣ*; по описанію Гомера, онъ приспалъ къ мысу *Пахину*, — а слѣдуя Эврипиду, къ берегу *Циклоповѣ*. (1) По этому, нѣкоторые полагаюць, что Улиссъ соорудилъ храмъ сей на помѣ мѣспѣ, гдѣ на послѣдокъ построена была Капанія, когорая, слѣдуя Діодору, называлась первоначально: *Hecatea*; опъ чего, въ роупино, и происходиптъ наименованіе *Капаніи*.

Основаніе Капаніи приписываюць Хальцидьянамъ, изшедшимъ изъ острова *Эвбеи*, подъ предводительствомъ *Θεоклеса*, изгнавшаго съ сего берега *Сикүловъ*, первобытныхъ жителей — въ 1-й годъ XIII-й Олимпіады, т. е. 744 года до Р. Х. и пять лѣтъ послѣ основанія *Сиракузъ*. Гораздо позднѣе, (въ 76-й Олимпіадѣ) *Πιερωνъ*, для личной своей пользы и для славы принадлежащей имени основателя и законодателя, изгналъ обитателей Капаніи въ *Леонтиудъ*, переселивъ шуда на мѣсто ихъ 5 т. *Сиракузянъ* и сполько же *Пелопонесцевъ*;

---

(1) Заваленная пивъ лавою гавань при мѣстечкѣ *Ольяно*, въ 5-ми или 6-ми верстахъ опъ Капаніи, пазывается *Улиссовою*.

онъ перемѣнилъ даже имя Капаніи, назвавъ ее *Эписею*; но въ послѣдствіи времени мужеспивенный Дуцетій, вождь Сикуловъ, прежнихъ обитателей сего города, возстановилъ свое опечесство, изгнавъ чужеземцевъ. Сей подвигъ былъ знаменіемъ свободы для Агригента, Гелы и Гимеры.

Алкивиадъ и Никіасъ, вожди Аѣинской арміи въ Сициліи, хипросцію овладѣли Капаніею. Діонисій пиранъ разрушилъ оную почти до основанія. Съ паденіемъ Сиракузъ подпала и Капанія подъ власть Римлянъ.

Рѣка *Аменанусъ*, или *Амена* орошала городъ.

Nec non Sicaniâs volvens Amenanus arenas
Nunc fluit; interdum suppressis fontibus aret.

Ovid. Met. L. XV

Нынѣ она называется *Iudicello*; это ручей, текущій за стѣнами Капаніи; въ самомъ же городѣ онъ скрытъ подъ слоями лавы; воды его остановили работы при открытіи *термовъ*, подлѣ собора *Св. Агаты*. Изверженіе Эпны 1669 года почти совсѣмъ сокрыло его печеніе.

Hic fontes Natura noves emisit; at illic
Clausit: et antiquis tam multa tremoribus orbis
Flumina prosilunt; aut disiccata residunt. (*id. ib.*)

Пиндаръ обезсмертилъ чепырма спихами высокой Философіи сей слабый источникъ (1).

---

(1) Pind. Pith. Od. I.

„О Зевесъ, даруй гражданамъ и Царямъ береговъ Амена, поспига въ чмъ соснопъ испишал слава смершыхъ!“

Г Л А В А XXVIII.

К А Т А Н І Я.

. . . Catine, nimium ardenti vicina Typhaco.

(*Sil. It.* XIV.)

Музеумъ Князя Бискари доставилъ мнѣ большое удовольствіе и удовлетворилъ мое любопытство во многихъ отношеніяхъ. Это истинное сокровище Археологіи. При входѣ въ музеумъ находилъ чепвероспоронній *портикъ*, наполненный обломками колоннъ, капищелей, архиправовъ, фронтоновъ, надгробныхъ камней, статуи, коихъ руки, ноги, туловища и головы разсѣяны меподдически. Внушрренность зданія раздѣлена на галереи, изъ коихъ каждая имѣетъ свое назначеніе. Здѣсь ряды статуи, статуи вазы и лампы; далѣ шкафы съ монетами, собраніе одеждъ и оружія среднихъ вѣковъ и проч.

Первый и единственнй, по высокой красотѣ своей, предметъ, на коемъ останавливается взоръ, — есть коллосальный *торсъ*, (1) найденный въ просеніумѣ театра. Сей изящнѣйшій остатокъ искусства Грековъ ни чѣмъ не уступаетъ споль знаменитому *торсу Ватикана*, надъ коимъ, *Микель-Анджело* изучивалъ пропорціи челове-

---

(1) Туловище.

скаго шѣла. Я не могу согласиться съ нѣкоторыми путешественниками, приписывающими сей *торсб* спатуѣ Юпитера; нѣтъ! это Бахусъ, покоритель Индіи, любовникъ Ариадны; шѣло его исполнено нѣги, сладоспраспной юности и вмѣспѣ съ симъ — величія. Художникъ, всякой день, будетъ находить въ немъ новыя красоты. Не должно оставить безъ вниманія, въ семъ музеумѣ, одну Венеру и Геркулеса, хоши и кромѣ ихъ много еспѣ шамъ отличныхъ спатуѣ Греческаго рѣзца. Кабинетъ медалей весьма полонъ; любители Нумизматики найдутъ въ немъ обширное поприще для своихъ изысканій, и все, что касается до Исторіи переселенія Греческихъ колоній въ Сицилію и Великую Грецію (Калабрию). Я назову здѣсь одну медаль, по содержанию своему заслуживающую особенное вниманіе: она изображаетъ двухъ юношей, увѣнчанныхъ лаврами; — это два Капанейскіе гражданина, *Амфиномій* и *Анапіасъ*. Во время одного ужаснаго изверженія Эпны, въ 75-й Олимпіадѣ, (477 л. до Р. Х.) когда всѣ жители бѣжали изъ города, унося съ собою сокровища, — Амфиномій и Анапіасъ, два брата, богатѣйшіе во всей Капаніи, возложили на плеча свои престарѣлыхъ родителей, покинувъ всѣ богатства. Повѣспвуютъ, что большая часть жителей погибла среди своихъ имуществъ, межъ шѣмъ, какъ огненные попоки лавы миновали сихъ юношей, шедшихъ по одной дорогѣ съ прочими. Древніе обоготворили сіе дѣяніе и воздвигли храмъ въ честь *сыновней нѣжкости*. Намъ показали посре-

ди многочисленныхъ надписей одну изъ примѣчательнѣйшихъ, которая удословѣряетъ, что Древніе сверхъ обыкновеннаго какого либо божества, коихъ покровительству вѣряли они свои города, признавали властелинами оныхъ, нѣкихъ *genies*. Вотъ сія надпись :

Vernantibus.

Saeculis. D. D. D. N. N. N. (1)

Genio. Splendidae.

Urbis. Catinae.

Facundus. Porfyrius.

Mynatidius. V. C. (2)

Cons. Eiusdim.

п. е.

Генію великолѣпной Катаны, въ цвѣтуція времена трехъ Государей нашихъ : отъ Консула Факундія-Порфирія-Минатидія.

Здѣшнее собраніе древнихъ глиняныхъ сосудовъ считается однимъ изъ значительнѣйшихъ въ Европѣ. Не лзя не упомянуть объ одномъ весьма любопытномъ Египетскомъ барельефѣ, хранящемся здѣсь ; вотъ содержаніе онаго : женщина выжимаетъ изъ груди своихъ млеко въ осьмиугольный ковчегъ, наполненный многими животноными, межъ коихъ видно нѣсколько дѣтскихъ человѣческихъ головъ. Оживленные сею росой,

(1) Значитъ : *Trium dominorum nostrorum* ; п. е. трехъ сыновей Константина Великаго (V. Biscari. Disc. acad.)

(2) *Vir Clarissimus*. (V. Bisc. id.)

они какъ бы стараются высвободиться изъ нупри ковчега. На стѣнахъ онаго изображенъ Египетскій похоронный обрядъ съ большою почтностію. Нѣсколько младенцевъ выходятъ изъ краевъ ковчега, подавая руки другимъ, кои придерживаютъ пруръ большого быка, изображеннаго навзничъ и какъ бы повергаемаго сими дѣтьми, во внутренность ковчега. Я предлагаю весьма удовлетворительное исполкованіе онаго, — Графа Резонико, Сициліянскаго писателя: „Сей барельефъ, говоритъ „онъ, можетъ упоминъ изысканіями о его смыслѣ „всякаго ученаго, который не проникнулъ въ „инстинктивное космологическое ученіе и въ „путь мракомъ Θεогонію первобытныхъ народовъ;— „онъ сдѣлались мнѣ нѣсколько извѣстными чрезъ „последнія открытія въ Бенгалѣ и чрезъ „Скрипскія паинства, обнаруженныя Академиками „Калькушы. Кто не согласился, что въ семь „барельефъ изображены: *Природа, Хаосъ и три „силы: творить, сохранять и разрушать*; п. е. „Индѣйская *Тримурти*. По сему, пруръ быка „часть разрушеніе; а дѣятельность и стараніе „младенцевъ или геніевъ повергнувъ сей пруръ „въ ковчегъ — есть вѣчное круговращеніе „роды опъ смерти къ жизни, которое составля- „етъ непрестанное существованіе вещей, хоня „онъ и кажущая нашимъ слабымъ чувствамъ — „уничтоженными. Для опътія сомнѣнія на счетъ „моего полкованія; достапочно будетъ замѣтить, „что представленная въ видѣ женщины *Природа* „имѣетъ на спинѣ крылья, обозначающія генія

„(Incubo); крылья сіи походятъ также на рыбы
„поплавки и покрыпы чешуею до шѣхъ мѣстъ,
„гдѣ расходятся перья; все это ясно изображаетъ
„космологическія понятія Скиѳовъ и Египціанъ.“

Индѣйскій идолъ *Тримурти*, о коемъ гово-
ришь г-нъ Резонико, называется иначе *Трипуалѣ*;
представляя при вышесказанныя силы, — онъ
изображается съ тремя человѣческими головами,
разныхъ выраженій. Индѣйцы разумѣютъ подъ
сею аллегоріею *Троицу*, составленную изъ именъ:
Брума, *Скива* и *Вишну*. Пагоды сего божества
находятся на берегу Короманделя и также на
островѣ *Элефантѣ*, близъ *Болбая*. (1) Должно еще
замѣтить, что геній Напуры, называемый въ тек-
стѣ г-на Резоника: *Incubo*, есть родъ *гнома*, хра-
нителя подземныхъ сокровищъ. (2)

Послѣ музеума Князя Бискари, долженъ обра-
тить вниманіе путешественника богатый мине-
ралогическій кабинетъ г-на ~~Джозани~~, (*Giœni*).
Въ немъ находится, между прочимъ, самое полное
собраніе различныхъ лавъ Эпны. Все, что нѣдра
Сициліи производятъ по царству ископаемыхъ, на-
ходится тутъ. Нѣкоторыя виды Сициліи написа-
ны на стѣнахъ. Братъ г-на Джозани, основателя
кабинета, обладаетъ нынѣ онымъ, и съ большою
привѣтливостію допускаетъ всѣхъ путешествен-
никовъ и ученыхъ пользоваться источниками се-
го любопытнаго кабинета.

---

(1) См. *Noel. Dict. Univ. d. l. Fable.*

(2) См. *Scribonius-Largus.*

Капанія имѣеть много учебныхъ заведеній, въ особенності физическихъ. Университетъ, основанный въ 1444 году спараніями Бенедиктянъ, ознаменованъ многими учеными мужами. Архитектура сего зданія замѣчательна; оно образуетъ обширный квадратъ. Три эшажа главной фасады представляютъ при ордена Архитектуры: первый эшажъ *Дорическій*, второй *Ионическій*, а третій *Аттический*. Я назову также двѣ публичныя бібліотеки, (въ коихъ устанавленъ большой порядокъ) и Гимназію для дворянства. Капанія можетъ называться по справедливости Академіею Сициліи. Она есть жилище Ученыхъ всего острова; иные полагаютъ, что ученіе древнихъ Философовъ сего города древнѣ Пифагорова. Здѣсь родился знаменитый законодатель *Харондасъ*, коего законы не токмо были приняты почти во всей Сициліи, но даже въ Греціи и Калабріи. Фацелло говоритъ, что въ его время найдена была въ Капаніи гробница сего Философа, въ которой заключался желѣзною ящикъ съ его костями. Капанія отличалась въ древнія времена своею роскошью. Римляне, овладѣвъ симъ городомъ, весьма были удивлены, найдя въ немъ солнечныя часы дополъ имъ совсѣмъ неизвѣстныя; Маркеллъ присокупилъ ихъ своимъ трофеямъ.

Я съ большимъ удовольствіемъ посѣщалъ нѣсколько разъ пышное Аббатство Бенедиктянъ, лучшее зданіе во всей Капаніи. Входъ возвышается болѣе дворецъ, чѣмъ Аббатство. Великолѣпная мраморная лѣстница построена въ наилучшемъ вку-

сь. Больше всего привлекали меня шума небесные звуки органа и великолѣпная простота церкви, которая образуетъ, если не ошибаюсь, крестъ. Стѣны оштукатурены подъ бѣлый мраморъ; нѣсколько нишъ заключаютъ въ себѣ картины Кавалучія и Гофанелли. Но храмъ сей дѣлается еще великолѣпнѣе, когда густые звуки органа раздаются по высокимъ сводамъ его. Я просиживалъ тамъ цѣлые часы въ сладкомъ забвеніи самаго себя. Сей органъ есть одинъ изъ первыхъ въ Европѣ; я даю ему преимущество надъ многими, мною слышанными; но исключаютъ Гарлемскій. (1)

---

(1) Читатели простятъ мнѣ воспоминаніе о семъ последнемъ. Я приѣхалъ въ Гарлемъ въ сумерки; шракиръ, въ которомъ я приспалъ, находился противъ самаго собора, который, даже издали, когда я ѣхалъ по дорогѣ изъ Амстердама, прельщалъ взоръ мой своєю силою громадою. Окна мои были обращены къ сему храму. Луна уже всходила и начинала оплѣвнѣвать сіе готическое зданіе, мрачнаго великолѣпія; — вдругъ, раздались тихіе звуки; пораженный ихъ сладостью, я взглянулъ на соборъ: — свѣтъ паникадилъ видѣнъ былъ сквозь высокія рѣшетчатыя окна, и я послышалъ шума. Слухъ мой казался доселѣ поминшъ сіи *неземные* звуки! Слабый свѣтъ одного паникадила въ столь огромномъ зданіи, производилъ чрезвычайный видъ; онъ отражалъ на мраморномъ помостѣ гигантскія стѣны двойныхъ рядовъ готическихъ колоннъ, поддерживающихъ съ двухъ сторонъ великолѣпныя аркады, — и дѣлалъ глубже и какъ бы сказавъ мрачнѣе, дальнюю перспективу и высоту сводовъ; межъ стѣмъ, лунные лучи проникали въ окна несвѣщенной части храма. Вечерняя проповѣдь уже кончилась; но музыка не прекращалась, и многочисленный народъ съ шляпами на головахъ бродилъ по галлереймъ. Признаюсь, я почувствовалъ удивленіе смѣшанное съ негодованіемъ, глядя на сіе обыкновеніе, — и не могъ понять, какъ такая неизъяснимая гармонія и такое великолѣпіе храма не вселяютъ имъ большаго почтенія?..

Въ семь Аббадспивъ заключаетъ музей до-
вольно обширный, но расположенный безъ вкуса и
порядка. Желательно, что бы оный былъ распре-
дѣленъ методически. Къ музеуму прилежитъ би-
бліотека. Здѣшній садъ есть предметъ необыкновен-
ный; онъ основанъ на горахъ лавы, и соеди-
няется со среднею террасою зданія; — по сему
можно судить, какъ высокъ эпитъ потоковъ лавы.
Садъ сей разбитъ во Французскомъ вкусѣ, на многія
клумбы. Кусты розъ и другихъ цвѣтвъ спиран-
но и пріятно противорѣчаютъ грунту, угольного
цвѣта. Нѣсколько бьющихъ водометовъ освѣжа-
ютъ воздухъ, который однако сохраняетъ въ се-
бѣ сѣрный запахъ. Отсюда вы увидите великолѣп-
ное зрѣлище дымящейся Эпны, которая, не смо-
тря на отдаленность, кажется надъ головою ва-
шего и странно соединенною съ городомъ, по-
лосами лавы (1). Въ пѣнистомъ саду Капуциновъ,
вы увидите нѣсколько развалинъ и надгробныхъ
памятниковъ, изъ которыхъ одинъ полагаютъ
гробницею Харондаса, о коей говоритъ Фацелло.
Не разсуждая о степени вѣроятія сего предполо-
женія, я скажу, что видъ сихъ памятниковъ осѣ-
ненныхъ прекрасными расшеями, достоинъ хо-
рошей кисти.

Желаете ли видѣть вполне ужасную кар-
тину бѣдствій, кои такъ часто постигали Ка-
панію, и которыя непрестанно грозятъ ей въ

---

(1) Прекрасный садъ К. Бискари, основанный также на лавѣ, за го-
родомъ, достоинъ вниманія.

будущности? Взойдите на башни полуразрушеннаго замка, который возвышается близъ сѣвѣнъ города, на южной сторонѣ (1). Взгляните отсюда, какія мрачныя волны лавы, кажется, текутъ еще, отъ самой подошвы Этны, по скату долины... Приближаясь къ Катаніи, они раздѣляются на два рукава, объемлютъ и сѣвняютъ ее, попомяютъ замокъ, на коемъ вы стоите и рушатся горами въ шумящее море... Теперь сіи потоки чернѣе ночи, и шверды какъ камень (2); но вообразите ихъ одѣтыми адскимъ пламенемъ, въ густотѣ дыма, разсѣкаемаго пуками молній, вѣющихъ до небесъ; вообразите вершину сего гиганта, извергающую раскаленные груды камней; — взгляните на пылающую Катанію, на бѣгущихъ съ воплями жителей, на падающія зданія отъ колеблющейся земли, на бунтующее море, опсупающее со страхомъ отъ низвергающихся въ него огненныхъ рѣкъ! — вопъ зрѣлище, превышающее всякое воображеніе, и которое возобновлялось здѣсь нѣсколько разъ!... Катанія выспроена весьма правильно; она по красотѣ своей мало уступаетъ Палермѣ; подобно, какъ въ семъ послѣднемъ городѣ, двѣ прямыя улицы разсѣкаютъ ее. Торговая площадь представляетъ прекрасный видъ для архитектурнаго живописца; дома образующіе оную, украшены аркадами и напоминаютъ своею краси-

---

(1) Замокъ сей построень Императоромъ Фридрихомъ II-мъ. Основываясь на Діодорѣ и Фацелло; иные полагаютъ, что здѣсь существовала древняя крѣпость *Италика*.

(2) Охлаждающую лаву называютъ здѣсь *Sciarra*.

вою просопою, древніе портики. Террасы замѣняютъ крыши домовъ; тамъ безопасные жилища проводятъ иногда часть ночи. Неимовѣрное изобиліе окрестностей, красота ихъ, море, всё доставляетъ Капаніи способы къ благосостоянію. Главнымъ направленіемъ для путешественника, во всѣхъ кварталахъ Капаніи, можетъ служить дымящаяся вершина Этны; ея колоссъ кончаетъ перспективу всѣхъ улицъ, идущихъ на западъ; — она безпрестанно поражаетъ вашъ взоръ; и отъ того, сія цвѣтущая Капанія, всегда казалась мнѣ одѣждою покровомъ меланхоліи и угрожаемою безпрестанно — бѣдою. Но жилища не имѣютъ сихъ мыслей. Положеніе Неаполя въ половину не такъ опасно; онъ отдаленъ отъ Везувія широкимъ залівомъ; а Капанія видитъ Этну возрастающую отъ самыхъ сплѣтъ своихъ; при томъ Испаліянцы весьма справедливо называютъ Везувій, въ сравненіи съ Этною, *un bambino* (дитя).

Г Л А В А XXIX.

КАТАНИЯ. — ПОЕЗДКА КЪ ЦИКЛОПОВЫМЪ ОСТРОВАМЪ.

Huc ferus ascendit Cyclops: mediusque resedit
.....
Sumptaque arundinibus compacta est fistula centum:
.....
Senserunt undae, latitans ego rupe, meique
Acidis in gremio residens, procul auribus hausi
Talia dicta meis, auditaque verba notavi:
„Candidior folio nivei Galatea ligustri,
„Mollior et cygni plumis et lacte coacto,
„Et, si non fugias, riguo formosior horto . . .

(Ovid. *Metam.* L. XIII.)

Мы приготавливались уже мало по-малу къ восхожденію на сію спрашную Эпну. — Но такъ какъ мы должны были прямо съ нее продолжатъ возвратный путь нашъ въ Мессину, то я желалъ осмотрѣть до отъѣзда изъ Катаніи, сѣверный ея берегъ и острова *Циклоповѣ*, о коихъ я упоминалъ на морскомъ пути нашемъ изъ Мессины въ Катанію. Я предлагалъ моему поварищу быть мнѣ спутникомъ; но сильный жаръ и желаніе сберечь всѣ свои силы для предстоящаго подвига, заславили его отказаться. И такъ я отправился въ путь съ жожаемъ, послѣ обѣда.

Эной преслѣдовалъ меня по улицамъ Катанін; но выѣхавъ изъ нее, я находился уже посреди веселыхъ садовъ, кои сливаются съ городомъ. Пуки лавровыхъ, лимонныхъ, апельсинныхъ деревъ, вмѣстѣ съ широкими кустами капусты и съ высокимъ алоэ, скрываютъ взрыпую поверхность лавы. Въперъ разносилъ благоуханіе, густыя тѣни осѣняли мою дорогу, и я забывалъ жаркій день. Но эта роскошная карпина продолжилась не долго. Чрезъ полчаса ѣзды пресѣклись всѣ распенія, и я выѣхалъ въ необозримую долину, одѣтую самыми безобразными горами, необыкновенной черноты. Но какое зрѣлище открылось мнѣ, когда я достигъ середины этой долины! Ни гдѣ не видно было слѣдовъ жизни; взволнованный, мрачный океанъ лавы, окружалъ меня со всѣхъ сторонъ и спѣснялъ проложенную дорогу; — влѣво, Этна занимала цѣлое полнебо, клубя сплошны дыма; а вправо, пѣнисныя волны моря осаждали съ ревомъ нависшіе своды сей лавы. Это долина смерти!

Ma po' ch'io fui al pie d'un colle giunto,
La ove terminava quella valle
Che m'avea di paura il cor compunto . . . (1)

— „Но когда я достигъ подошвы холма, гдѣ „пресѣкалась ужасная долина, которая спѣсняла „спраханъ сердце мое“ —

Тогда онялъ повѣялъ опрадный въперъ и возвѣспилъ мнѣ своимъ благоуханіемъ живую при-

---

(1) Dante. inf. c. 1.

роду; я въѣхалъ на холмъ, и мнѣ открылась внизу, на берегу моря, деревенка *Овьяно*, основанная на горахъ лавы, въ пѣни деревь, склоненныхъ надъ свѣшлымъ прудомъ; нѣсколько рыбаковъ съ своей семьею отдыхали подъ ними. Это Улиссовъ порпъ, который называется *Виргилій* — *великий*: *ingens*, Сюда приспалъ спранспвующій Царь Ипаки и едва не погибъ вмѣспъ съ своими пѣварницами, въ пещерѣ Полифема. Сюда же приплылъ заблуждшійся Эней: вопъ великолѣпное описание сего берега, спихами *Виргилия*:

Interea fessos ventus cum sole reliquit;
 Ignarique viae, Cyclopum adlabimur oris.
 Portus ab adcessu ventorum immotus, et ingens
 Ipse: Sed horrificis juxta tonat Aëtha ruinis,
 Interdumque atram prorumpit ad aethera nubem,
 Turbine fumantem piceo et candente favilla;
 Adtollitque globos flammaram, et sidera lambit;
 Interdum scopulos, avolsaque viscera montis
 Erigit eructans, liquefactaque saxa sub auras
 Cum gemitu glomerat, fundoque exaestuat imo.
 Fama est Enceladi semiustuin fulmine corpus
 Urgeri mole hac, ingentemque insuper Aetnam
 Impositam, ruptis flammam expirare caminis;
 Et, fessum quoties mutet latus, intremere omnem
 Murmure Trinacriam, et coelum subtexere fumo.

Межъ тѣмъ, насъ въпръ и день покинули усталыхъ;
 Заблуждшись, мы къ брегамъ Циклоповъ притекли.
 Большая гавань тамъ вдаеня въ землю;
 Но Этна близъ нее грозила разрушеньемъ;
 Бросая черныи дымъ и молнии съ стремленьемъ,

Мятели огненны взывала къ небесамъ —
И пламенемъ своимъ скользила по звѣздамъ!
Межъ тѣмъ, изъ глубины ея ревущей пасни
Летали груды скалъ разбиныя на часни —
Иль распоясь, пекли клокоучней смолой.
Гласятъ, что пораженъ Зевесовой стрѣлой,
Самъ Эпккладъ, накрытъ громадой грозной Эпны.
Спяя подъ плжестью, когда Титанъ безсмертнй
Подъ ней вращается, иль мучимый дохненъ, —
Дрожащъ Трипакрїя и тьмится неба свѣтъ!

(Энеида, к. III, ст. 568 — 582.)

Но вмѣсто *большаго порта*, едва-ли можно назвать укромною приспанию, сіе мѣсто, гдѣ спояли при мнѣ двѣ или три рыбацьи лодки. Всѣ описанія Виргилїя такъ вѣрны, что не подлежатъ никакому сомнѣнію существованіе сей гавани. Плинїй также упоминаетъ объ ней. Но потоки лавы, изъ коихъ состоитъ весь эпотъ берегъ, загладили совершенно, во время ужаснаго изверженія 1669 года, послѣдніе слѣды *Улиссовой гавани*, межъ тѣмъ, какъ они же, образовали новую гавань для Капанїи.

Отсюда, слѣдуя по обработаннымъ мѣстамъ на лавѣ превратившейся уже въ землю, достигъ я скоро замка *Аги*, окруженнаго красивымъ селеніемъ и садами. Сей замокъ, принадлежащїй временамъ Сарациновъ, стоитъ на крутой приморской скалѣ, (сосставленной изъ лавы). Пропивъ него, недалеко отъ берега выходятъ изъ волнъ оспрова, или правильнѣе сказать, подводныя скалы, называемыя *Циклоповыми*, а въ простонародїи:

фарильони (fariglioni). Пока мнѣ снаряжали лодку, сторожъ замка предложилъ мнѣ посѣпить оный. Видъ опшуда на море, буншующее вокругъ оспрыхъ скалъ Циклоповъ, — живописенъ. Полуразрушенный замокъ, возвышающійся на высокой грудѣ лавы, осаждаемой волнами, соспавляетъ первый *планъ* сего ландшафта. Терраса съ поверженными зубцами, провалившійся въ пропасть подъемной мостъ и замѣненный узкою доскою, скважины и обрушенные своды — показываютъ слѣды осадъ и времени.

Межъ тѣмъ лодка была готова, и я вскорѣ находился передъ знаменитыми оспровами. Въ древности называли ихъ: *Cyclopum tres scopuli*; они состоятъ изъ трехъ прекрасныхъ коническихъ скалъ высокою въ 45, 50 и 60 фут. и изъ одной разширяющейся, кромѣ другихъ незначущихъ подводныхъ камней. Сіи при коническія скалы образованы изъ призматическихъ базальтовыхъ стволловъ, приведенныхъ въ кристаллизацію. Сіи стволлы, соединенные вмѣстѣ, походятъ на церковные органы; эта чудесная игра натуры прельщаетъ и удивляетъ взоръ. Доломье, Ферара и другіе натуралисты написали объ нихъ цѣлыя диссертаціи.

Нѣтъ сомнѣнія, что сіи скалы суть произведение Эпны. — Доломье, весьма правдоподобно предполагаетъ, что онѣ образованы подземнымъ потокомъ лавы, пробившимъ морское дно и вышедшимъ, съ быспротою водомета, на поверхность моря, которое прохладивъ его внезапно, —

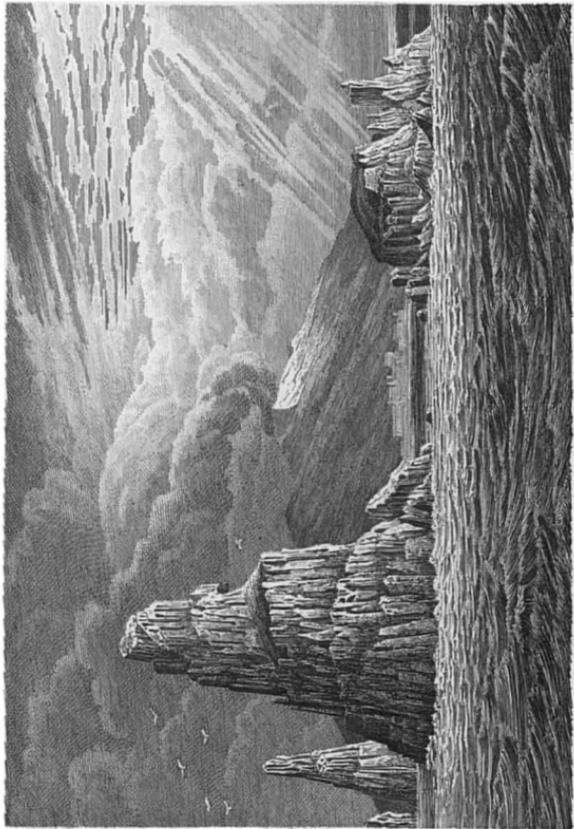
образовало изъ него призматическіе спволы. Это предположеніе тѣмъ болѣе справедливо, что по сіе время вершины скалъ Циклоповыхъ покрыты пою же сѣрою глиною, которая соспавляетъ въ семь мѣспѣ морское дно.

Гомеръ говоритъ, что разсвирѣпѣвшій Полиемъ бросилъ сіи скалы въ бѣгущаго Улисса. Эней нашель на одной изъ нихъ Грека Ахаменида, позабыпаго Улиссомъ,—и вѣрояпно, Виргилій имѣлъ въ виду самую ту скалу, гдѣ не смопря на ея дикоспѣ, одна женщина мѣспечка *Трицы*, (наискосъ лежащаго) съ помощію перенесенной земли, развела небольшой садикъ съ Индѣйскими фигами и содержишь его подъ замкомъ.

Какъ высоко хлещутъ волны по чернымъ ребрамъ сихъ скалъ! Какъ мраченъ слой сего берега, пропягивающагося опъ Капаніи до *Аги-Реаля*! Какъ величеспвенно вѣнчаетъ всю сію карпину колоссальный шаперъ Эпны, одѣпный облаками дыма! Волненіе было очень сильно, и я съ шрудомъ могъ выдти опдохнушь на дикой оспровѣ, гдѣ, одинъ спранно-образованный сводъ, принялъ меня подъ свой покровъ. Какой шумъ вокругъ меня! Межъ тѣмъ, я повѣряю стихи Виргилія :

. . . . . Vastosque ab rupe Cyclopas
Prospicio, sonitumque pedum, vocemque tremisco...
Centum . . . curva haec habitant ad litora volgo
Infandi Cyclopes, et altis montibus errant . . .

. . . „Съ высотъ обширныхъ Циклоповыхъ скалъ — я взи-
раю.. При каждомъ шорохѣ шаговъ, при каждомъ звукѣ голоса,

CYCLOPUMI SCOPULI

Il sole della Tirizza.

Atene, Lib. III. 269.

„сердце замрасснѣ спирахомъ... Множество ужасныхъ Циклоповъ
„обитають вдоль искривленныхъ береговъ сихъ, и бродящъ по вы-
„сокимъ горамъ.“

(*Virg. Эп. Кн. III.*)

Я воображалъ грядущаго съ высоты Эпины
Полиема, окруженнаго своими спадами:

Summo quum monte videmus
Ipsum inter pecudes vasta se mole moventem
Pastorem Polyphemum, et litora nota petentem:
Monstrum horrendum, informe, ingens, cui lumen ademptum.
Trunca manum pinus regit, et vestigia firmat.
Lanigeræ comitantur oves; ea sola voluptas,
Solamenque mali....

. . . „Тогда увидѣли мы, движущееся съ высоты горы, об-
„ширное пѣло самаго пасныря Полиема, достигающаго до знако-
„мыхъ ему береговъ. Сіе ужасное, безобразное, огромное чудовище —
„съ ослѣпленнымъ окомъ, — упиралось срубленною сосною, испы-
„тывая ея, путь... Его сопровождали руинистыя овцы; един-
„ственная его опрада и единственная забота.“

(*Virg. Эп. Кн. III.*)

На этомъ же мѣстѣ, происходившъ занима-
пельная сцена одной изъ лучшихъ идиллій Тео-
крипа. Здѣсь представляеть онъ сего самаго По-
лиема, хотя ужаснымъ, но — во цѣлѣ тоности и
спрастно влюбленнаго въ прелестную Галатею.
Какъ нѣжны его жалобы! — Какъ умѣлъ поэтъ
заставить участвовать въ судьбѣ сего чудови-
ща - паспуха! Живописецъ можетъ представишь
сего гиганта, сидящимъ на грозной пирамидальной
скалѣ и вызывающимъ изъ воли, нѣжными звука-

ми многоспвольной цѣвницы, бѣлую Галапею, виновницу его мукъ: „Оспавь, взывалъ онѣ къ ней, „оставь сіи синія волны! пусть онѣ разбиваюп- „ся о камни! Въ моей пещерѣ, прелестная Гала- „пея! проведешь ты ночь гораздо пріятнѣе. Тамъ „распуть лавры; памъ спройные кипарисы; памъ „плющъ и виноградъ, опягченный гроздами, „сплепають тѣнисные кровы. Тамъ, изъ бѣлыхъ „сиѣговъ Эпны, пекутъ съ грохотомъ ручьи, „прозрачнѣе кристалла, достойные уполять жа- „жду боговъ. Можешь ли ты предпочипать па- „кому жилищу, бунпующее море, одѣное шучами?

„Если ты находишь слишкомъ жесткимъ мое „тѣло, покрытое власами — то въ пещерѣ моей „есль дрова, еслъ огонь, непрестанно плѣющій „подъ пепломъ; я гошовъ все преперцѣшь въ швою „угодность. . . Такъ: лиши меня, я согласенъ, — „лиши меня и жизни, и сего глаза, сего единсп- „веннаго глаза, копорый мнѣ дороже всего на „свѣтѣ!“

Пуссенъ предспавилъ Полиеема, сидящимъ на огромной скалѣ; но сей живописецъ изобразилъ швердую землю и опдалилъ море, копорое, въ его карпинѣ, занимаетъ самую малую часпъ ея; при томъ, я не вижу тамъ гигантской Эпны, копора я могла бѣ занять все основаніе ландшафта, если бѣ видѣ былъ снятъ, такъ какъ онѣ еслъ въ напурѣ,—съ одной изъ скалъ Циклоповыхъ. Тупъ же можно-бѣ было предспавипъ издали Галапею, плывущую на раковинѣ, такъ какъ изобразилъ ее несравненный Рафаель, въ маломъ Фарнезскомъ

дворцѣ. Въспрѣ, удаляя ее отъ Полифема, приближалъ бы ее къ берегу, гдѣ ожидаетъ ее юный Ацисъ;—и въ самомъ дѣлѣ, устьѣ рѣчки сего имени видно отсюда. Я говорилъ объ ней на пути моемъ изъ *Аги-Реаля* къ мысу *Молини*.

Я отдохнулъ у гостепрѣимныхъ жителей замка Ачи, ни мало несходныхъ съ Циклопами, прежними жителями сего берега: — они накормили меня фруктами, напоили ледяною водою, кошорая есть лакомство въ сей странѣ — и не хотѣли принять никакой платы. Къ ночи я возвратился въ городъ.

Съ какимъ сожалѣніемъ оставлялъ я Капанію! Какія сладкія воспоминанія понесъ я съ собою! Какъ охотно бѣ отдохнулъ я отъ путешествій нѣсколько дней болѣе, въ отечествѣ Циклоповъ! Кто можетъ лучше путешественника цѣнить минуты счастья? — Онъ вездѣ его ищетъ; — но разсѣянность не замѣняетъ ему онаго! — и часто, онъ возвращается съ пою же жаждою въ сердцѣ! . .

Нужнѣйшія дѣла звали меня въ Неаполь, и при томъ, поварищъ мой ускорялъ нашъ возвратъ.

Намъ предстоялъ важнѣйшій прудъ. Эгна давно звала меня и воспламеняла мое воображеніе. Наконецъ настала сей великій для насъ день. Мы запаслись всѣми нужнѣйшими съѣзными припасами, межъ коихъ кофе и вино были главными предметами. По совѣпамъ нашихъ знакомыхъ, мы отправились изъ Капаніи около полудня, послѣ

ранняго обѣда, съ шѣмъ, чтобы отдохнувъ нѣсколько часовъ въ мѣстечкѣ Николози, находящемся при концѣ плодоноснаго пояса Этны, верстахъ въ 18 отъ Катаніи, — ночевать у подошвы конуса, вѣнчающаго сей грозный вулканъ.

Прежде нежели приступлю къ описанію сего пупи, — описаніе, отъ коего едва не отказывается слабое перо мое и воображеніе, исполненное грознаго восхищенія, — я изложу въ короткихъ словахъ исторію Этны.

Г Л А В А. XXX.

Взглядъ на Исторію Этна.

*Nec quae sulfureis ardet fornacibus Aetna,
Ignea semper erit: neque enim fuit ignea semper.*

(Ovid. Metam. XV.)

Этна, одна изъ высочайшихъ горъ Земнаго шара, есть какъ бы средоточное горнило волкановъ южной Европы, освѣщавшихъ ужаснымъ своимъ пламенемъ юную землю, и цѣль коихъ пропягивалась отъ краевъ Испаніи, чрезъ всю южную Францію, Швейцарію, Италію, Тироль и Венгрію. Въ Оверни, которую я посѣщаль, потухшія пасти сихъ волкановъ сохранили еще весь цвѣтъ огня и дыма. Воображеніе смущается предъ сею карпиною пылающей планеты! Этна можетъ называться маперью Сициліи, вмѣстѣ — грозною и нѣжною; — вся Сицилія соспавляетъ груды горъ, надъ коими господствуетъ исполинская громада Этны, которая, сохраняя чрезъ свои благопворныя испаренія неиспощимое плодородіе острова, — вмѣстѣ съ симъ, въ одинъ день, разрушаетъ вѣковые грады и цѣлыя народонаселенія!

Сама Этна образована, какъ я уже сказалъ, изъ безчисленныхъ горъ, нагроможденныхъ одна надъ другою и увѣчанныхъ дву-рогимъ конусомъ;

изъ него, въ надоблачныхъ спранахъ вѣтровъ, курится вѣчный дымъ, на высотѣ 10,285 фут. (1) отъ поверхности моря. Эгна расширяется огромнымъ шапромъ, на основаніи имѣющемъ почти 200 верстъ въ окружности. Ее раздѣляютъ на три главные пояса: 1-й называется *плодороднымъ*, 2-й *лѣснымъ*, а 3-й *безплоднымъ*. Окружность первого есть рай Сициліи и населена 130 тысячами жителей; не включая въ сіе число Капанію, которая, находясь на приморской подошвѣ Эпны, также принадлежитъ ея владычеству — и заключаетъ 40 тысячъ обитателей.

Древнѣйшее извѣстіе объ изверженіяхъ Эпны передано намъ *Берозомъ*, который повѣствуетъ, что во время царствованія Януса, нѣкоторые изъ его колоній нашедъ пристанище на берегу Сициліи, такъ поражены были необыкновеннымъ зрѣлищемъ изверженія Эпны, что исполненные ужаса оставили навсегда сей островъ. За ними послѣдовали Сиканы, кои по той же причинѣ переселились съ восточнаго берега на западный (см. Введеніе). Къ симъ временамъ принадлежатъ баснословныя повѣствованія объ Энциладѣ, Циклопахъ и проч.

За симъ, извѣстныя по Исторіи, изверженія Эпны, суть слѣдующія:

Во время экспедиціи Аргонавтовъ въ Колхиду, о чемъ упоминаетъ Орфей.

---

(1) Измѣреніе *Соссюра*; вообще же полагаютъ высоту Эпны въ 10,500 ф.

Во время плаванія Энея, послѣ раззоренія Трои, — по свидѣтельству Виргилія.

Во время нашествія Карѳагенцевъ, когда армія Имилкона была оспановлена попоками горящей лавы.

Во время владычества Грековъ въ Сициліи, отъ 2-й до 88-й Олимпіады. Фукидидъ, жившій въ то время, свидѣтельствуетъ о прехъ большихъ изверженіяхъ, кои не много спустя, возобновились и, какъ говорятъ, привлекли вниманіе Пифагора. Около сего же времени погибъ на Эпнѣ Философъ Эмпедоклъ.

Во времена Римлянъ происходило чепыре изверженія, свидѣтельствуемая Діодоромъ, Полибиемъ и другими.

Въ царствованіе Юлія Цезаря, изверженіе Эпны было столь ужасно, какъ говоритъ Діодоръ, что море казалось бытъ подвигнутымъ въ своемъ основаніи и лепящія искры, достигавшія даже до Липарскихъ острововъ, превратили въ пепель нѣсколько пльвшихъ кораблей. О семъ изверженіи упоминаетъ Виргилій, включая оное въ число предвѣщаній смерти Цезаря:

Quoties Cyclopum effervere in agros
Vidimus undantem ruptis fornacibus Aetnam,
Flammarumque globos, liquefactaque volvere saxa!

(*Georg. Lib. I.*)

Повѣствуютъ, что тогда самыя рыбы Фаросскаго пролива погибли отъ жара...

Въ царствованіе Калигулы. Когда сей Императоръ находился въ Капаніи, изверженіе Эпны столь преисполнило ужасомъ душу ширана, что онъ, немедля, отплылъ въ Ипалію. Въ послѣдствіи, Императоръ Адріанъ, пораженный могуществомъ Природы при видѣ Эпны, восходилъ на вершину ея; но Плутархъ пишетъ, что онъ сошелъ съ нее болѣ испуганнымъ, чѣмъ восхищеннымъ.

Около времени мученичества Св. Агапы, было одно изъ ужаснѣйшихъ изверженій. Повѣспвуютъ, что предсательство Святой спасло Капанію отъ истребленія.

Во время Карла Великаго, который находился тогда въ Сициліи и посѣщно отплылъ.

Съ 1160 до 1169 ужасныя землетрясенія, соединенныя съ изверженіями, потрясли всю Сицилію и разрушили часть Капаніи.

Съ 1284 пожары Эпны продолжались до смерти Карла, Короля Сицилійскаго и Арагонскаго.

Отъ 1329 до 1333 Эпна опустошала берега, во время владычества Арагонскаго дома. Въ 1408 г. въ царствованіе Маршына. Отъ 1444 до 47. Отъ 1536 до 37. Съ 1633 по 38 г. изверженія возобновились съ большею силою.

Отъ сего времени эпохи изверженій Эпны были съ почностію наблюдаемы, для чего я приглашаю чипапелей, желающихъ подробно знать объ оныхъ, прочесть сочиненія *Маравиньи*, *Гальяно*, *Ферары* и *Жемелларо*. Я удовольствуюсь называть ужаснѣйшія:

Въ 1669 году, 8 Марша, среди самаго свѣплаго дня, внезапно небо померкло; возникъ порывистый вѣтеръ, и землетрясеніе, продолжавшись цѣлые три дни, споль усилилось наконецъ, чшо мѣспечко *Николози* было совершенно испреблено. За симъ оптверзлась спрашная прещина, длиною на 16 верспъ и шириною въ сажень, пропягивалась опъ конуса Эпны до самой долины *Сен-Ліо*, и выкидывая изрѣдка бѣлое пламя. Въ попъ же день пять горящихъ жерлъ разверзлись одно въ слѣдъ за другимъ, вдоль сей разсѣлины; а къ вечеру, самое обширное жерло опкрылось на скапъ горы *Фузаро*. На другой день, 12 Марша, семь другихъ жерлъ появились вокругъ сего послѣдняго и наконецъ, всѣ семь соединились въ одно. Громъ и прескъ разносились болѣе нежели на 160 верспъ, а пепель разлепался на 250 в.—25-го, вершина конуса низверглась и верхнее жерло еще болѣе разширилось. Капанія ежеминушно ожидала совершеннаго уничпоженія; рѣки огненной лавы окружали ее опвсюду и ширина ихъ превосходила вѣроятіе. Окрестность попрясалась опъ безпрестанныхъ подземныхъ ударовъ. Деревни: *Бельпассо*, *Моппельербъ*, *Маскалугіа*, *Гардія*, *Далпїетро*, *Торре ди Грифо* и проч. были поглощены или разрушены. 29 Марша, лава, продолжая свое печеніе къ югу, испребила селеніе *Мистербьянко*, и попомъ обращаясь къ востоку, по склоненію горъ, достигла 1-го Апрѣля до *Албанели*, въ 8-ми верспахъ опъ Капанін. 22-го Апрѣля, въ 2 часа по полуночи, лава, разруша древніе водопроводы и другіе памян-

ники, находившіеся на ея пупи, окружила снѣжны Катанія съ запада и востока, — и низверглась огромными, раскаленными горами въ бунтующее море, вдавшись въ оное почти на версху, отъ чего, (какъ я выше сказалъ) Катанія имѣеть теперь гавань. Попоки лавы не пресавали печь до половины Юля, т. е. въ продолженіе почти пяти мѣсяцевъ! Въ окрестностяхъ Эпны, цѣлые 54 дни не видали ни солнца, ни луны, ни звѣздъ!

Въ 1693 году было споль ужасное землетрясеніе, что весь городъ Катанія былъ испровергнутъ; при чемъ погибло 18 тысячъ жителей. Землетрясеніе сіе распространилось по всей Сициліи, разрушило множество городовъ и селеній и стоило жизни бо тысячамъ человекамъ! Въ это время безпреспанныя молніи излепали изъ Эпны, и подземные удары были чрезвычайно сильны. На другой годъ облака пепла заспали небесный сводъ и едва не засыпали Катанію.

Въ 1800 году изверженіе Эпны привело въ препещь всѣхъ ея жителей. Облака скоріевъ, пепла и дыма сгустились до такой степени, что день превратился въ темную ночь. Изверженіе сіе продолжались весьма долго. Снѣга Эпны распали и попопили нѣсколько селеній.

Въ 1811 году двадцать огнедышущихъ жерлъ разверзлось вокругъ главнаго жерла; въ то время гора *Св. Симона* выросла въ 48 часовъ; лава стекла на 13 версхъ, расширяясь на 700 фуазовъ; тогда же открылось ужасное жерло *Монте-Россо* и выросла гора сего имени.

Послѣднее изверженіе происходило въ 1819 году отъ 29 Маія по 2 Іюля.

Всѣхъ главныхъ и достоверно извѣстныхъ изверженій можно положить до 80, изъ коихъ иные продолжались по нѣскольку лѣтъ и мѣсяцовъ, — какъ видно изъ вышесказаннаго.

Г Л А В А XXXI.

Э Т Н А.

Nivosa Aetna, coelestis columna . . .

(Pind. Pyth. I.)

Мы направились изъ Катаніи по Эпнейской улицѣ. Дымящаяся Эпна, цѣль нашего подвига, кончая перспективу, закрывала своею громадою весь западный горизонтъ. Гѣнисные сады, обремененные плодомъ и распещренные цвѣтами, приняли насъ, при самомъ выѣздѣ изъ города, подъ гостепріимный кровъ свой—и обняли атмосферую благоуханій . . . Какую галерею ландшафтовъ успроила природа по обѣимъ сторонамъ сей дороги! Опъ самыхъ стѣнъ Катаніи начинается уже Эпна, и часъ опъ часу восхождение становится круче. Здѣсь Природа дышетъ нѣгою въ каждомъ произрастеніи. Ничего не можетъ быть свѣжѣ яркой зелени лимонныхъ, фиговыхъ, лавровыхъ и шелковичныхъ деревъ, перемѣшанныхъ съ пальмами и распуцихъ по грудамъ лавы, черной—какъ уголь;—какъ живописно спелюпса по ней сочные листья уродливаго какпуса или гибкія лозы винограда . . . Какой кристалль чище и звонче сего ручья, падающаго уснупами подъ навѣсомъ мирповыхъ кустовъ? Посмо-

прише какъ нависла съ чернаго утеса эша хижина, одѣтая вѣшьями гуспаго пламана, и нѣжнаго азедарака; межъ тѣмъ какъ гирлянды плюща, винограда и Виргинійскаго ясмина (1) вьются по стѣнамъ ея. Тутъ вы увидите семь поселянъ, занятыхъ обработываньемъ своихъ садовъ и припѣвающихъ иногда подъ звуки гитары или флейты . . . Каждый садъ огороженъ стѣнами алоэ и кактуса. Я не берусь исчислять безчисленное множество ботаническихъ растений, встрѣчаемыхъ здѣсь на каждомъ шагу; онѣ могутъ служить предметомъ цѣлой книги. Одно описаніе садовъ Алкиноя, Альцины и Армиды могутъ представить сіи картины, непрерывающіяся отъ Капани до мѣстечка *Маскалугія*. Неподалеку отъ онаго, нагнали мы одного Англичанина; онъ былъ новоприѣзжій изъ Египта, и ѣхалъ для прогулки въ Маскалучію, сопровождаемый пракпирщикомъ, у коего онъ жилъ; мы занялись съ нимъ разговоромъ, межъ тѣмъ какъ пракпирщикъ ѣхалъ съ нашимъ лакеемъ, (который былъ Мессинезецъ); мы не замѣчали жаркаго разговора ихъ, какъ вдругъ раздался крикъ: помогите! помогите! Мы обернулись, и что же?—Мессинезецъ съ обнаженною саблею, нами ему повѣренною, преслѣдовалъ пракпирщика, который запутался въ колючихъ кустахъ кактуса: мы всѣ прое бросились на воюющихъ, и съ трудомъ вырвали саблю изъ рукъ нашего лакея, волнуемаго

---

(1) *Bignonia radicans*.

досадой. Удивленные его поступкомъ, мы попросили у него объясненія — и вотъ причина: Трактирщикъ крайне негодовалъ на нашего человѣка за то, что онъ не привезъ насъ въ его гостиницу; межъ тѣмъ, какъ мы заняты были Египтомъ, они мѣнялись ругательствами, и разсвирѣпѣвшій Мессинезецъ, бывъ весьма честнымъ и добрымъ человѣкомъ, едва не сдѣлался убійцею. — Вотъ образчикъ характера Сициліянцевъ.

Приближаясь къ *Маскалугіи*, большой шумъ возвѣстилъ намъ сельской праздникъ: едва мы подымались на скатъ улицы, — вдругъ, нѣсколько бѣгущихъ во весь опоръ лошадей, обвѣшанныхъ бубнами, промчались мимо насъ, какъ изъ лука стрѣла и едва не сшибли насъ съ сѣдла. Это одно изъ любимыхъ занятій народа; густая толпа разряженныхъ жителей покрывала улицу; шумъ же мы встрѣпили хороводъ дѣвушекъ, пляшущихъ подъ сплукъ барабана и звонъ погремушекъ; онѣ подносили мущинамъ корзины съ фруктами, а тѣ, вѣнчали ихъ цвѣточными гирляндами.

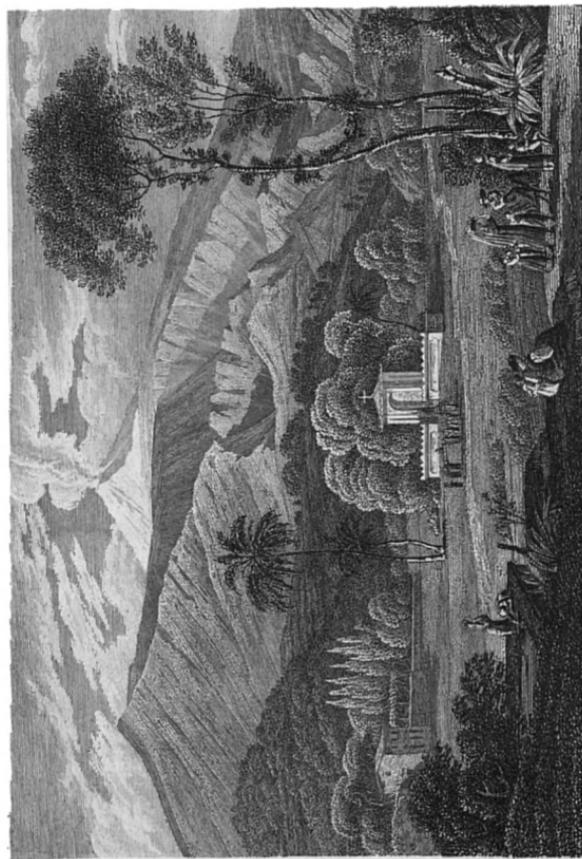
Оставя шумную Маскалугію, мы оставили за собой и веселые ландшафты. Карпина перемѣнилась; распенія кажутся перяюшъ мало по малу свою нѣгу и принимаютъ спрогій видъ. Вскорѣ открываются, сквозь кустарники, два высокіе холма попухшаго волкана *Монте-Россо*, одѣтые прелестною синевою; я бы назвалъ ихъ горами, (1) еслибъ они не были на скатѣ гигантской Эпны,

---

(1) Высота Монте-Россо состоитъ изъ 300 тоаз.

чья громада не только не уменьшается, но кажется еще больше восходяще къ небу. Какъ мраченъ шатерь ея! Какой высокой столпъ дыма клубится изъ ея вершины! . . . Не доѣзжая селенія *Масанунгати*, и проѣхавъ оное, вся окружность печальна и бесплодна; пощія распенія изрѣдка появляются на сѣрной почвѣ лавы, распаленной солнцемъ; но чѣмъ ближе къ *Николози*, тѣмъ больше оживляется природа, и наконецъ мы вѣхали въ сіе мѣстечко чрезъ веселые сады. Но здѣсь кончается *плодоносный поясъ* Эпины. Мы остановились у воровъ дома *Антонія*, извѣстнаго пуневодителя къ грозной вершинѣ. На спукъ нашъ выбѣжали при миловидныя дѣвушки, изъ коихъ двѣ были истинно прекрасны. Съ большою ловкостью и вѣжливостью, неожиданною опъ поселянокъ, обитательницъ сихъ страшныхъ мѣстъ, онѣ просили насъ войдши, межъ тѣмъ, какъ одна побѣжала за Антоніемъ, который былъ ихъ братъ. Пока онъ пришелъ, сестры его успѣли насъ обворожить своею любезностію и пламенными взорами; — черные локоны болѣе еще обнаруживали бѣлизну ихъ тѣла и румяносшь ланитъ. Видя передъ собою Галапею, я ожидалъ, не знаю опъ чего, увидѣшь нѣчто похожее на Полифема въ ея братѣ; — онъ не замедлилъ придти, и я перемѣнилъ свое мнѣніе, увидя красиваго мужчину, весьма расположеннаго на услуги. Межъ тѣмъ мы послали съ нашимъ лакеемъ къ *Донъ-Марію Жемелларо* (ученому Натуралисту, обитателю сего мѣстечка) рекомендабельное письмо, данное намъ въ

Капанин. Онъ посвятилъ почти всю жизнь свою на изслѣдованіе чудесъ Эпны. За мѣсто опивѣта; Г-нъ Жеммеларо сдѣлалъ намъ честь лично посѣпить насъ и предложивъ намъ свой домъ; мы пошли къ нему, заказавъ Антонію явиться къ намъ въ половинѣ осьмаго часа съ лошадками и съ выюками. Почтенный Г. Жеммеларо совѣщивалъ намъ отдохнуть часа два, чтобъ быть болѣе готовыми на ночной подвигъ; мы ему повиновались; послѣ чего употребили нѣсколько времени на бесѣду съ симъ ученымъ мужемъ. Съ своей стороны, онъ много спрашивалъ у насъ о Россіи и о войнѣ 1812 года; видя, что я раненъ, онъ сомнѣвался, чтобъ я могъ въ моемъ положеніи совершить наше предпріятіе; не переставалъ давать намъ совѣщанія, о томъ, какую осторожность должны мы наблюдать, находясь на краю жерла; межъ шѣмъ явился и Антоній. Г. Жеммеларо съ большою подробностью объяснилъ ему, какъ поступать при всякихъ могущихъ прозойти случаяхъ; подтвердилъ ему о направленіи вѣтра, для предохраненія отъ дыма: — словомъ, онъ такъ пекся объ насъ, какъ о друзьяхъ, или лучше сказать, какъ человеколюбивый философъ о ближнихъ своихъ. Спрашивая у насъ, имѣемъ ли мы всѣ необходимо - нужные запасы, не преминулъ узнать, взяли ли мы съ собою лишнія двѣ пары сапогъ, ибо никто не возвращался съ сей грозной вершины, — примолвилъ онъ, — не принеся въ жерпву волкану по крайней мѣрѣ двухъ обуви; наконецъ, совѣщивалъ намъ заготовить шеплымъ

ALBIGNA

Monte Albina

Monte Albina

Alb. III. 277.

плащемъ и дровами, необходимыми въ холодной, безжизненной атмосферѣ. Мы весьма были благодарны за попеченія Г. Жемеларо, и съѣвъ при его глазахъ на лошаковъ, пожелали ему доброй ночи, а онъ намъ счастливаго пути и возврата!

Солнце спускалось за мрачные хребты Эпны; колоссальная тѣнь ея накрывала уже *Николози* и низменный берегъ Капани, синѣвшій подъ нами. Тупъ я въ первый разъ замѣнилъ, какъ мы высоко поднялись, — и что принадлежимъ уже совершенно царству Эпны; мы оглядывались на плодоносную подошву ея, копорая, казалось, упиралась въ самое море, — а горизонтъ онаго, одѣшый вечернимъ туманомъ, сливался уже съ небомъ. Проѣхавъ небольшое пространство, занимаемое садами жителей Николози, мы начали погружаться съ наступившими сумерками, въ мрачную пустыню, примѣнно восходящую передъ нами. Дымная вершина Эпны, казалось, все болѣе отдалялась, и взоры наши непрестанно мѣрили ея высоту. Уже давно не видавъ было слѣдовъ распеній по рухлому пространству черной лавы и скорій. Въ молчаніи приближались мы къ двуххолмному волкану *Монте-Россо*, порожденіе передпослѣдняго изверженія, коего челюсти пролили огненные рѣки, поглотившія сполько селеній и жертвъ — и копорый, можетъ быть и по нынѣ, хранишь измѣническое спокойствіе. Красный цвѣтъ скорій, покрывающій скапы сего волкана, оправдываетъ его прозваніе, значущее: *красная гора*.

Сходящая ночь наложила еще мрачнѣйшій видъ на печальную окрестность, — какъ вдругъ, вправо отъ насъ, раздался звукъ колокола. . . Удивленный симъ знакомъ жизни, я спросилъ у вожакаго, что это было? и онъ показалъ мнѣ, за горами лавы, крышу скромнаго монастыря *Св. Николая*, спѣсненнаго развалинами страшной природы. Какъ прогааетъ сердце сіе уединеніе опшельниковъ отъ міра, для пользы человѣчеству! О! какъ они должны чувствоватъ слабость нашего существа, обитая на споль ужасномъ горниль, грозящемъ ежедневно совершеннымъ испребленіемъ не только бѣднымъ пустыникамъ, но и всему берегу! Монастырь сей, основанный въ XII-мъ вѣкѣ Графомъ Симеономъ Поликаспро, въ честь знамениаго Рогера I-го, былъ нѣсколько разъ низпроверженъ лавами и землетрясеніями и нѣсколько разъ возобновленъ.

Большая часть обитателей Эпны не держатъ достигатъ страшной ея вершины; — но они свыкнулись съ ея ужасами; — не подалеку отсюда, селеніе: *Tre Castagne* выстроено на потухшемъ кратерѣ!

Монастырь *Св. Николая* былъ уже послѣднимъ жилищемъ челоѣка въ областяхъ Эпны. Когда протяжный звонъ колокола замолкъ, по мнѣ казалось, что я проспился съ челоѣками, коихъ слышалъ я послѣднее привѣпствіе:

Lo giorno se n'andava, e l'aer bruno
Toglieva gli animai, che sono 'n terra

Dalle fatiche loro: ed io sol uno
M'apparechiava a sostener la guerra
. . . del cammino (1.)

Вокругъ, неподвижныя рѣки охладѣвшей лавы, казалось, спремались на насъ безобразными волнами. Впереди начиналъ уже чернѣть лѣсъ, загарались звѣзды, и темная ночь заспигла насъ при входѣ въ оный; но вскорѣ, луна, высвободясь изъ паровъ моря, освѣтила снизу, завернувшіеся въ густой мракъ предметы. Какой переходъ, изъ мерзвовой дебри подъ кровъ сполѣпныхъ деревьевъ! И какой лѣсъ! — „Воспоминаніе о немъ,“ — скажу я словами Данша, — „возобновляеть ужасъ.“

È quanto a dir qual era, è cosa dura ;
Questa selva selvaggia, ed aspra e forte,
Che nel pensier rinnuova la paura (2.)

Тѣни удваивали непомѣрную толстоту стѣн и уродливосць сучьевъ; вѣтеръ бушевалъ, и пренещущіе листья какъ бы проговаривали пророческіе глаголы... Чѣмъ болѣе погружались мы въ лѣсъ, тѣмъ безобразнѣе онъ мнѣ ка-

---

(1) День ускользалъ уже, — и нисходящи стѣны
Освобождали всѣхъ живущихъ подъ луной
Отъ суетныхъ трудовъ и пляжкихъ огорченій ;
Лишь я одинъ тогда боролся съ тлѣной
Опаснаго пуши . . .

(2) Inf. C. I.

зался. Сіяніе луны позволяло взору проникать въ чащу, гдѣ груды лавы и опрокинутыя изверженіями, вѣшрами и временемъ, деревья, соспавляли самыя чудныя группы, такъ чпо разгоряченное воображеніе могло бы ихъ принять за привидѣнія и одинъ изъ нашихъ вожапаевъ рассказывалъ намъ съ важностію, чпо многіе пасиухи встрѣчали здѣсь адскихъ геспей. Лѣсъ эпопъ напоминаетъ тѣ лѣса, кои были у Древнихъ обречены богамъ, гдѣ никогда не раздавался звукъ сѣкиры и гдѣ шокмо рука времени разрушала вѣковыя распенія.

Мы начинали чувспивовать успалоспъ, находясь уже болѣе двухъ часовъ въ дорогѣ; но Анпоній поспрялъ насъ достигнуть до такъ называемой *Козьей пещеры*, находящейся неподалеку отъ выхода изъ лѣса. Мы замѣчали уже большую перемѣну въ воздухѣ; сырой холодъ обдавалъ насъ, и мой поварницъ, имѣя слабую грудь, начиналъ жаловаться. Въ то самое время, какъ мы просили Анпонія, для подкрѣпленія силъ, вынуть фляжку съ ромомъ, — онъ показалъ намъ на огромный дубъ, спояющій близъ дороги у оврага : „Здѣсь, сказалъ онъ, нашъ роздыхъ!“ Это насъ порадовало; мы съ большимъ удовольспвіемъ спѣшили съ лошаковъ, не менѣе насъ довольныхъ; привязали ихъ къ дереву и разоспмали плащи подъ широкимъ навѣсомъ дуба; но вспомя о *Козьей пещерѣ*, споль извѣспной чрезъ путешеспвенниковъ : „гдѣ жъ она?“ спросилъ я у Анпонія; и онъ, подведя насъ къ оврагу, показалъ спспавленный потокомъ лавы, невысокій, но продолговатый сводъ, примолвя:

ecco-la qui la famosa spelunca! (Вотъ она, знаменитая пещера!) Усталость удержала насъ съходить по кускамъ лавы, для разматриванія пещеры, и мы предпочли ей дубовый кровъ; — загремѣли бутылки и спаканы, — и Сиракузское вино пошло въ круговую. Межь тѣмъ, какъ мы прилѣжно заняты были ужиномъ, — глухой, но вмѣстѣ сильный отзвѣвъ, подобный опдаленному грому, раздался подъ нами и разнесся по лѣсу. Сраженный подъ пяжеснью Эпины, Тишанъ, давалъ намъ снмъ чувствовать свое присутствіе. Пять или шесть шаковыхъ ударовъ повторились въ продолженіе нашего часоваго отдыха. „Ну!“ сказалъ я Антонію, когда мы кончили ужинъ, „теперь я болѣе расположенъ видѣть пивую пещеру;“ — и мы спустились въ нее. Едва ли девять или десять человѣкъ могутъ въ ней помѣститься — и то, сидя; но мрачный цвѣтъ оврага, гусная тѣнь лѣса, склоненные надъ нею древніе дубы, дѣлають это мѣсто живописнымъ.

Изъ почтенія къ сему гостепріимному убѣжищу, служившему столько разъ пристанищемъ застиженнымъ непогодою путешественникамъ, мы разложили въ немъ огонекъ и по краткомъ отдохновеніи, опять подвиглись въ путь.

Обратясь назадъ на пройденную нами спрану; я плѣненъ былъ видомъ внизъ, сквозь лѣсную прогалину — на море, блисшавшее опъ луны въ неизмѣримой безднѣ. Алмазная поверхность водъ, видимая съ такой высоты, составляла непонят-

ное и сверхъестественное зрѣлище, которое не разгадалъ бы, внезапно перенесенный сюда человекъ.

Мы не были еще четверти часа въ пупи, какъ вдругъ сей дремучій лѣсъ пресѣкъся безъ малѣйшей постепенности, — и намъ предстала, какъ бы внезапно, все та же Этна, но какъ новая колоссальная гора, чернѣе всякой тучи, — изъ коей клубы дыма скользили по звѣздному небу. Здѣсь кончалась жизненность и начиналась — мерзвенность. Никакое животное, кромѣ человека, не смѣетъ проникать сюда. Глядя на предстоящую намъ громаду, мнѣ казалось, — исполненному грознаго восхищенія, — что мы только-что приступаемъ къ восхожденію, и не видя конца пупи, я готовъ былъ, сказать своему вождю:

. . tu, che mi guidi,
Guarda la mia virtù, s' ell'è possente,
Prima ch' all' alto passo tu mi sfidi! (1)

О ты, меня ведущій,
Взгляни, довольно ли во мнѣ ты видишь силъ,
Чтобъ побѣдить въ пупи препоны возстающей?

---

(1) Dante. Inf. C. II.

Г Л А В А XXXII.

Э Т П Л.

Aetnaeos apices solo cognoscere visu,
Non aditu tentare, licet.

(Claud. de Rap. Pros. I.)

И такъ, мы оставили второй поясъ Этны, называемый: *лѣсный*, — и вступили въ *безплодный*. Сие послѣднее названіе не выражаетъ того совершеннаго отсутствія жизни, которое представляется взорамъ, глядя на эту часть Этны. Что можетъ быть чернѣе, ужаснѣе сихъ падающихъ и оцѣпенѣвшихъ рѣкъ лавы? . . . Тупъ почувствовали мы сильную переменъ въ атмосферѣ; вѣтеръ налетѣлъ на насъ съ ужасною силою, и мы едва могли удерживать наши плащи. Крутизна и разбросанныя груды лавы, дѣлали тупъ нашъ часъ опъ часу труднѣе. Я чувствовалъ сильное волненіе въ крови, не смотря на холодъ проникавшій меня; а товарищъ мой примѣшно терялъ свои силы и переменялся въ лицѣ. По мѣрѣ нашего восхожденія, оставленный нами лѣсъ опускался болѣе и болѣе, — и наконецъ, когда онъ совсемъ скрылся, — въ какомъ страшномъ уединеніи увидѣли мы себя! Какая адская чернота проспиралась вокругъ! Она, казалось, поглощала насъ! Нигдѣ не видно было слѣдовъ бытія; вѣтеръ

спремился намъ на встрѣчу съ крупной вершины; свисшы его заглушали наши рѣчи; но ясное небо, усѣянное звѣздами, кои сіяли необычайнымъ свѣтомъ, утиѣняло нѣсколько взоры и смиряло нѣкоторое внутреннее безпокойствіе, видя себя какъ бы на краю земной природы, въ преддверіи новаго міра. Но даже и утиѣнительныя звѣзды скрывались иногда за широкими облаками дыма, межъ нѣмъ какъ подземные удары попрысали подъ нами основаніе, — и тогда, я не знаю, на что походила сія надъоблачная почка земли!

Мы не могли надивипься искусству лошаковъ, спунавшихъ такъ пвердо по изрытой поверхности каменистой лавы; хопя они и обрывались нѣсколько разъ, но никогда не падали, что могло-бъ бытъ для насъ пагубно. Окруженные такими предметами, мы подымались выше и выше; воздухъ дѣлался чрезвычайно рѣдокъ. Не смотря на сильное движеніе въ крови, я не былъ обезпокоенъ; но положеніе моего товарища нѣсколько превожило меня.

Луна не переспавала покровишельствоватьъ насъ въ продолженіе всего опаснаго пупи; она освѣщала близкія пропасти. Серебряный шаръ ея находился уже почти перпендикулярно надъ нами, когда мы медленно приближались къ конечности безобразныхъ утесовъ лавы, изъ которыхъ иные вспавали высокими конусами. Промежду ихъ начиналъ разширяться природный пупъ, копорый соспавлялся уже изъ волканическаго песку, и наконецъ мы выѣхали на проспранную площадь

надъ коей еще высоко господствовалъ огромный двурогій конусъ; дымъ излепалъ изъ него большими клубами, съ глухимъ шумомъ. Сей-то конусъ составлялъ вѣнецъ Эпны и заключалъ въ себѣ страшную ея пещь. Едва только успѣли мы перевести духъ, упомянутые ошъ безпрестаннаго восхожденія въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, какъ вдругъ попрыскалась подъ нами земля и нѣсколько огненныхъ полосъ вылетѣли съ густыми облаками дыма изъ вершины конуса, освѣтивъ ужасное сіе мѣсто. Но воображеніе наше удивленіе, когда пройдя нѣсколько шаговъ во мракъ, мы увидѣли не подалеку отъ насъ, движущіяся существа въ бѣломъ облаченіи, съ оспрыми на головѣ шапками, бѣлаго жъ цвѣта—и держація длинныя шесты.. Мы поражены были симъ чуднымъ явленіемъ. Мнѣ казалось что я вижу паинстинственныхъ гномовъ, изшедшихъ изъ средопочія земли чрезъ страшное отверстіе Эпны; все здѣсь способствовало къ сверхъ-естественнымъ заключеніямъ. . . Послѣ перваго удивленія, Антоній объяснилъ намъ, что существа сіи суть не что иное, какъ любопытныя просполоудимы, облеченныя въ бѣлое суконное одѣяніе, съ капшономъ для защиты отъ холодныхъ вѣтровъ. Получа это объясненіе, мы пожалѣли что не знали прежде о сей одеждѣ, копорая была бы намъ весьма полезною. Мы взаимно обрадовались, найдя челоуѣковъ у сего преддверія ада.

Тогда мы достигли конца *безплоднаго* пояса и находились при подошвѣ *огниаго*. Понесенные

нами доселѣ пруды были ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что насъ ожидало. Мы мѣрили безпокойнымъ взоромъ огромный конусъ, спрашно бузущій, — къ коему мы мало по-малу приближались.

Находясь уже на 9200 футовъ отъ морокой поверхности, намъ оспавалось еще подняться на 1300 футовъ, соспавающіе высоту конуса. Съ какою радостью увидѣли мы, въ семь жилищъ въпровъ и пламени, выспроенное убѣжище для упомянутыхъ путешественниковъ! Честъ сія принадлежитъ г-ну Жемеллару; онъ первый дерзнулъ поставить на такой ужасной высотѣ, приютъ для дерзкаго челоуѣка. Во всемъ мѣрѣ нѣтъ другаго спроенія на такомъ возвышеніи, ибо знаменитое убѣжище на горѣ Сен-Бернардѣ находится 1500 футами ниже; правда, что сіе послѣднее обитаемо; межъ тѣмъ какъ Эпнейское, находясь въ ежеминутномъ ожиданіи совершеннаго уничтоженія, принимаетъ только на нѣсколько часовъ подъ кровъ свой, изумленныхъ гостей. Ключъ отъ этой хижины хранится всегда у г-на Жемеллара, который вручаетъ его путешественникамъ. Обрадованные, мы взошли въ двѣ пустыя комнаты; они показались намъ черпогомъ, когда мы развели огонь, закурили трубки, раскупорили бутылки и начали варить кофе. Намъ приходилось шокмо часа полпора на отдохновение, ибо оспавалось не болѣе прехъ часовъ до разсвѣта, и мы должны были встрѣтить восходъ солнца на высотѣ конуса. Антоній соѣпвовалъ намъ уснуть около часу времени и общалъ разбудить насъ въ самую пору.

Rizzate - vi! rizzate! Вставайте! вставайте! громко кричалъ Антоній надъ нами. Съ воображеніемъ полнымъ ужасами Эпны, и волнуемый лобопыщспивомъ, я быспро проснулся и помогъ ему разбудить моего поварища. Снарядъ нашъ былъ недологъ; вооружась шестами, мы опправились въ пупь... Мракъ ужè примѣнно рѣдѣлъ, звѣзды упоцали въ упреннемъ шуманѣ; весь Земной шаръ ограничивался для насъ цокмо пою мрачною долиною, на коей мы спояли; кругомъ насъ носидиоб облака; а гдѣ ихъ не было, испуганный взоръ перялся въ бездонной пуспопѣ... Межь шѣмъ, сполпы дыма вылепавшіе изъ спонущей горы, распилали надъ нами черный покровъ. Карпина сія воспламеняла воображеніе своею чудесностью; все это казалось мнѣ, едва освѣжившемуся оцъ сна, игрою разгоряченной мечпы.

Домикъ Жемеллара опдаленъ оцъ конуса на чепверть веропы самую опрашною долиною, спспавленною изъ взволнованной охладѣлой лавы, копорая обнимаепъ самый домикъ. И пакъ, прямо изъ дверей начинался нашъ пупъ по оной. Трудно вообразить чпо нибудь уродливѣе сихъ черныхъ, оспрыхъ, изкривленныхъ грудъ съ глубокими прещинами; спопы ваши какъ бы колеблюпся въ недоумѣннн, куда спунить, — вездѣ пакъ спрашно, пакъ опасно порѣзаться или попасъ въ расѣлину. Добрый Антоній и другой жипель Эпны не переспавали намъ помогать со всемъ усѣрдіемъ. Шеспъ и рука опыщнаго вождя часто удерживали меня оцъ паденія. Мы спрадали

болью въ ногахъ опъ оспропы каменистой лавы; поварищъ мой задыхался опъ усалоспи: рѣдкостъ воздуха вредила ему болѣе, нежели самая усалоссть, — и наконецъ онъ пакъ изнемогъ, что принужденъ былъ опказашься опъ предпріятія; я съ сожалѣніемъ разлучился съ нимъ, — и продолжалъ пушь.

Наконецъ, ужасная долина была уже за нами; я споялъ уже у подошвы роковаго конуса, мѣрря взоромъ мрачную крупизну. Добрый Антоній предложилъ мнѣ рюмку рому, и ударивъ по рукамъ, мы попянулись на высоту... Вся эпа конечная гора составлена изъ волканическихъ пепла, песка и мелкихъ скоріевъ; съ каждымъ шагомъ, сіи смѣшанныя вещества осыпались съ грохотомъ подъ стопами нашими, безпрестанно скользящими внизъ; все то, за что я ни брался, чпобъ поддержашься, успупало малѣйшему прикосновенію и также сыпалось. По сему можно судить, какъ мучипеленъ и медлененъ паковой пушь. Межъ пѣмъ, порывистый вѣперъ начиналъ насъ обдавать ѣдкими сѣрными испареніями; чрезъ каждые пять или шесть шаговъ, я принужденъ былъ ложипься на знойный пепель и переводить дыханіе, которое безпрестанно захватывалось зловредною атмосферою. Весь заняпый своимъ трудомъ, изнемогая подъ онымъ, я не замѣчалъ происходившаго вокругъ меня въ природѣ; лишь успремлялъ часпо опчаянный взоръ на дымную вершину, которая казалась, все удалялась опъ меня; межъ пѣмъ Антоній преподавалъ мнѣ наспавленія, какъ поступать на краю

жерла; онъ опасался болѣе всего силы вѣпра, который не переспавалъ бушевать. Чего не можешь преодолѣть перпѣніе соединенное съ любопытствомъ?— уже болѣе нежели половина конуса была нами пройдена; я подкрѣплялъ разумомъ шѣлесное мое изнеможеніе, видя, что вершина уже не далека; межъ шѣмъ тонкое облако проходило мимо насъ и окропило меня влагою.

Но я былъ ободренъ при концѣ моего пути, увидя шѣхъ чепырехъ Сициліянцевъ, кои споль удивили меня ночью, сидящихъ уже, въ бѣлыхъ облаченіяхъ своихъ, на крайней высотѣ, за свѣплымъ облакомъ; тогда они почно походили на какихъ-то духовъ, или на жрецовъ Зороаспра, ожидающихъ появленія солнца для поклоненія оному. . . . Случайное зрѣлище сіе имѣло нѣчто особенно великое. — Межъ шѣмъ и мы входили въ облако которое шло прямо на насъ; въ то время, какъ оно облекало насъ холодною сыростію, я чувствовалъ, что земля горѣла подо мною, — шѣмъ болѣе, что я имѣлъ уже шолько нѣчто похожее на обувь. — Облака дыма переваливались высоко черезъ наши головы; а пепель попираемый нами, примѣшно дѣлался горяче. Наконецъ, край спрашной паспи былъ уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ; онъ весь былъ покрытъ сѣрою, самой яркой желпизны, и широко расходился на два высокіе рога. По всей окружности вился къ верху, или расплался спруями, дымъ; ѣдкость его прерывала дыханіе, а сильный вѣперъ едва позволялъ намъ ползти по горячей сѣрѣ, прожигающей одежду; я

былъ видѣ себя, приближаясь къ сему адокому мѣ-
сту. Съ каждымъ изверженіемъ дымныхъ тучъ,
внупренность волкана ужасно ревѣла, и ревъ сей
разносился по воздуху. — „Берегитесь! берегитесь!“
— кричалъ мнѣ почти на ухо Антоній, по причи-
нѣ вѣпра; — вы на краю пропасти; не вставайте
на ноги, — вѣперъ можетъ унести васъ . . . “ Сего
было довольно для предостереженія моего . . . Мнѣ
была видна одна только страшная вершина; обла-
ка закрывали окружность, и розовый шуманъ одѣ-
валъ небо; крупизна была необычайная; я боялся,
чтобы порывы вѣпра не умчали меня въ простран-
ство эвира; — онъ казался мнѣ бездоннымъ океа-
номъ вѣчности, и что я стою на краю оной.

Но какія слова, какая кисть выразить зрѣ-
лице, предсказавшее изумленнымъ моимъ очамъ,
когда едва переводя дыханіе, я доплзъ до края
— и бросилъ взоръ въ разкрывшуюся передо мной
бездну! . . . . Я оцѣпенѣлъ . . . . Хладъ пробѣжалъ
по жиламъ . . . и я превратился весь въ зрѣніе. Са-
мое пламенное воображеніе не произведетъ ничего
ужаснѣе сей адской бездны, сего входа въ пре-
исподнее царство пьмы.

Крупные края конуса, возвышаясь четырьмя
шпицами, разширялись на большое пространство,
и сославляли глубокой бассейнъ, посреди коего раз-
верзаются бездонная пасть страшной величины и
черноты. Вѣперъ, дувшій съ нашей стороны, оп-
спранялъ столпы дыма и позволялъ испуганному
взору проникать въ необъятное опверсіе, —
шамъ кружились дымные вихри и съ шумомъ вы-

лепали поверхъ облакъ, кой часто, какъ бы съ ужасомъ отстранялись отъ нихъ. Накипѣвшая сѣра, дышащая зноемъ, прожигала подъ нами разо-спланные плащи. За сею пропастью, сославляющею главный краперъ, возвышалось нѣсколь-ко холмовъ, изъ-за коихъ видна была полови-на другаго крапера; чепыре столпа дыма воз-вѣщали чепыре опверспія; но главное было то, копорое находилось передо мною съ сѣверной спо-роны; а прочія были закрыты неровностями и гу-спымъ дымомъ. Въ пихую погоду, опважные сходящъ оспорожно съ боковъ конуса къ жерлу, коего края образуютъ площадку; но это ни къ чему не ведеть, ибо погда жерло худо видно, — межъ шѣмъ какъ съ высшаго рога, на коемъ я си-дѣлъ, открываея вся спрашная глубина волка-на. Можещъ бышь и я пожелалъ бы сойдши въ бас-сейнъ; но благоразумный Анпоній ни какъ не соглашался, — и самая краснорѣчивая причина, у-держивавшая меня отъ того, соспояла въ помъ, что сильный вѣперъ едва позволялъ намъ сидѣшь, и по не безъ опасности; а въ бассейнѣ, гдѣ хошя вѣперъ и пише, вихри сѣрныхъ испареній могли бы насъ лишитъ дыханія въ одно мгно-веніе.

Я не могъ опвесити глазъ отъ сего ужаснаго предмета; но уже наспавало новое зрѣлище, совер-шенно другаго великолѣпія. Солнце готово было воспрянупъ изъ безднъ моря; Анпоній возвѣспилъ мнѣ это, и я склонилъ зоры свои долу. Весь пу-манъ, облакавшій землю въ продолженіе моего во-

схожденія, подымался тогда къ верху и составлялъ тѣ облака, кои налепали на насъ; но тогда, земля и море были уже свободны отъ оныхъ; я не могъ еще различить предметовъ; все было подернуто прелестною синевою въ неизмѣримой глубинѣ. Но весь воспокъ, слышый съ моремъ, горѣлъ уже алымъ свѣтомъ; — и вдругъ пукъ лучей, блеснувъ какъ молнія, разсыпался по всему воспочному краю моря. Въ одно мгновеніе опдѣлились воды отъ земли. Наконецъ показался край солнца!.. Красный шаръ его, казалось слѣдовалъ колебанію волнъ. Тупъ я воображалъ, что я призванъ быть зрителемъ сотворенія новой планеты. Такъ и при созданіи своемъ, земля радостно улыбалась первымъ лучамъ юнаго солнца; наконецъ, все обозначилось очарованнымъ моимъ взорамъ! Сердце мое билось небесною радостью. Я видѣлъ себя сидящимъ на вершинѣ ужасной пирамиды, упирающейся основаніемъ въ море и возносящей мрачное чело выше облакъ. Конечно Пиндаръ былъ тогда на сей почкѣ, когда онъ назвалъ Эпну *столпомъ неба!* Она, казалось, господствовала надъ Земнымъ шаромъ, по удивительно ли, если я, господствуя надъ нею, считалъ себя въ нѣкоторыя минуты находившимся внѣ земной сферы. Я какъ бы ужасался своей дерзости! Съ одной стороны разверзался передо мною адъ со всѣми его ужасами; а съ другой, необозримый міръ возраждался изъ хаоса... Но я долженъ пресѣчь на минуточку продолженіе сего описанія, превышающаго силы смертнаго, чпобъ обратить вниманіе читателя на

чудесный феноменъ образовавшійся подлѣ меня. Едва только лучи солнца коснулись вершины Эпны, какъ вдругъ тѣнь ночи сбѣжала съ ея двурогаго конуса, копорый опразился на западѣ въ клубахъ дыма и облачныхъ паровъ, — и тогда, новая гора повисла на воздухѣ. . . . Я не зналъ, куда мнѣ обратиться, среди шаковыхъ чудесъ; но черезъ нѣсколько минутъ, сей феноменъ исчезъ, и я вновь занялся дольнымъ міромъ.

Тамъ все ужё пришло въ гармонию. Вся Си-лія, копорая казалась опсюда бытъ созданною токмо для подножія Эпны, покоясь на разгарающихъ зыбяхъ моря, являлась какъ бы на картѣ напоминая древнее ея названіе, — *Тринакрія*, прехъ-угольною своею формою.

Terra tribus scopulis vastum procurrit in aequor
Trinacris; a positu nomen adepti loci:
Grata domus Cereri. (1)

Занимая центръ необозримой панорамы вселенной, она процвѣпала какъ садъ. Взоръ обнималъ все пространство острова опъ мыса *Пелора* до мыса *Лилибея*; а опъ сего — до мыса *Пахина*. Я даже могъ узнавать положеніе самыхъ опдаленныхъ городовъ, какъ то: *Палермы*, *Марсалы*, *Агригента*, *Сиракузъ*; чпо жъ касается до *Мессины* и *Катаніи*, то они были видны почти какъ на планѣ. Къ сѣверу разсплалось *Тиренское море*, изъ коего выходили *Устика* и вся группа *Эловыхъ острововъ*;

---

(1) Ovid. Fast. III.

среди нихъ опличался курящійся *Стромболи*. Къ востоку блистала лучами солнца проливъ Мессинскій; обозначалась вся южная Калабрія, начинающая отъ залива Поликастро и слѣдуя обводу *сапога* Ипаліи до самаго мыса Св. Маріи, гдѣ начинается поворотъ въ Адриатическое море. Здѣсь на восточномъ берегу Сициліи бѣлѣютъ зданія Мессины съ крючковапымъ ея портомъ, и она кажется въ разстояніи покломъ нѣсколькихъ сажень; тамъ обозначаются скалы мыса *Алессо* и Таормины; здѣсь пестрѣетъ Капанія, окруженная всею роскошью природы; вошь два озера Ленпины, вошь Августы, вошь наконецъ Сиракузы и краугольный мысъ *Пахинъ*. За нимъ, черезъ равнину моря выходилъ изъ волнъ дикая Мальпа съ привлекающими къ ней островами Кумино и Гоцо; а немного подалѣе, Африканскій островъ *Ликоза*. Къ западу извивались берега Агригенсы, Мацары и Марсалы, противъ коей видѣнь посреди моря островъ Пантеларія и едва виднѣется берегъ Африки; но я не мало удивился, что западное море Сициліи съ городомъ Трапани и Эгатскими островами заслонялись хребтами горы Эриксъ. Безъ сомнѣнія, на всемъ Земномъ шарѣ не лзя найти зрѣлища равнаго сему. Я уже болѣе двухъ часовъ занятъ былъ сими высокими предметами, какъ вдругъ увидѣлъ недалеко отъ вершины влекущагося моего поварища, котораго я полагалъ давно уже отдыхающимъ въ домѣ. Видя сколь любопытство превозмогало въ немъ плѣснныя его силы, я послалъ къ нему на встрѣчу Антонія, и съ

помощію двухъ сильныхъ людей, былъ онъ доведенъ до края пропасти; но едва только бросилъ онъ взоръ на жерло, какъ дыханіе его было захвачено сѣрными испареніями и онъ упалъ почти безъ чувствъ на плѣющій пепель; я велѣлъ немедленно свесити его ниже, и тамъ уже онъ очутился и успѣшилъ спуститься къ подошвѣ.

Я не могъ рѣшиться оставить сей единственнѣйшій пунктъ земнаго шара. Я попеременно ужасался разверзною подо мной бездною, коей ревъ потрясалъ всю конечность volcana, на коей я сидѣлъ, — или восхищался несравненною карпиною вселенной. Холодъ проникалъ меня, межъ тѣмъ какъ курящійся пепель прожигалъ мое плащье. Нѣсколько подалѣ лежали груды снѣга. Зима, неизвѣстная Сициліи, царствуетъ только на сей адской вершинѣ и борется съ огнемъ!..

Summo cana jugo cohibet (mirabile dictu)

Vicinam flammis glaciem aeternoque rigore

Ardentes horrent scopuli: stat vertice celsi

Collis hiems; calidâque nivem tegit atra favillâ.

(*Sil. It. XIV.*)

Вѣперъ продолжалъ свирѣпѣть съ тою же силою, такъ, что я опасался перемѣнить мѣсто, дабы не быть увлечену или въ мрачную пропасть, или въ неизмѣримостъ воздуха. Здѣсь погибъ Агригенпскій Философъ Эмпедоклъ, который учился постигать Натуру близъ спрашной ея Лабораторіи. (Огонь, по его мнѣнію, былъ главнѣйшею дѣйствующею стихіею изъ чепырежъ, имъ признанныхъ.)

Онъ даже обиталъ на Эпнѣ, и находящіяся у подошвы конуса развалины (о коихъ я скажу ниже) называются и по-нынѣ *башнею Философа*. Платонъ два раза восходилъ на вершину Эпны, и въ первый разъ нарочно прибылъ изъ Аѳинъ, чтобъ видѣть сей великій феноменъ.

Проведя почти 5 часовъ на вершинѣ Эпны, взирая сквозь облакъ на земныя области, дыша атмосферою, не принадлежащею человѣку, я начиналъ уже чувствовать изнеможеніе; сѣрныя испаренія и рѣдкость воздуха стягивали мою грудь, дыханье мое спановилось принужденнымъ, сердце сильно билось, и холодъ оковывалъ судорогами мои члены. Солнце, споль пламенное на землѣ Сициліи, — здѣсь совсѣмъ меня не грѣло. Я по неволѣ долженъ былъ помышлять о нисхожденіи. Находящійся съ нами ромъ принесъ намъ большую пользу въ семъ случаѣ. — Прежде нежели оставить навсегда сію надоблачную бездну, я хотѣлъ болѣе и болѣе напечатлѣть въ памяти своей всѣ подробности оной; мы направлялись съ Антоніемъ по дымящимся краямъ, весьма тихо, по причинѣ сильнаго вѣпра, и болѣе ползли, чѣмъ шли, какъ вдругъ, понадѣясь на прикрывавшее насъ одно возвышеніе, мы осмѣлились встать прямо на ноги; но не успѣли еще хорошо утвердиться, какъ налетѣвшій порывъ вѣпра сшибъ меня подъ ноги Антонія, который не могши удержаться, упалъ на меня, и мы покатались по смрадной сѣрѣ во внутренность бассейна. Я не въ силахъ выразить чувство ужаса, объявшее меня тогда; вопще спа-

рались мы удержаться о горячіе куски сѣры, опть испаренія коихъ мы задыхались: — они обрывались подъ нами, и еслибъ вѣперъ не былъ косвенный и не поперялъ бы своей силы въ бассейнъ, коего высокія стѣны закрыли насъ, — то вѣроятно мы бы погибли. Но съ прекращеніемъ вѣпра, Антоній, первый удержался объ одну курящуюся неровность, опть чего и я останоуился на немъ. Спасенные симъ случаемъ, мы не были еще внѣ опасности, ибо вихри дыма захватывали наше дыханіе; но къ счастью, направленіе вѣпра было съ нашей стороны: еслибъ оно перемѣнилось, то въ одно мгновеніе насъ бы не спало.— Пришедъ въ себя, ни мало не теряя времени, опытный Антоній, знавъ всѣ проходы, повлекъ меня съ собою изъ сего ада, коего жерло было въ четырёхъ или пяти саженьяхъ опть насъ; — я не занялся тогда разсмаприваніемъ его ужасовъ, невольно завлеченный споль близко къ оному; но сколь возможно скорѣе старались доспичь краевъ, и перейдя уже ихъ, замѣтили мы что лишились шляпъ и посоховъ; — взглянувъ въ бассейнъ, мы ихъ не видали; только одинъ изъ нашихъ посоховъ лежалъ близко опть спрашнаго жерла, а шляпы, вѣроятно сдѣлались добычею волкана; — быстро спустились мы по крупому скату конуса, и менѣе нежели въ полчаса были уже въ безобразной долинь, опдѣляющей конусъ опть домика Жемеллара. Тупъ моя обувь сама собою отказалась мнѣ служить; я перемѣнилъ ее на новую, кошорая была въ мѣшкѣ у Антонія; но не имѣи

посоховъ, мы съ чрезвычайнымъ прудомъ добрались до домика по оспрымъ грудамъ.

Два часа отдохновенія возстановили мои силы. Мой товарищъ также поправился; но понесъ съ собою болѣзнь, опъ коей не скоро освободился. Тогда было около двухъ часовъ по полудни, когда мы оставляли ужасное святилище Эпны, безпре-спанно оглядываясь на оное. Мы проѣхали мимо оспатковъ древняго зданія, называемаго *Башнею Философа* и находящагося въ нѣсколькихъ саженяхъ опъ домика Жемелларо, въ долину *del frumento*. Сии развалины состоятъ изъ основанія стѣнъ, которыя сложены изъ большихъ кусковъ обтесанной лавы, вмѣстѣ съ кирпичами. Тупъ же видны нѣсколько кусковъ бѣлаго мрамора, и можно еще различить, что зданіе имѣло видъ параллелограма. Многіе полагаютъ оное жилищемъ Философа Эмпедокла, и названіе *Башни Философа* утвердило эпомиѣннѣ; но нельзя думать, чтобы она была чьимъ либо жилищемъ: ибо чрезвычайная рѣдкость атмосферы, сѣрные испаренія и сильные вѣтры не долго бы продлили человѣческую жизнь на эпомиѣннѣ. Даже въ гостепріимныхъ уединеніяхъ на горахъ Сен-Бернардѣ, Ценисѣ и Сен-Пломбѣ, кои выспроены гораздо ниже домика Жемелларо, — монахи очередуются между собою въ пребываніи тамъ, по причинѣ несвойственнаго для человѣческой натуры, воздуха.

Съ бѣльшимъ правдоподобіемъ можно положить, что сии развалины суть оспатки храма *Юпитера, побѣдителя Гигантовъ*, по свидѣтель-

спву Спрабона, Плинія и Лукреція. Пиндаръ называетъ Юпитера: *Этнейскииъ*. Извѣстно также что и Вулканъ имѣлъ храмъ на Этнѣ; но Эліенъ говоритъ, что оный окруженъ былъ *тѣнистыми древами*, по чему должно думать, что онъ находился въ *лѣсноиъ* или *плодоносилоиъ* поясахъ. Жерло Этны служило иногда, Древнимъ, для гаданій; они бросали шуда въ жершву животныхъ или меншалическія печати; если жерло не выбрасывало ихъ вонъ, то это почиталось счастливымъ предзнаменованіемъ, въ противномъ же случаѣ — пагубнымъ.

Отсюда мы спустились къ ужасной пропасти, называемой *Valle del Buco*, куда низвергается цѣлая рѣка лавы, какъ бы захваченная внезапнымъ холодомъ. Видъ съ сей высоты не преслауетъ бытъ волшебнымъ: сколько пирамидальныхъ волкановъ высялся опъ необъяпнои подошвы горы и соспаляютъ одно зданіе Этны! Когда мы спустились съ бесплоднаго пояса, то жаръ дѣлалоя часть опъ часу несноснѣе, шѣмъ болѣе что волканической составъ и черный цвѣтъ лавы жадно вбираютъ въ себя лучи солнца и отражаютъ зной. Лишенные широкихъ шляпъ, я и Антоній ѣхали обвязанные плашками, кои очень дурно насъ защищали. Лѣснои поясъ послужилъ намъ опрадой; шѣнь дубовъ и кашпановъ была для насъ усладительна. Лѣсъ сей не представлялъ намъ иногда пого спрашнаго вида, въ какой онъ былъ облеченъ ночью; но со всѣмъ шѣмъ не лзя было безъ ужаса глядѣшь на попоки лавы,

ниспровергшіе цѣлые ряды столѣпныхъ деревь; иныя безобразно порчали изъ подъ тяжесни грудь, ихъ подавлявшихъ, другія сохранили еще слѣды ужаснаго пожара; но тѣмъ пріятнѣе было глядѣшь на нѣ, кои полные сочной юности, далеко расплели свои вѣтви. Навѣсь одного изъ шаковыхъ дубовъ избрали мы для отдохновенія; онъ могъ бы защищивъ шѣнью своею цѣлый хороводъ Дріадъ коихъ предшавляютъ пляшущими, сплещась рука съ рукой, вокругъ древнѣйшихъ деревь. Знаменитое кашпановое дерево, называемое: *о ста лошадей* (de 'cento cavalli) и находящееся около *Санта-Венеры*, нынѣ представляетъ покмо корни семи деревь, соединенныхъ вмѣстѣ и имѣвшихъ въ объемъ 178 фуштъ. Близъ него есть и другіе огромные кашпаны, изъ коихъ одинъ называемый (del Re) *Царской*, имѣеть 58 или 39 фуштъ въ окружности.

На пути изъ лѣсу до *Николози*, мы изнемогли отъ жару, посреди знойной долины, заваленной пепломъ и скоріями волкана *Монше-Россо*, красный цвѣтъ коего, усугубленъ былъ лучами палящаго солнца. Я немало удивился, увидя неподалеку отъ сей страшной горы нѣсколько гибкихъ лозъ винограда, распущихъ въ вулканическомъ пескѣ. Жители *Николози* начинаютъ уже мало по-малу превращать сіе мѣсто въ садъ, забывая прошедшія злоключенія. Вопгь какъ они сажалотъ виноградъ: провернѣвъ въ вулканическомъ пескѣ нѣсколько отверстій, они наполня-

юпъ ихъ землею, и посадивъ шуда виноградники, поливають сначала нѣсколько разъ, а потомъ оспавляютъ напурѣ докончивъ начашое. Чрезвычайное плодоносіе волканической почвы вознаграждаетъ выше чаянія пруды поселянъ.

Г Л А В А XXXIII.

ДОРОГА ОТЪ НИКОЛОЗИ ДО ТЛОРМИНЫ.

L'Etna s'agite, et furieux
Semble, du fond de ses entrailles,
Vomir l'enfer contre les cieux.
Mais pour renaitre enfin sa rage expire:
Il se rasscoit sur le monde cbranlé.
Coulez bons vins, femmes daignez sourire,
Et l'Univers est consolé.

(Beranger. Ch. — la Nature.)

Къ вечеру мы прибыли къ Николози и были похожи на Циклоповъ — въ прогорѣвшихъ нашихъ плапьяхъ, покрытыхъ сѣрою, плѣющею опъ солнечнаго зноя. Изнуренныя силы наши едва позволяли намъ только обнять и поблагодарить почтеннаго Жемелларо, который, опусивъ насъ на споль желаемое нами успокоеніе, уговорилъ провести весь завпрашній день у него, на что мы изъ благодарности къ его ласкамъ и опъ сильной усталости, охотно согласились. Я спалъ почти 24 часа.

И пакъ мы провели слѣдующій день самымъ пріятнымъ образомъ, пользуясь гостепрѣимствомъ г-на Жемелларо. Его обширныя свѣдѣнія въ Естественной Исторіи сдѣлали его извѣстнымъ ученому свѣту, а добродѣтели — любезнымъ для всей

окрестной спороны. Съ крайнимъ сожалѣніемъ. распался я съ симъ любезнымъ Философомъ, который подарилъ мнѣ передъ отпѣздомъ, его ученыя изслѣдованія объ изверженіяхъ Эпны.

Съ разсвѣтомъ оставили мы Николози. Цвѣтушіе сады, окропленные упреннею рососою, обружали насъ со всѣхъ сторонъ; самыя роскошныя произрастенія покрывали все обширное пространство отъ Николози до моря, по лазури коего, рисовались черныя изгибы береговой лавы. Море было столь же спокойно какъ и ясное небо разцвѣщающее розовымъ блескомъ зари; все дышало нѣгою и плѣнило мои взоры еще болѣе послѣ ужасовъ напечапѣвшихся въ нихъ.

Въѣзжая въ деревню *Ферару*, еще довольно рано, мы увидѣли уже всѣхъ жителей ея собранныхъ и разряженныхъ близъ церкви; множество миловидныхъ женщинъ, въ костюмѣ похожемъ на Римскій, смѣшаны были съ шумною толпою мужчинъ. На нѣкоторыхъ изъ сихъ послѣднихъ замѣтилъ я одно необыкновенное одѣяніе: два длинные куска темнаго сукна падали съ плечъ, перекрещаясь вокругъ шеи, которая проходила сквозь круглое отверстіе и служила, какъ бы осью сего страннаго наряда. (1) Цѣлая банарейя ручныхъ перардъ стояла передъ крыльцомъ церкви; съ первымъ ударомъ колокола, выбѣжалъ одинъ человекъ изъ толпы, съ зажженнымъ фиспелемъ, и посредствомъ проведеннаго шпапина открылъ прескучій огонь, кошорый намъ долго былъ слышанъ въ пущи.

(1) *Sulimarco* sia *Saltambarco*, весьма древняя одежда.

Дорога наша шла чрез непрерывные сады. Плодородіе сихъ мѣспъ едва вообразимо! Мы все еще находились въ волшебномъ царствѣ Эпны, и нечувствительнo спускались къ ея подошвѣ. Кажется, что сама природа, пронупая слишкомъ частыми бѣдспвіями челоуковъ, обипапелей сего очаровательнаго берега, — упѣшаетъ ихъ непоспжимымъ изобиліемъ земныхъ нѣдръ. Здѣсь она сохраняетъ еще всю первобытную юность свою; но красоты ея, основанныя на разрушеніи, на черныхъ гудахъ лавы, — споль необыкновенны, что кажутся произведеніемъ магическаго жезла. Выѣжая изъ мѣспечка *Кастаніи*, опкрывается великолѣпная перспектива Эпнейскихъ горъ и низменныхъ холмовъ ихъ. Отсюда начинается примѣшный спускъ съ Эпны; на лѣво дымящаяся громада ея разверпывается во всю необъятную длину свою; а на-право лѣсиспые холмы понижаются болѣе и болѣе къ морю, и путешественникъ съ каждою переменою мѣста, видитъ мѣняющіеся ландшафты. Здѣсь самыя живописныя фрукціонныя деревья расширяютъ вѣтви свои, распроспраняя густую тѣнь; мирныя семьи поселянъ покоятся или прудятся подъ ихъ кровомъ; — вы часпю видите здѣсь въ дѣйствіи Идилліи *Теокрита*; сіи окреспности созданы для его пѣсней. Для живописца весьма замѣчательны на сей дорогѣ ряды коническихъ холмовъ, вѣроятно волканическаго произведенія; они одѣпы опъ подпвы до вершины миндалевыми и шелковичными деревьями; нныя увѣнчаны развалинами Сарацинскихъ замковъ:

кажется, что каждый из сихъ прекрасныхъ холмовъ цвѣтеть подъ надзоромъ бога Пана. Межъ шѣмъ грозная Этна мѣняеть не примѣшно видъ свой: сіи черныя скалы, видимыя вами опсюда, сунь обрушившіеся потоки лавы изъ *Valle del bue*. Тамъ, впереди васъ, на краю горизонта, какъ величественно возносятся къ небу синія громады, соснавляющія Непшунovy горы! Ближайшая изъ нихъ, вдающаяся въ море, есть гора *Таврѣ*, носящая на кремнистыхъ ребрахъ своихъ, осланки великолѣпной Таормины; а надъ всѣми ими господствуетъ шпигъ огромной *Страпаверы*. Приближаясь къ мѣспечку *Санта-Венера*, мы съѣхали съ крушаго холма, который соснавляетъ послѣдній примѣшный спускъ съ Этны.

Мѣспечко *Санта-Венера* получило названіе свое опгъ имени языческой богини любви, копорая, въ печенія времени, освящена Сициліянцами. Вѣрояшно, здѣсь былъ шопъ храмъ Венеры, копорый находился между рѣками *Онобой* и *Азиніемѣ*, именуемый: *Fanum Veneris*. Здѣсь находятся цѣлебныя воды, имѣющія особенный желловатый цвѣпъ и упошребляемья для наружныхъ болѣзней. Прошпву *Санта-Венеры*, замѣпилъ я снѣгъ на одной часши Этны, называемой: *Monte Agnolo di Catania*.

Опсюда, красота Непшуновыхъ или Пелорскихъ горъ возрастаетъ очевидно, межъ шѣмъ какъ опдаленные берега Калабріи начинаютъ всплавать изъ синихъ волнъ Эгейскаго моря. За снмъ, шумные и быспрые испочники, гремя и свер-

кая по камнямъ, радуясь въ знойный полдень, взоръ и слухъ путника, и спремаясь чрезъ богатые долины къ морю. Вскорѣ мы переѣхали шумящую рѣчку *Fiume freddo* (холодная рѣка), древній *Asinius*. Названіе холодной рѣки въ самомъ дѣлѣ ей приличествуетъ, ибо воды ея холоднѣе прочихъ, по той причинѣ, что они, будучи составлены снѣгами Эпны, выпекаются изъ подъ лавы съ чрезвычайною быстротою. Въ долинахъ, слѣдующихъ за сею рѣчкою, замѣнилъ я, на высокому холмѣ, живописныя развалины Норманскаго замка. Неподалеку протекаетъ другая рѣчка, называемая *Кантара*, древняя *Онобола*. Чрезъ нее сдѣланъ каменный мостъ, называемый *гертовымъ* и составляющій предметъ одной національной сказки. За сею рѣчкою поднялся цѣпь холмовъ съ роцями и кустарниками, коихъ вершины, господствуя одна надъ другою живописными группами, образуютъ амфитеатры зелени.

Но спускаясь съ холма къ береговымъ долинамъ, окружающимъ мѣстечко *Джардини* (*Giardini*) и примыкающимъ къ великолѣпнымъ скаламъ *Таормины*, — видъ дѣлается очаровательнымъ! Основаніе ландшафта составляютъ море и синія высопы *Калабріи*; на-право протягивается изгибистый мысъ *Скизо* (*Schiso*) съ древнимъ замкомъ посреди роцъ, а съ-лѣва является несравненный видъ скалъ *Таормины*, восходящихъ черными шпицами по лазури неба.

Мы поворотили на-право къ замку мыса *Скизо*. Здѣсь процѣлалъ некогда *Наксосъ*, первый

городъ, основанный Греческими колоніями на берегахъ Сициліи, за 736 лѣтъ до Р. Х. и разрушенный лавою. Здѣсь воздвигли они жертвенникъ *Аполлону-Аркаету*; — всякій разъ, передъ отъѣздомъ своимъ изъ Сициліи, Эфоры возлагали на оный первыя жертвоприношенія. Изъ всего города оспалась только одна гробница, вокругъ коей бродящъ спада; она сложена изъ кирпичей и имѣетъ четвероспоронную форму; вся наружность поросла мхомъ, кустарникомъ и плющемъ; во внутренности естъ входъ, гдѣ видны еще ниши для пепельныхъ урнъ.

Упоменные путемъ, а болѣе еще чрезвычайнымъ жаромъ, мы съ радостью вѣхали въ мѣстечко *Джіардини*, которое, находясь на низменномъ берегу моря, у подошвы гигантскихъ скалъ *Таормины*, покрывалось уже икъ обширною тѣнію и предлагало намъ самое опрадное и живописное убѣжище. *Джіардини* построено на помъ мѣстѣ, гдѣ была гавань *Тавроменинцъ*. Теченіе лавы, видимое здѣсь, естъ по самое, которое оспановило *Картагенскую* армію, шедшую на *Саракузы*. — Мы пристали къ миловидной гостинницѣ, содержимой Священникомъ, и прекрасною его племянницею; намъ отвели весьма хорошую комнату, чему мы не мало обрадовались, привыкнувъ къ неопрятности паковыхъ домовъ въ Сициліи, носящихъ одно токмо имя гостинницы. Изъ нашей комнаты былъ выходъ на террасу, обращенную къ морю, и отсюда мы могли наслаждаться великолѣпнымъ видомъ сихъ мѣстъ. Обворожен-

ные красотою природы, мы не медля, поселились на террасѣ, гдѣ велѣли приготовить ужинъ; межъ тѣмъ, обольщенный плескомъ пихо распилающихся волнъ, я пошелъ до захода солнца купаться, препоручивъ хозяйственную часть любезному поварищу. Возвратясь, я уже нашелъ прекрасный рыбный ужинъ, десертъ и бутылку хорошаго вина; мы поподчивали онимъ нашего хозяина, котораго прежде, нежели опорожнить свою рюмку, *импровизировалъ* намъ лестное *Бриндизи* (*Brindisi*) п. е. задравный куплетъ; а милая хозяйка весьма пріятно пропѣла арію изъ Спихотвореній Аббата Мелли, при звукахъ гитары.

Теперь, сидя за чашкою кофе и куря трубки, мы лобуемся въ сладкомъ безмолвіи красотою природы. Глаза мои по разбѣгаются по гладкой поверхности моря; по останавливаются на краю горизонта, на лазоревыхъ горахъ Ипаліи, или на бѣлѣющихъ въприлахъ кораблей; по возносятся вмѣстѣ съ восстающими подъ облака скалами Таормины, плѣняясь живописнымъ разнообразіемъ ихъ дикихъ формъ. Какъ прекрасна сія первенствующая пирамидальная скала, на шпичѣ коей нависъ древній замокъ Сарациновъ! Плащформы среднихъ утесовъ заняты городомъ, украшеннымъ башнями, кипарисами, пальмами и прекрасными аркадами водопроводовъ; а память, на сей черной скалѣ, нависшей надъ бездною моря, видны несравненныя развалины театра древнихъ Грековъ.

Видъ Таормины преисполненъ поэзіи и воспламеняетъ воображеніе. Вечеръ, прошедный

мною на террасѣ, доставилъ мнѣ неописанное удовольствіе. Слѣдующій день общалъ мнѣ еще большее, — и мы легли ранѣе отдыхать, намѣреваясь быть при восхожденіи солнца, на высотѣ скалы, гдѣ находятся знаменитыя развалины.

Г Л А В А XXXIV.

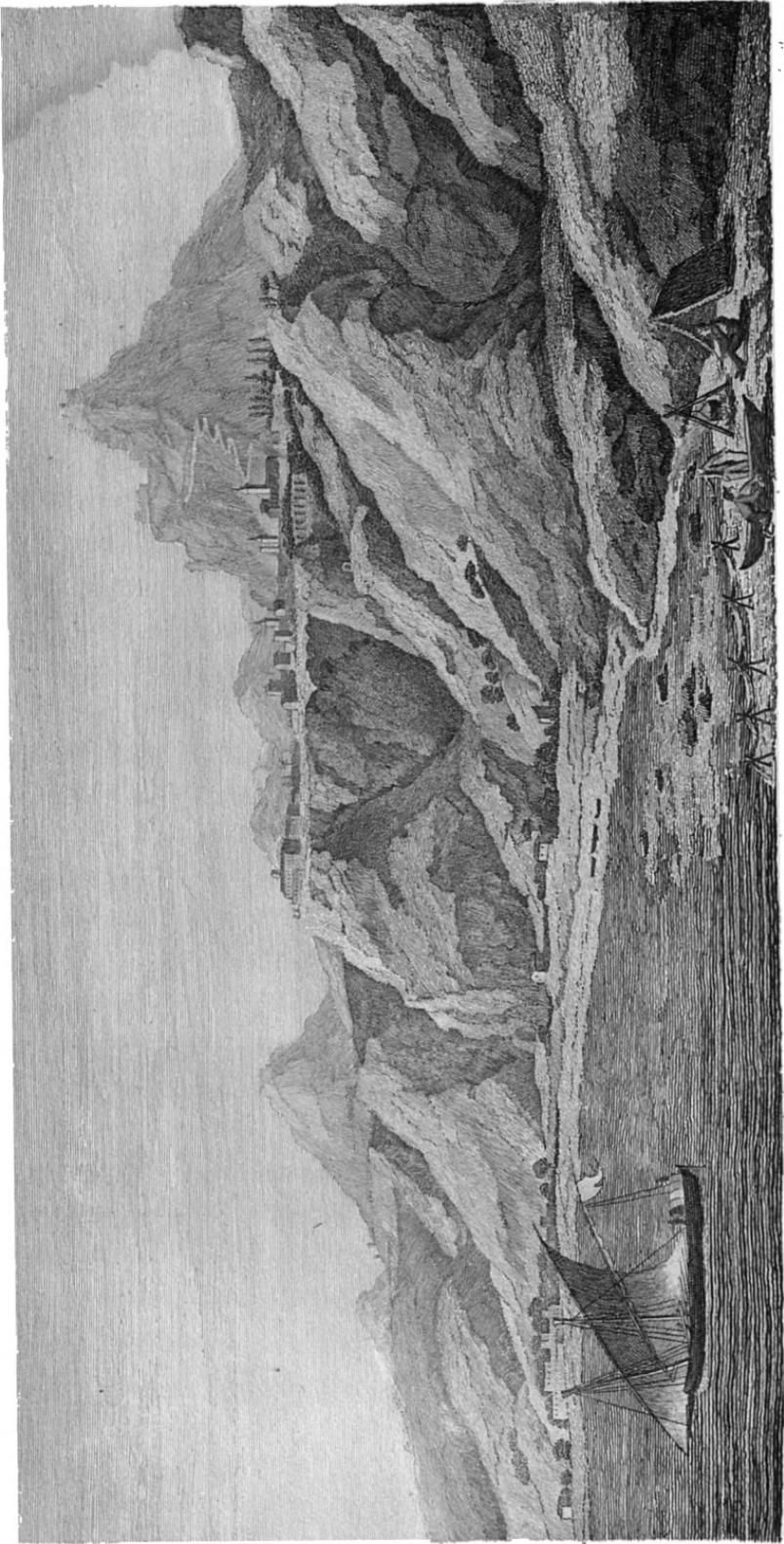
Таормина. — Береговой путь до Мессины.

Rochers majestueux perdus dans les nuages,
Je m'eleve avec vous par-delà les orages;
Daignez me recevoir sommets religieux,
Où l'esprit des mortels commerce avec les Dieux!

(*Ducis.*)

На зарѣ, взбирались мы уже по одной изъ крупѣйшихъ скалъ, къ спѣнамъ Таормины. По трудномъ пупи, вѣхали мы въ городъ. Желая, до начатія жара, осмопрѣшь знаменитый театръ, мы подъѣхали къ скромному домику здѣшняго *Читерони*, — вызвали и взяли его съ собою. Проѣдомъ чрезъ крупыя и узкія улицы, я замѣнилъ, что опрятность не есть достоинство сего города, межъ тѣмъ какъ онъ принадлежитъ къ малому числу замѣчательнѣйшихъ городовъ въ мірѣ, по чрезвычайной красотѣ своего мѣстоположенія. Спѣшу перенести вниманіе читателей къ той цѣли, которой мы достигли.

Неприспущная скала, вдающаяся въ море и безпрестанно осаждаемая свирѣпыми волнами, образуетъ мысль, именуемый въ древности: гора *Тавръ* (*Taurus*), а нынѣ: *Св. Андрея*. Сія-то скала, далеко превышающая многія другія, увѣнчана великолѣпнымъ зданіемъ Греческаго театра. *Проспѣ-*

1845

Маопуна.

уль (1) и *фасадъ*, хорошо сохранившіеся, — обращены къ югу. За обширнымъ полукругомъ, составляющимъ *поприще*, восходятъ амфитеатромъ ряды ступеней, высѣченные въ самой скалѣ; на нихъ помѣщалось до 30,000 зрителей. Все зданіе обнесено круглою стѣною, заключавшею въ себѣ двойныя галереи, коихъ аркады, часто пересѣкаемыя развалинами и оглашаемыя завывающимъ вѣтромъ, тянулись еще кругомъ . . . Ни одно слово, произнесенное на сценѣ, не терялось для уха: сіе акустическое достоинство театра сохранилось до сей поры. Мѣсто гдѣ былъ оркестръ, съ оспашками пьедесталей для спатуи, — существуетъ. Въ стѣнѣ Просениума видны двѣ боковыя двери и главная, средняя, коей сводъ обрушился. Нѣсколько нишъ, разныхъ пропорцій, являютъ опустѣлыя жилища боговъ. Обломки гранитныхъ и мраморныхъ колоннъ, капителей и карнизовъ устилаютъ поприще; межъ ними поросли бирюзовыя алоэ, грубыя терніи, сочныя листья кактуса и плоть. Познакомивъ читателя со внутреннею стѣною зданія, приглашаю его теперь перенестись со мною мыслію на верхнюю ступень сего амфитеатра.

Кто не ощутилъ здѣсь того восторга, который оживлялъ мое сердце, когда я окинулъ изумленнымъ взоромъ развернувшуюся подо мною, панораму природы? Солнце едва еще только всплывало изъ моря и заложило громады горъ, изъ коихъ скала *Венеры* и шпіць *Монте-Мола*, бросали

---

(1) Стѣна, находившаяся передъ сценою.

обширную пѣнь и казалось, висѣли надъ моею головою. — Но впереди меня, сквозь обрушенный главный входъ театра, я видѣлъ, въ ужасной глубинѣ, почти весь западный берегъ Сициліи, кончаемый цѣпью Гиблейскихъ горъ и холмами Сиракузъ . . . Искривленные берега, съ своими городами и селеніями, вились по лазуревому полю моря, — а надъ всею спраною разспилалась огромнымъ шапромъ, Этна; она упиралась въ облака двурогимъ челомъ своимъ, изъ коего черный столбъ дыма возносился перпендикулярно. Западная спора моря разгоралась мало по-малу румянымъ свѣтомъ зари, — ослѣпительныя искры, предвѣстники появленія солнца, вылѣпали изъ безднъ его; — а луна, коей блѣдное полушаріе еще не совсемъ изгладилось, утонула въ пурпуровомъ свѣтѣ . . . Здѣсь-то представлялись сцены Эврипида и Эсхила! — Какъ живо ощущаема была высокая поэзія сихъ мудрецовъ Театра, при несравненномъ великолѣпіи природы, коей чудеснѣйшій феноменъ, — вѣчно горящій ея фаросъ, — освѣщаль изрѣдка грознымъ свѣтомъ своимъ пораженныхъ зрителей, — и можетъ быть, въ самое то время, когда раздавались сіи пророческіе списки Эсхила:

. . . . .
Тифонъ, изъ чьихъ устепъ сама дышала смерть,
Гигантъ стоголавый сей, ругавшійся богами, —
Дерзнулъ, бросая огнь изъ пламенныхъ очей,
Возстать пропивъ судьбъ всеильнаго Зевеса; —
Но громъ, недремлющій ни днемъ, ни средь почей,
Низринулъ буйнаго во пропасти Айдеса!

Прозенный, попалеть губительнымъ огнемъ ,
Безильный пруть его простереть подь брегемъ моря,
Гдѣ Этна возлжеть всей шжестью на немъ.
На высотѣ ея, Вулканъ, съ выпраи спора ,
Сдипеть — и самъ куепть разженный имъ булань.
Опшуда, пѣкогда въ свирѣпости ужасной,
Потоки пламенны, пролившись, истреблять
Долины злчшыя Сициліи прекрасной... (1)

Таже природа, което плѣнялись Греки, плѣняла и меня; но зданіе челоѣковъ, не смопря на великолѣпіе онаго, разрушено и ежедневно исчезаетъ. Какъ не обратишь вниманіе на спремленіе Древнихъ изучивать природу? Глубоко проникнушые ея красотами, они находили въ ней идеаль прекраснаго, дышащій въ ихъ произведеніяхъ; они всячески спарались сблизить себя съ *высокимъ* въ природѣ; въ ней они находили источники великихъ дѣлъ. Всѣ ихъ храмы, всѣ ихъ общеспвенныя зданія воздвигнуты или на живописныхъ скалахъ, или на берегу необозримаго моря, или близъ шумящихъ водопадовъ, или въ таинспвенномъ мракѣ лѣсовъ. Одна Сицилія являетъ помупримѣры, храмами Агригентпа, амѣиштеапирами Сиракузъ и Сегеспта, храмами на горахъ Эриксѣ, Эркѣ, Капальфано, Чефалу, Пелорѣ — и наконецъ, шеапромъ на превосходныхъ скалахъ Таормины.

Насладясь великимъ зрѣлищемъ изъ внутренности шеапра, я вышелъ наружу, и обойдя обруж-

---

(1) Esch. Prometh. v. 551 — 572. (Переведсно съ Латинц. перелож.)

ныя галлерей, (1) сѣлъ на граничной громадѣ, склоненной надъ бездною моря; она составляетъ самый конечный пунктъ горы *Тавра*; — и тогда мнѣ представился вдвое обширѣйшій видъ. Кромѣ несравненнаго вида Эпны и почти всего восточнаго берега Сициліи, мнѣ открывался вѣчно-бушующій проливъ Фаросскій, и черныя скалы мыса *Алессо*. Сей послѣдній и проотивулежащій на берегахъ Калабрии *Капо дель - Арми* (*Capo dell'Armi*), примѣпно суживали море. Подомною, въ странной глубинѣ, волны разбивались объ груды обломившихся скалъ. Чрезвычайная глубь моря въ семь мѣстѣ обозначалась черно-пюю волнѣ. Обращя взоры нѣсколько правѣе, я видѣлъ всю Таормину, сѣдующую на уступахъ скалъ, посреди садовъ. Ряды аркадъ Греческой Гимназіи, четвероспороннія башни, восходящія и понижающіеся одинъ за другимъ дома, пальмы, кипарисы и платаны даютъ Таорминѣ совершенную оплѣнку городовъ древности. Надъ нею высоко восходятъ по лазури неба три скалы, превышающія одна другую и созданныя для кисти живописца. Всѣ сіи три скалы, исключая той часпи оныхъ, на которой основанъ театръ, увѣнчаны замками Сарациновъ и къ нимъ проложены изкривленныя спези. Ошъ самой подошвы города, скалы спускаются крупно къ низменнымъ садамъ

---

(1) Я замѣтилъ тамъ нѣсколько крепостныхъ зубцовъ и амбразуръ, кои доказываютъ, что сей театръ въ средніе вѣка былъ укрѣпленъ.

Джардини, коихъ свѣжая зелень одѣваетъ преле-спною опушкою весь мысъ древняго Наксоса и всѣ заливы до Ачи-Реала, чьи башни хорошо видны; далѣе, различается даже Капанія. Отсюда можно замѣнить при пояса Эпны, кои прие-млютъ разныя опшѣнки по печенію времени дня. Къ югу, Эгейское море сливается съ горизон-томъ.

Сидя на сей конечности Таорминскихъ скалъ, я невольно воображалъ Платона, на высотѣ мыса Суніума, когда окруженный своими учениками, онъ объяснялъ имъ вѣчный законъ Природы, при шумѣ бушующаго моря и при блескѣ молній. — Платонъ посѣщалъ два раза сей островъ, и вѣро-ятно, во время долгаго пребыванія на ономъ, ска-лы Тавра не ускользнули отъ вниманія сего пла-меннаго обожателя природы. Безъ сомнѣнія онъ долженъ былъ опдать имъ преимущество предъ знаменитымъ мысомъ своего опечеслва. О! какъ желалъ бы я видѣть на семъ мѣстѣ, сего велика-го Философа, а болѣе еще — чипать въ душѣ его, въ тѣ поржественные часы, когда спѣснен-ное между Италіею и Сициліею море, начинаеть вздымать ярспныя свои волны отъ налешѣв-шихъ на нихъ со всѣхъ сторонъ вѣтровъ; когда берегъ дрожитъ отъ ихъ ударовъ, когда мракъ ночи зашмѣваетъ, среди свѣтлаго дня, горизонтъ неба, и когда наконецъ громаы и огни небесные, согласясь съ громами и молніями ревущей Эпны, озаряютъ двоякимъ пламенемъ своимъ падающихъ

ницъ смертныхъ!... Чпо чувствовала тогда небесная душа его?...

Я провелъ почти половину дня на семь мѣстѣ и привѣтствовалъ описюда прощальнымъ взоромъ волшебный берегъ Сициліи, который я оспавлялъ, можешь бышь, на всегда; но я упѣшалъ себя внушренимъ обѣщаніемъ вновь посѣпшишь оный при первомъ удобномъ случаѣ.

Illic vivere vellem

Oblitus . . .

Neptunum procul é terra spectare furentem.

(Horat. Epist. XI, L. I.)

Послѣ сего, я уже довольно равнодушно осмапривалъ, по приглашенію Чичерони, оспальныя древности Таормины. Необыкновенныя красоты природы, коими я наслаждался поушру, были все еще въ глазахъ моихъ... Я посѣпшилъ древнюю Гимназію, водохранилище и оспатки одного храма, служащіе основаніемъ церквѣ Св. Панкрапія.

Гимназія обращаетъ на себя вниманіе прекраснымъ рядомъ высокихъ аркадъ, промежду коихъ сдѣланы ниши, заключающія вѣрояпно сшапшун. Зданіе сіе имѣетъ бо поаз. въ длину и 24 въ ширину; часпшь древней спѣпны соединена съ новыми зданіями, шакъ, чпо трудно разобрать цѣлоспшь построенія. Апельсинныя деревья окружаюпшь сію Гимназію и даже распушь на длинной террасѣ ея, обнесенной перилами: — все это, взяное вмѣсппшь, образуешъ прекрасный садъ. Здѣсь юношескишо *Тавролепнуша* упражнялось въ играхъ, для разверпшыванія шѣлесныхъ способностей.

Водохранилище, также осѣненное апельсиновыми и лимонными деревьями, изсѣчено при подошвѣ скалъ. Оно образуетъ большое четвероспороннее зданіе во 120 фуз. съ небольшимъ, длиною и въ 50 ф. шириною, и заключаешъ въ себѣ также нѣсколько аркадъ; шуда сходятъ по лѣстницѣ, и тамъ видны еще слѣды водопроводовъ. Все это выстроено изъ кирпичей, коихъ извѣстъ замѣчательна по своей необычайной крѣпости: она пверже нашихъ кирпичей. Водохранилище сіе приносило большую пользу городу, избавляя жителей отъ шуда достававъ воду съ изменнаго берега, — и служилъ доказательствомъ роскоши Тавроменичанъ. Мраморъ, извлекаемый изъ здѣшнихъ скалъ, славился въ древности. Можно приписать ломкѣ онаго, шѣ пещеры, которыя видны въ скалахъ сего берега до мыса Алессо.

Даже гробницы Древнихъ носятъ на себѣ слѣды великолѣпія; развалины оныхъ видны неподалеку отъ псапра, спустясь къ восточной сторонѣ; одну изъ сихъ гробницъ, весьма обширную, показываютъ близъ мрачнаго гроба Св. Леонарда. Сей Свяшій былъ изъ первыхъ проповѣдниковъ Христіанства и какъ говорятъ, обиталъ въ этой пещерѣ; но подалѣе къ сѣверу, на широкой платформѣ видно большее число подобныхъ памятниковъ, копорыя почти всѣ чепыресторонніе; это было поле мертвыхъ (*песторolis*); въ иныхъ замѣшны пиласпры и слѣды барельефовъ; въ другихъ видны ниши для пепельныхъ урнъ; каждый изъ нихъ заключалъ въ себѣ прахъ цѣлаго

семеисва; нѣсколько кипарисовъ, какъ бы нарочно, распушѣ здѣсь. Моженъ бытъ, сіе мѣсто служило Тавроменіяннамъ вечернею прогулкою;—моженъ бытъ, опсюда они любили глядѣть на заходящее солнце, размышляя о жизни и смерти. Мы видимъ въ Помпеѣ, при входѣ въ городъ, ряды гробницъ, межъ коихъ находятся круглыя скамы для отдохновенія прогуливающихся. Я помню на одной изъ нихъ надпись, въ которой названъ Консуль, соорудившій скамью сію для *удовольствія гражданъ* — и гдѣ же? на кладбищѣ. Теперь подъ сводами нѣбопорыхъ гробницъ Таормины обитаютъ пастухи, и часпо укрываютъ въ нихъ опѣзоя, спада свои.

Близъ сего мѣста находится много вулканическаго песку (*puzzolana*); безъ сомнѣнія, это слѣды одного изъ спрашивѣйшихъ изверженій Эпны, коей пепель осыпалъ Таормину. Это не удивительно, когда мы вспомнимъ свидѣтельство нѣбопорыхъ писателей, утверждающихъ, что вѣтеръ разносилъ пепель Эпны не только въ Мальту, но даже и на берегъ Африки! Вѣроятно, что сей вулканическій песокъ покрылъ скалы Таормины во время того ужаснаго изверженія, о коемъ говоритъ Плиніи сими словами: *Favilla, Tauromenium et Catanam usque pervenit fervens*, т. е. горящія искры Эпны достигали Тавроменіума и Катаны. (1)

Тавроменіумъ основанъ Греческимъ вождемъ Андромахомъ и населенъ жителями Наксоса, по

---

(1) Lib. III. Cap. 8.

истребленіи сего послѣдняго Діонисіемъ Тираномъ; онъ славенъ въ Исторіи Сициліи болѣе всего тѣмъ, что первый водрузилъ знамя свободы, принявъ въ спѣхъ свои Тимолеона, когда сей герой приплылъ съ самымъ малымъ числомъ храбрыхъ согражданъ (1) по зову Сиракузянъ, для избавленія ихъ отъ ига тирановъ и Каррагенцевъ. Окружные города долго не рѣшались взять сторону Тимолеона; но добродушный Андромахъ, владѣвшій тогда Тавроменипцями, успѣлъ преклонить на сей подвигъ сосѣдей. Исторія повѣствуетъ, что Каррагенскіе послы пришли съ угрозами къ Андромаху, и что главный изъ нихъ, опхотя отъ него безъ успѣха, показалъ ему горсть своей руки и попомъ перевернулъ оную, выражая тѣмъ, что городъ будетъ низпровергнутъ. Вождь Тавроменипцянъ улыбнулся, и показавъ посламъ, ихъ галеру, сдѣлалъ рукою топъ же знакъ, какъ и они. Тавромениумъ, по словамъ Діодора, заселился во время нашествія Имилькона, — первобытными Сикканами. Въ послѣдствіи, Императоръ Августъ поселилъ въ немъ Римскую колонію. Въ 895 году онъ былъ сожженъ Сарацинами, а въ 968 году Калифъ Ал-Муецъ, послѣ 7 съ половиною мѣсяцевъ осады, разрушилъ пещи до основанія сей городъ, который изъ всѣхъ городовъ Сициліи, послѣдній сдался Сарацинамъ. Сіе мѣсто всегда было важнѣйшимъ военнымъ пунктомъ въ древнія и новыя войны, по причинѣ неприступныхъ скалъ, коими сама природа оградила здѣсь пупки.

---

(1) Тимолсонъ приплылъ съ тысячею воиновъ.

Спускаясь съ проливной стороны Таорминскихъ скалъ, Эгна переспааетъ уже бытъ главною цѣлю карлицъ Природы — и другіе виды ожидаютъ пупешественника. Спускъ съ сихъ крупныхъ скалъ весьма пруденъ и живописенъ; нависшіе кусты розмариновъ, агнусъ - каспусовъ и разныя деревья, защищаютъ пупника опъ солнца. На низменномъ берегу ожидаютъ его мирныя уединенія, свѣжая пѣнь и виноградники. Впереди возвышаются грозныя скалы мыса Алессо; шумящее море спелется по берегу, вдоль коего идетъ путь, начинающій спановишься песчанымъ; на воспокѣ вспають изъ волнъ, болѣе и болѣе, берега Калабрии.

Уже вечерѣль день, когда мы начали подыматься на скалы Алессо, древній *Аргинуиѡ*. — Я описалъ въ первой часпи сего Пупешествія мрачный видъ ихъ съ моря. Уптверждаютъ, что къ сему ужасному мысу, попокъ моря прибываетъ обломки пѣхъ судовъ кои поглощаются Харибдою или разбиваются объ скалы Сциллы. По сей причинѣ, Греки называли сіе мѣсто *Κολοία*, т. е. навозная куча. (1) — Чѣмъ болѣе мы подымались, тѣмъ спрашиѣ спановилса видъ на бездны моря и порывистѣе крупизна скалъ; — изъ прещинъ ихъ вырастають Индѣйскія фиги и алоэ. Доспигши въ успалосни вершины, мы спѣшились, чпобъ опдохнуть подъ спѣнами Сарацинскаго замка, нависшаго вмѣстѣ со скалою надъ моремъ; — послѣд-

---

(1) Cluv. pag. 67. — Seneca. Cons. ad Marc.

ніе лучи солнца догорали на зубцахъ его, и мы глядѣли на зарю гаснущую за цѣпью Пелорскихъ горъ. Къ югу шпиды Таорминскихъ скалъ съ своими замками и шеапромя оплнчались живописными линиями; а за ними Элпа высилась необъяпною пирамидою синяго цвѣпа; клубы ея дыма принимали розовой цвѣпъ зарп. Вся окреспность уже одѣпа была вечерними тѣнями, но день царспвоваль еще на вершинѣ волкана.

Мысь Алессо, послѣ Таорминскаго, еспь впо-рый неприспупный, образованный природою, де-филей, на воспочномя берегу Сициліи; здѣсь горспь храбрыхъ оспановнпшь армію. Сей оспровъ вообще предспавляешъ всѣ способы для оборонптельной войны, къ чему пакже весьма способспвуешъ не-сущеспвованіе дорогъ. Въ глубокіе сумерки, не безъ опасности, спуспились мы съ крупннзнь мы-са Алессо, и ночевали въ деревнѣ Св. Пепра.

На разспвѣшъ продолжали мы пушь. Вскорѣ обранпшь наше вниманіе попокъ, называемый: *fiume di Nisi* (*Низи*), эпо *Хризотоасъ* (*Chrysotoas*) Древннхъ, копорый, подобно *Гермусу*, капилъ въ спрунхъ споныхъ золото. Нынѣ руды сего мепалла находящіяся въ окреспностпяхъ, почпн совершенно изспкли. Одынѣ Сицилійскій писапелъ (1) говорпшь, что гранипныя колонны Месспнской соборной церкви были вызолочены, во время Рогера, золо-помъ изъ рѣкн *Низи*, съ намѣреніемъ посвппнпшь первое опкрыпнє въ семъ родѣ, Божеспву; но въ

---

(1) Bonnaii. Stor. Crit. Sicil. pag. 255.

послѣдствіи времени работы были прекращены. Можно назвать рѣку Низи, основою Сицилійскихъ рудниковъ; *Савока*, *Лилина*, *Новара*, *Фондакела*, *Рока-Люмера* суть главные мѣста, гдѣ производится работы. Серебряная руда имѣетъ много отраслей, изъ коихъ обильнѣйшая, носитъ названіе *Св. Карла*. Въ сихъ окрестностяхъ находится также много мѣдныхъ, свинцовыхъ и квасцовыхъ рудъ, исполненныхъ маркасиита, антимоніи, арсеника, сѣры и другихъ подобныхъ полуметалловъ. Тутъ была также нѣкогда золотая руда, которая сохранилась только въ преданіяхъ; болѣе всего привлекаютъ опсюда квасцы.

Мы еще разъ были пріятно затруднены скалами мыса *Скалелты*, также увѣчанными замкомъ; видъ оптуда нѣсколько подобенъ виду съ мыса *Алессо* и также не ускользнетъ опъ живописца. Опсюда путь нашъ шелъ вдоль холмовъ, принадлежащихъ цѣни *Пелорскихъ* горъ; они возвышались одинъ изъ - за - другаго, покрытые по большой части оливковыми рощами и оживленные селеніями. Увидя на песчаномъ берегу моря нѣсколько шалашей, мы приняли ихъ за жилища рыбаковъ, но по были недавно открытыя минеральныя воды. Нѣсколько глубокихъ ямъ, вырытыхъ на самомъ краю берега, наполнены цѣлебною водою; ямы обиты досками и прикрыты навѣсомъ. Мы опвѣдывали опъ сихъ источниковъ: они имѣютъ сѣрный вкусъ и довольно горячи, межъ тѣмъ, какъ волны моря едва не заливаютъ ихъ. Весь сей берегъ основанъ на подземныхъ горнилахъ.

Песчаный береговой путь, на коемъ солнце дѣйствовало еще сильнѣе, начиналъ уже насъ упомлять; но вскорѣ, прилежація къ Мессинѣ веселыя селенія, спали оживошворятъ насъ пѣнью своихъ апельсиновыхъ садовъ; запахъ опъ сихъ прекрасныхъ деревъ возвѣщаетъ ихъ издалека; я любовался по сими роскошными садами, по прудами жипелей, занятыхъ сборомъ шелковичныхъ червей; по переносилъ взоры чрезъ сверкающій проливъ на цвѣтуціе берега Калабріи, гдѣ виднѣлся городъ Реджіо, — и такимъ образомъ нечувствительнѣе въѣхали мы въ веселое предмѣстіе Мессины, которая вновь приняла насъ въ свои спѣны, и опкуда должны мы были опплыть изъ Сициліи.

Г Л А В А XXXV.

М Е С С И Н А.

Dextrum Scylla latus, laevum implacata Charybdis
Obsidet . . .

(*Virg. Aen.* III.)

Основателями Мессины были первобытные жители Сициліи, — Сиккулы; опъ нихъ городъ сей получилъ названіе *Занклѣ*, происходящее опъ слова: *Загелонѣ*, что значило на ихъ языкѣ *крякѣ*, попому, что песчаный мысъ, образующій здѣшнюю гавань, походитъ на косу. (1) *Загелонѣ* (*Ζάγελον*) значилъ по-Гречески: *коса*, и Мифологи думали, что коса Сатурнова найдена была въ Мессинѣ. Подобно Риму, *Занклѣ* сооруженъ полпою разбойниковъ; они дѣлали частыя нападенія на пропивулежащіе берега Италіи, равно какъ и на колоніи Сицилійскія. Безопасная гавань, чудесно образованная самою природою, была ихъ убѣжищемъ, которое они оградили грубо-сооруженными стѣнами. Въ послѣдствіи, городъ населенъ Колхидійцами и Эвбейцами; за ними послѣдовали Іонійцы, изгнавшіе своихъ предшественниковъ. Наконецъ, Мессинезецъ Анаксиласъ, сдѣлавшись *тираномѣ* пропивулежащаго города Регіума, завладѣлъ и *Занкломѣ*, переимено-

---

(1) Thucyd. и Strab. Lib. 6.

вавъ оный: *Мессаной*, въ память своего опечества; но въ 524 году, вышедшіе изъ Кампаніи Мамерптяне, по зову пирана Агафоклеса, — завладѣвъ Мессаной, назвали оную *Мамертинною*; а напоследокъ, Римляне возврапили городу названіе *Мессаны*, которое сохранилось и досель.

Я долженъ теперь кончить начатое мною описаніе Мессины. Слава сего города заспаляла меня думать, что я найду въ немъ много достопамятностей; но ужасныя землетрясенія, болѣе чѣмъ оружіе Картагенцевъ и Римлянъ или пожары варваровъ среднихъ вѣковъ, изгладили всѣ слѣды его древности. Не меньшее злополучіе, чума 1575 г. похищила 65,000 человекъ жителей, такъ, что нынѣ считаютъ оныхъ не болѣе 40,000, межъ тѣмъ, какъ до ужасной эпохи 1575 г. было ихъ болѣе 100,000.

Одни токмо имена храмовъ: *Геркулеса - Мантиклуса*, (1) *Нептуна*, *Юпитера Мамертинскаго* и *Поллукса*, дошли до насъ; но слѣды ихъ совершенно изгладились. Иные полагаютъ, что храмъ Геркулесовъ находился тамъ, гдѣ нынѣ церковь *Флорентинцевъ*; храмъ Нептуновъ замѣненъ церковью *Анунціады*, Юпитеровъ Бенедикпанскою церковью *Св. Григорія*, а Поллуксовъ церковію *Св. Филиппа Аргирскаго*. (2)

Свирѣпый Гимильконъ, Картагенскій полководецъ, ожесточенный долгою осадой сего города

---

(1) Прозваніе Мантиклуса происходитъ отъ имени вождя коловн Мессенесцовъ, пришедшей 664 года до Р. Х.

(2) Bonfiglio (G. C.) Stor. Sicil. Mess. 1738.

и неудачею войны, излил на него все свое мщенье (399 л. до Р. Х.): онъ не только сжегъ все то, что могло быть сожжено, но велѣлъ размешать камни многихъ зданій и умертвить всѣхъ жителей, такъ, что если вѣрнѣе Плушарху, одинъ только гражданинъ спасся, мужественно переплывъ бурный проливъ Фаросскій. И такъ, неудивительно, что памятники древности Мессаны не дошли до насъ. Послѣ сего разрушенія, городъ возставалъ весьма медленно; однако при Римлянахъ, Мессина составляла уже большой портовой и укрепленный городъ, важный по своему природному мѣстоположенію; но въ немъ не видно было уже роскоши Сиракузъ, Агригентъ, Катаны и другихъ знаменитыхъ городовъ Сициліи. Слова Цицерона о Мессинѣ могутъ быть приравнены къ перешедшему ея положенію: „Мессина, говоритъ онъ, знаменитая своимъ мѣстоположеніемъ, укреплениями и гаванью, совершенно лишена произведеній роскоши, кои могли бы прельстить жадные взоры Верреса (1).“ Но въ его время, домъ одного первѣйшаго гражданина Мессины, Каія Геія (С. Нейс) считался на ряду съ Царскими чертогами и его богатства были заграблены гнуснымъ Верресомъ во время его преторства въ Сициліи. К. Геій имѣлъ, между прочимъ, во внутреннихъ своихъ комнатахъ алтарь, гдѣ по обыкновенію Древнихъ, хранились боги Пенаты, переходившіе изъ рода въ родъ. Тамъ показывали чужеземцамъ за диво, чепы-

---

(1) Cic. Verr. act. II, Lib. IV, Cap. II.

ре изящнѣйшія статуи, равно плѣнявшія незнающаго, какъ и знапока. (1) Первою изъ нихъ былъ мраморный купидонъ, работы Праксителя; пропивъ него споялъ бронзовый Геркулесъ, Мирона; жертвенники, курившіеся передъ каждымъ изваяніемъ, показывали святость сего мѣста. Другія двѣ статуи, не очень большія, но превосходной красоты, также бронзовыя, были работы Поликлета; ихъ черты лица и одежда, являли юныхъ Аѳинскихъ дѣвъ, поддерживающихъ споящія на ихъ главахъ священныя корзины, называемыя *канефорали*.

К. Клавдій, празднуя въ Мессинѣ съ большимъ великолѣпіемъ свое эдилство, занималъ сего купидона на все время торжества, для украшенія форума, въ честь боговъ и Римскаго народа.

Единственный остатокъ древности въ Мессинѣ есть небольшой сводъ въ видѣ воротъ, сложенныхъ изъ большихъ камней; — онъ называется понынѣ: *porta Romana* (Римскія ворота.) Сии ворота находятся близъ набережной, въ предмѣстіи, называемомъ: *pescaria*; они ускользнули отъ вниманія всѣхъ путешественниковъ.

Не смотря на несмѣлныя потери Мессины, во время частыхъ и ужасныхъ землетрясеній, она представляетъ прекрасный городъ. Улицы ея: *strada d'Austria*, *strada Ferdinanda*, *strada Maestra*, всѣ вымощенныя широкими плитами, — и пять или шесть богатыхъ площадей, ставятъ ее на

---

(1) Слова Цицерона. (*Ubi supra*.)

ряду съ лучшими городами Европы; въ особенностн удивляютъ взоръ оспапки великолѣпнаго зданія, называемаго: Палацата (*Palazzata*), которое, въ видѣ одного цѣльнаго зданія, простиралось болѣе нежели на верспу, (1700 шаговъ) занимая весь фасъ прелестной набережной, отъ арсенала до *bassa porta Imperiale*. Зданіе сіе, воздвигнутое Вице-Королемъ Сицилійскимъ, Принцемъ Эммануиломъ Филибертомъ Савойскимъ, въ 1662 г. превосходило величиною всѣ построения новѣйшей архитектуры. Нѣсколько аркадъ, въ корпусѣ онаго, ведутъ въ улицы Мессинскія; хопя оно возобновляется уже нѣсколько лѣтъ, на развалинахъ стараго зданія, разрушеннаго землетрясеніемъ 1783 года; но предспавляетъ шокмо, какъ бы шѣнь, перваго; не менѣе того, оно прекрасно. Первое, возвышалось въ 5 этажей самой роскошной архитектуры; а новое, имѣетъ только два, въ предосторожность отъ землетрясеній. Въ новыхъ строеніяхъ, связи брусьевъ, дѣлаются теперь иначе, какъ прежде; они должны препятствовать балкамъ выходить изъ мѣстъ своихъ во время потрясенія, отъ чего ускорилося паденіе стѣнь.

Арсеналь хопя также полу-возобновленный, заслуживаетъ вниманіе своимъ устройствомъ; но онъ не вооружаетъ уже громоносящихъ кораблей; хопя еще видѣнь здѣсь доселѣ, на нѣкоторыхъ древнихъ пушкахъ, грозный девизъ: *Habet sua fulmina Zancle!* (т. е. Занклъ имѣетъ свои перуны). Къ арсеналу прилежитъ прекрасная прогулка вдоль набережной, въ шѣни апельсиновыхъ деревъ, —

называемая: *terra nova* (новая земля). Крепость С. Салвадора выстроена Испанцами послѣ бунта Мессинезцевъ и построена болѣе для того, чтобъ властвовать надъ городомъ, чѣмъ защищать оный. Впрочемъ Мессина не должна опасаться осады съ моря. Никакой флотъ не можетъ успоить въ проливѣ опъ силы печенія. — Соборъ также потерпѣлъ опъ землетрясенія; колокольня его обрушилась, но главное зданіе сохранилось. Вкусъ средняго вѣка знаменуетъ его готическую архитектуру, которая имѣетъ нѣкоторое величіе. Онъ построенъ, слѣдующимъ преданіямъ, Велизаріемъ; а по другимъ — Рогеромъ. Входя во внутренность, ряды граничныхъ колоннъ, поддерживающихъ аркады, обращаютъ на себя взоръ; они-то суть единственный остатокъ древняго *Занкла*, и принадлежатъ одному изъ его бывшихъ храмовъ. Сводъ надъ алтаремъ составленъ изъ мозаиковъ, изображающихъ, среди богатой позолоты, въ колоссальномъ видѣ, Бога-Отца, окруженнаго Ангелами. Сія работа есть произведеніе временъ *Западной Имперіи*, и походитъ на ту, которая украшаетъ фронтонъ церкви Св. Павла въ Римѣ. (1) Въ Мессинскомъ соборѣ алтарь замѣчателенъ по своему богатству; агашы, лаписъ-лазури, яшмы и самыя рѣдкіе мраморы изпецряютъ его.

Совѣшую не забыть осмотрѣть находящуюся подъ сводами собора древнюю часовню. Это одинъ изъ прелестнѣйшихъ остатковъ готиче-

---

(1) Сія великолѣпная церковь истреблена недавно пожаромъ.

скаго вкуса; ряды короткихъ колоннъ поддерживаютъ нависшія на нихъ съ обѣихъ сторонъ арки. Сія арка изпещрена узорчатыми барельежами, въ конхъ заключаются изображенія Ангеловъ и Святыхъ. Во всѣхъ сихъ украшеніяхъ столько гармоніи, столько величія и даже столько вкуса, что картина сія останеся въ воображеніи вашемъ; она пробуждаетъ романтическія воспоминанія. Одна только лампада, пеплющаяся передъ древней иконой Мадоны, озаряетъ это святилище. Здѣсь, уклонясь отъ взоровъ, храбрые сыновья Танкредовы приносили свои обѣты и возсылали мольбы за поражение Сарациновъ; но болѣе пяти столѣтій протекло съ той поры, какъ они уже не приходятъ сюда.... Свѣжіе вѣнки розъ, украшающіе алтарь, — обѣтъ какой нибудь спраспной чепы, — замѣняютъ пеперь мечи и знамена пораженныхъ Сарациновъ. — Соборъ сей посвященъ: *Мадоннѣ съ письмомъ* (*Madonna della lettera*), по слѣдующей причинѣ, показывающей духъ вѣры и суевѣрія народа. Древнія хроники Мессины свидѣльствуютъ, что Св. Павелъ былъ въ семь городѣ; (хотя въ дѣяніяхъ Апостоловъ сказано, что Св. Павелъ прибывъ изъ Мальпы въ Сиракузы, оплылъ оплуда въ Регіумѣ); но — по близости мѣсна, могло случиться, что онъ посѣпилъ Мессину; — и пакъ, повѣспвуютъ, что Св. Павелъ произнесъ здѣсь двѣ рѣчи во славу Иисуса и Матери Его; пронутые Мессинезцы опсправили посла въ Іерусалимъ къ Пресвятой Богородицѣ, съ просьбою принявъ ихъ подъ Свой покровъ. Сіе повѣспвованіе, хотя

и вымышленное, прогаесть сердце протпосердечною вѣрою народа, коему внушили сіе до такой степени, что онѣй по сіе время не сомнѣвается въ истинѣ событія; но это еще не все: утверждаюпъ, что въ алпарѣ собора хранится своеручный ошвѣсть Пресвятой Дѣвы, Мессннезцамъ (на Еврейскомъ языкѣ), при комъ Она посылаелъ имъ локонъ своихъ волосъ. — Я увѣренъ, что чипятели оспанупся довольными прилагаемою здѣсь выпискою сего письма, съ коего переводъ на Латинскомъ языкѣ, вырѣзанъ на доскѣ, позади престола.

Epistola, juxta antiquam et priam traditionem, Virginis Mariae ad Messanenses.

Maria Virgo, Joachim filia, humilis ancilla Dei, Christi Iesu crucifixi Mater, ex tribu Iuda, stirpe David, Messanensibus omnibus salutem et Dei Patris Omnipotentis benedictionem.

Vos omnes fide magnâ legatos ac nuncios per publicum documentum ad nos misisse constat: filium nostrum Dei Genitum Deum et hominem esse fatemini, et in coelum post suam resurrectionem ascendisse, Pauli Apostoli electi praedicatione mediante viam veritatis agnoscentes, ob quod vos et ipsam civitatem benedicimus, cujus perpetuam protectricem nos esse volumus.

Посланіе Пресвятой Маріи Дѣвы къ Мессннезцамъ, слѣдую древнему и набожному преданію.

Марія Дѣва, дочь Иоакима, смиренная раба Божія, Матерь Иисуса Христа распятаго, отъ колѣна Иудина и сѣмени Давидова: мнрть вамъ, всемъ Мессннезцамъ и благословіе Всемоущаго Бога Отца!

Подвигнутымъ силою вѣры, вамъ, общимъ сословіемъ, приславшимъ ко Мнѣ посла, исповѣдающимъ Моего Сына Господа и Божечеловѣка, восшедшаго на небо по воскресеніи Своемъ; вамъ, познавшимъ пути истинны посредствомъ благовѣствованія избраннаго Св. Апостола Павла, посылаю благословіе, равно какъ и граду вашему, соблаговоля быть навсегда Цокровитсльницею онаго

Ex Hierosolymis, anno Filii nostri XLII, ind. I. nonas Junii, lunâ XXVII feriâ V.

Изъ Иерусалима, въ лѣто Сына
Нашего XLII, I-го инд. Юня 9-го,
въ XXVII лулу, въ V недѣльный
день.

Не смотря на суевѣріе Сицилійцевъ, нельзя не замѣтить, не только въ нихъ, но вообще во всѣхъ жителяхъ Италіи, особеннаго нѣжнаго чувства въ почитаніи Пресвятой Богородицы. Во всѣхъ несчастіяхъ, Святая Дѣва есть первое ихъ прибѣжище; съ утѣшительнымъ именемъ Ея въ устахъ и съ изображеніемъ ея на груди, они подвизаются на всѣ опасности. — Я помню, какъ однажды завлеченный красотою природы, я сбился съ дороги въ Аппенинахъ, — и нашелъ на одной пропикѣ, бѣдную часовню съ образомъ Мадонны: тамъ я прочелъ на стѣнѣ, слѣдующую простую, но прогающую сердце, надпись:

O passegier, chi vâ per questa via,
Non ti scordar di salutar Maria!

ш. е.

„О пушникъ, проходящій сею дорогою, не позабудь привѣтствовать Марию!“

Я имѣлъ уже случай сказать нѣчто о праздникѣ Мессинезцевъ въ день Успенія Богоматери, называемый: *festa della Vara* или *Vara* (1); оный споль же спраненъ, какъ и праздникъ Св. Розалии; но менѣе великолѣпенъ. Кромѣ сего празднества, въ Мессинѣ, совершаются еще многія другія, съ большимъ шумомъ и при безчисленныхъ зал-

---

(1) *Vara*, по Сицилійски: *Vara* — гробница.

пахъ изъ карабиновъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, ежегодно спроили въ бассейнѣ водомета, на площади Св. Іоанна Мальлійскаго, маленькую галеру, богато убранную, въ память слѣдующаго происшествія: — Когда-то, около времени празднества *Вары*, Мессина претерпѣвала голодъ; всѣ церкви были открыты для принесенія мольбы, — и въ слѣдъ за симъ, на разсвѣтъ, прибыло въ Мессинскій портъ нѣсколько судовъ съ хлѣбомъ, копорый поспѣшь былъ споргованъ и взятъ Правительствомъ; но когда дошло дѣло до плажежа, то не нашли ни продавцевъ, ни кораблей.

Здѣсь въ обыкновеніи одинъ весьма непріятный обрядъ для умноженія доходовъ монаховъ, (кои сославляютъ четвертую часнь жишелей города): Поворачивая изъ одного глухаго переулка, вдругъ предсталъ передо мною человекъ, накрытый чернымъ покрываломъ, на копоромъ было два отверстія для глазъ; — онъ держалъ въ одной рукѣ черепъ; а другою подносилъ мнѣ кружку съ надписью: *для душъ страждущихъ въ гистилищѣ*. Я на силу могъ отвязаться отъ сего живаго привидѣнія, давъ ему одинъ карлинъ. Сіе сословіе побирающихъ монаховъ, пугаетъ часто непривыкшихъ къ нимъ, чужеземцевъ.

Мессина имѣетъ много полезныхъ заведеній. Госпиталь, управляемый знатнѣйшими гражданами, содержится въ большомъ порядкѣ. Меня увѣряли, что оный имѣетъ ежедневно 1 рополь золота, доходу (1) (1 ф. $\frac{3}{4}$).

(1) Или 30 зол. дублоновъ.

устройство здѣшняго карантиннаго лазарета. Здѣсь есть три или чепыре Заемныхъ Банковъ: одинъ изъ нихъ довольствуется покмо прями процентами. Въ числѣ учебныхъ заведеній, я назову Королевскій Инспитупъ, (уступающій однако Палермскому и Капанскому Университетамъ; но не менѣ того въ хорошемъ состояніи) и еще шесть или семь частныхъ учреждений для воспитанія.

Нашъ Консулъ г. Юлинецъ, коего привѣрливость и любезность сдѣлали пребываніе наше въ Мессинѣ весьма пріятнымъ, познакомилъ насъ съ достопочтеннымъ Епископомъ города, г-мъ Грани, извѣстнымъ въ Сициліи своею ученостию и любовію къ отечеству, коему онъ былъ полезенъ во многихъ важныхъ случаяхъ. Его совѣты и рекомендабельныя письма много послужили намъ въ путешествіи по восточной Сициліи. Мы нашли у него рѣдкую библіотеку и прекрасное собраніе картинъ многихъ художниковъ Италіи и Сициліи.

Г Л А В А XXXVI.

М Е С С И Н А.

Тамъ воздухъ наноситъ вечерней пенелотой,
Тамъ море движется роскошной пеленой,
Подъ голубыми небсами.

(А. Пушкинъ.)

Большая часть Мессинскихъ гражданъ заняты поргволею, такъ, что здѣсь видно мало праздныхъ. Сии послѣдніе живутъ обыкновенно въ Палермѣ и Капаніи, и потому, въ Мессинѣ путешественникъ не найдетъ тѣхъ пріятныхъ развлеченій, которыя ему представляются въ помннутыхъ двухъ городахъ. Занятые цѣлый день расчешами, Мессинезцы, токмо къ вечеру позволяютъ себѣ бесѣды въ кофейныхъ домахъ за рюмкой мороженаго, — или тихую прогулку вдоль набережной, съ своими женами, дѣтьми и знакомыми. Даже сами женщины, кажется, заимствуютъ важность мужей своихъ: спроже закушаны черными покрывалами; но въ обхожденіи своемъ обнаруживаютъ ту же прелестную живость, свойственную Сициліянкамъ. Набережная Мессины, также какъ и Палермская, бываетъ мѣстомъ свиданія пламенной юности; нѣсколько экипажей, изъ коихъ многіе въ весьма древнемъ вкусѣ, мелькаютъ на ней изрѣдка, прогуливая очень медленно почепныхъ граж-

данъ. Прелестный проливъ, безпрестанно покрытый летающими шуда и сюда сперонарами; лѣсистыя горы Калабріи съ прилежащими къ нимъ городами и селеніями, — представляють живописные предметы для прогуливающихся. Въ тихую погоду ловля коралловъ или рыбы, называемой: *Spada*, весьма занимательна для зрителей. Веселые клики мапрузовъ, коихъ главная промышленность состоить въ сей послѣдней ловлѣ, разносясь далеко по волнамъ и заспаваютъ поспороннихъ участвовавшихъ въ ихъ увеселеніи. Мапрузы, сплотивъ на высотѣ мачты, видятъ сквозь прозрачность воды плывущую рыбу и искусно попадаютъ въ нее дробикомъ, рыба скрывается и опять появляется окровавленная, лишенная силъ, и дѣлается добычею рыбаковъ. (1)

Но какая противоположность между сею веселою карпиною и пѣми спрашными минушами, когда бурные вѣтры налетаютъ съ двухъ споронъ; когда Тирренскія и Эгейскія волны спалкиваются въ грозномъ проливѣ; горе тогда заспуженнымъ кораблямъ и судамъ! При малой неопытности, опъ стремленія волнъ Харибды, они попадаютъ на косу, образующую здѣшнюю гавань, или на скалы Сциллы.

---

(1) Берега Мессинскаго пролива покрываются постепенно приращающимся камешнымъ составомъ; оный образуется тиною, пескомъ и другими веществами, вносимыми теченіемъ воды, и укрѣпляясь опъ времени, служить для постройкы. Сей достопримѣчательный составъ называется здѣсь *пудингомъ*. Ему служатъ основаніемъ раковинные слои, которые утверждены на первобытныхъ гранитныхъ слояхъ.

Чужестранные мореходцы слишком оспорожны, чшобъ входить въ подобное время въ проливъ; но безстрашные Мессинезцы часто предспавляютъ взорамъ ужасныя злоключенія. Нельзя безъ содроганія глядѣть, какъ ихъ легкія сперонары по погружаются въ бездну, по опять выбѣгають изъ оной на пѣнисныя холмы моря. — Вопъ сцены, копорыя происходятъ въ виду прогуливающихся по Мессинской набережной. Сіе мѣсто украшено весьма посредспвенными спашуями Карла III, Короля Испанскаго и нынѣшняго Фединанда IV. Тушь же сооруженъ водометъ, украшенный изваяніемъ Неппуна, оковывающаго цѣпями, двухъ чудовищъ сихъ береговъ, Харибду и Сциллу; обѣ онѣ изображены въ видѣ женщинъ съ когпями и рыбьими хвостами: первая имѣетъ поясъ изъ разверспыхъ паспей, а впорая изъ лающихъ собачьихъ головъ. Фонпанъ сей споль же посредспвенъ, какъ и спашуи; но онъ пробуждаетъ воображеніе, напоминая грозную знаменитоспъ сего берега.

Кромъ сей набережной, прекрасныя улицы *Авспрійская*, *Фердинандова* и *Маестра* (*Maestra*) также наполняются въ сумерки прогуливающимися; позднѣе, спекаются они на Соборную площадь, и непримѣнно разсѣваются либо по домамъ, либо въ дворянской клубъ (*casino*), копорый находится на сей площади. — Муцины ежедневно собираются пуда вечеромъ чшпать газеты, играютъ въ карты или ужинають мороженымъ, — а дамскія общества бывають тамъ токмо по Воскресеньямъ.

Однажды, я и мой поваричъ зашли гуляя съ нашимъ Консуломъ, въ кандиперскую лавку, — опдохнуть и прохладиться мороженымъ; жаръ принудилъ насъ воспользоуаться онымъ болѣе обыкновеннаго. Проведя съ полчаса времени въ сей лавкѣ, гдѣ было довольно многолюдное общество, мы спросили щепъ: но вообразите наше удивленіе, когда намъ сказали, что мы уже заплачены; мы спрашивали кто сей услужливый, заплапавшій за насъ? но слуга отвѣчалъ, что онъ его не знаетъ и что онъ уже ушелъ; — Консулъ улыбнулся, видя наше удивленіе и объяснилъ намъ, что Мессинезцы имѣютъ обыкновеніе дѣлать это съ своими пріятелями. Увидѣвъ въ кандиперской своего друга, прохладающагося съ обществомъ, они не показавшись ему на глаза, плапятъ за него и за все общество его — и молча удаляются. Въ послѣдствіи времени мы сами оплачивали подобнымъ же образомъ добрымъ Мессинезцамъ.

На соборной площади, замѣтны бронзовая конная статуя Карла II Короля Испанскаго и близъ нея большой водометъ, обставленный разными статуями хорошей работы.

Въ Мессинѣ, лѣтній зной менѣ чувствителенъ чѣмъ въ прочихъ городахъ Сициліи, ибо вѣтры нигдѣ пакъ не царствуютъ, какъ въ семь проливѣ, гдѣ два моря порывисто спалкиваются вмѣстѣ. Но жаръ въ мое время, какъ я уже говорилъ, былъ необыкновенный; морскія бани, расположенныя на набережной, доставляютъ тогда большую опраду купающіеся, пускающіе здѣсь иногда далеко въ

море. Мессинезцы обладают искусством плаванія, но они удержаны бывають опасеніемъ рыбъ, называемыхъ: *pesce-cani* (*), которыя поглощаютъ людей. Не такъ давно сынъ одного Консула, юноша въ цвѣтѣ лѣтъ, сдѣлался добычею морскаго чудовища не подалеку отъ укрѣпленія С. Салвадора; — но онъ никогда не приближаются къ набережной. Ловля коралловъ образуетъ въ здѣшнихъ рыбакахъ удивительныхъ нырковъ. Здѣсь прославляется еще понынѣ, въ пѣсняхъ, знаменитый *Коласъ*, по прованію: *рыба*, который дерзалъ нѣсколько разъ погружаться въ неизмѣримую бездну Харибды и наконецъ погибъ, доставая во второй разъ золотую чашу, брошенную Фридрихомъ, Королемъ Сицилійскимъ. Кому неизвѣстна превосходная баллада Шиллера: *der Taucher*, основанная на эпозѣ происшествіи? Сей знаменитый нырокъ пробылъ болѣе трехъ часовъ въ водѣ; почему онъ долженъ былъ имѣть особенное образованіе въ легкомъ. По его рассказамъ, онъ видѣлъ на днѣ морскомъ, преисполненный ужаса, прилѣпленныхъ къ подводнымъ скаламъ, огромныхъ полиповъ, коихъ лапы были длиною въ нѣсколько аршинъ и могли весьма легко задушить человѣка; — равно и много другихъ неизвѣстныхъ ему чудовищъ. Коласъ промышлялъ ловлею коралловъ и часто пилался сырою рыбою. Онъ считалъ забавою переплывать Фаросскій проливъ и какъ говорящій, доплывалъ до Липарскихъ острововъ. Это засвидѣтельство

---

(1) Словесно: *рыбы собаки* (Requins).

вано ученымъ Іезуитомъ Аванасіемъ Кирхеромъ, который почерпнулъ сіе въ Сицилійскихъ архивахъ своего времени (1).

Изъ числа монастырей, наполняющихъ Мессину, я замѣчу женскій монастырь Св. Григорія, находящійся на конечности города, на одномъ изъ холмовъ Пелорскихъ горъ. Кромѣ прекраснаго вида, открывающагося отсюда на Мессину, внутренняго украшенія церкви достойны вниманія. Стѣны алтаря одѣшны лазуревымъ камнемъ (*lapis lazuli*), расположеннымъ разными узорами. Сверхъ того, здѣсь хранится богатый покровъ, изображающій Исторію Іосифа, проданнаго брашьями; надъ онымъ прудились 14 лѣтъ двѣ сестры сего монастыря; но его показываютъ только по большимъ праздникамъ, или по особому позволенію настоятельницы. Въ церкви Св. Іоанна Іерусалимскаго есть колодезь, коего вода, имѣя бѣловашный цвѣтъ, походитъ вкусомъ на молоко. Одинъ изъ монаховъ не преминулъ меня увѣрить, что это кровь Св. мучениковъ, убиенныхъ на семь мѣспѣ Маврами.

Не подалеку отъ сей высоты находится другая, господствующая надъ городомъ и гдѣ возвышаются готическія развалины замка *Mata-Grifone* или *Ammata-Grifone*. Народныя преданія повѣствуютъ, что сей замокъ былъ жилищемъ Гиганта Грифона и жены его Аммапы. Сіе послѣднее имя значитъ: *любезная*. Эпоху сію полагаютъ въ тѣ баснословныя времена, когда Сицилія населена бы-

---

(1) Ath. Kirch. Mund. subter. l. II. c. XV.

ла Гиганпами. Говорятъ, что жена Грифона покровительствовала первымъ челоуѣковъ, основавшихъ Мессину; она спасала ихъ отъ звѣрства своего мужа, извѣщая звономъ колокола о приближеніи гиганта. Тутъ же можно видѣть нѣсколько каменныхъ ядеръ, кои, по увѣренію просполудимовъ, служили Грифону для игры въ кегли, называемыя здѣсь: *Воссі*; но въ самомъ дѣлѣ, ядра сіи суть принадлежности осадныхъ орудій Древнихъ, называемыхъ: балистами. Доселѣ еще въ праздникъ Вары прогуливаютъ по улицамъ два огромныя чучела, сидяція на лошадяхъ и изображающія Грифона и жену его.

Съ высоты сихъ развалинъ открывається самый очаровательный видъ на всю Мессину съ ея окрестностями, на проливъ и на Калабрію. Отсюда во всей красотѣ видно чудесное образование гавани. Какъ прелестно закругляется она по лазури моря. Взоръ узнаетъ древній *Занклѣ*. Самые большіе военные корабли споятъ въ совершенной безопасности почти у самаго берега; позади, цѣль Пелорскихъ горъ съ цвѣшущими роцями, восходитъ амфишапромъ. Сколько мифологическихъ и историческихъ воспоминаній оживляютъ это мѣсто! Сіи груды Пелорскихъ горъ взгромождены гигантомъ Оріономъ, члобъ оградить Сицилію отъ частыхъ наводненій яростнаго моря; онъ же соорудилъ здѣсь храмъ Нептуну (1), и помоществовалъ

---

(1) Diod. Sic. Lib. IV. — Hesiod. Theog.

Царю Занклу въ построеніи города. — Здѣсь странствующій Одиссей, занесенный бурей, шрепешаль нѣсколько дней сряду, въ страхъ бытъ поглотену чудовищами Сциллою и Харибдою, — и спасся единымъ покровительствомъ боговъ. Вошь по мѣсто, опъ коего Геленъ предосперегаль Энея. (1)

. . . Nimirum haec illa Charybdis;
Nos Helenus scopulos, haec saxa, horrenda canebat.
Eripite, o socii, pariterque insurgite remis. . . (2)

Глядя съ высотъ Пелора на Ипалію, — на сію страну славы, я невольно вспоминаю прагическое происшествіе во время Препорспва вѣроломнаго Верреса въ Сициліи. Сей извергъ велѣлъ распять Римскаго гражданина Гавія, нарочно на берегу Мессины, дабы умирающіе взоры его могли видѣть Ипалію, мѣсто своего жилища — и какое малое пространство раздѣляетъ свободу опъ рабства; — и чтобы Ипалія могла также видѣть одного изъ сыновъ своихъ умирающаго смертію рабовъ. Сей несчастный, среди терзаній, вопще съ благородною гордостью восклицалъ: „я гражданинъ Рима!“ думая обезоружить своихъ палачей (3).

---

(1) Virg. Aen. L. III. v. 410 — 13.

(2) Ubi supra v. 558 — 60.

(3) Cic. in Verr. L. V. Цицеронъ упоминаетъ въ семь мѣстъ о *Полупевольтъ пути*, находившемся за стѣнами Мессины, со стороны мыса Пелора: „сruent fixissent post urbem in *via Pompeia*.“

На конечности мыса Пелора, находятся три озера (*Pantani*) про кои рассказываетъ какія чудеса *Солитъ* и коимъ добродушный Фацелло такъ усердно вѣритъ; — по ихъ словамъ, рыбы сихъ озеръ и птицы живущія въ окрестныхъ кустарникахъ, сами отдаются въ руки охотниковъ; — но что воды другаго озера такъ страшны, что если кто опуститъ въ нихъ руку или ногу, то немедля они дѣлаются мертвыми. (*Solin: C. X.*) Фацелло присовокупляетъ къ сему: „*Solinus scribat, et nos exregiamur.*“ На семъ послѣднемъ озерѣ по свидѣтельству Солина былъ у Древнихъ сооруженъ жертвенникъ. Достоинно замѣчанія, что воды сихъ озеръ имѣютъ подземное сообщеніе съ моремъ. Зимомъ, одно изъ оныхъ сякнетъ. Въ нихъ родятся особенной красоты раковины. Находимые въ окрестностяхъ, остатки древнихъ стѣнъ и колоннъ, суть можетъ быть слѣды знаменитаго Храма Нептунова существовавшаго около сего мѣста.

Одна изъ любимыхъ загородныхъ прогулокъ Мессинезцевъ проложена вдоль морскаго берега до башни Фарросской. Дорога сюда идетъ у подошвъ Пелорскихъ холмовъ, осѣненныхъ рощами платановъ, лавровъ и апельсиновыхъ деревьевъ, среди коихъ видны по загородный домъ, по живописная сельская часовня, по хижина опшельника . . . Деревни *Ринго*, *Св. Стефана* и другія находятся на сей дорогѣ. Сію прогулку называютъ здѣсь *paradiso*, и. е. *рай*; но среди сего рая покажутъ вамъ слѣды развалившагося зданія, которое

простолюдимы называютъ: *адѣ*, (*l'inferno*): не знаю, отъ чего дано такое имя сему мѣсту; но вожапый мой увѣрялъ меня, что здѣсь являюшся по ночамъ духи, называемые *spiriti foletti*, созданные горячимъ воображеніемъ Мессинезцевъ. Но гораздо любопытнѣе видѣть на сей дорогѣ небольшое круглое зданіе, называемое *Madonna della grotta*, которое вѣроятно есть останокъ одного изъ древнихъ храмовъ; въ прилѣжащей къ оному скалѣ, видно нѣсколько выдѣланныхъ впадинъ для урнъ или спашуй. Вообще весь сей берегъ прелестенъ; онъ представляешъ самыя оспрадные убѣжища (1).

Возвращаясь съ сей прогулки, я былъ немало удивленъ, увидя на скалѣ одной горы, на самомъ берегу моря, сполпъ съ прибитыми вокругъ него человѣческими черепами; мнѣ объяснили это слѣдующимъ анекдотомъ:

Съ годъ тому назадъ, одинъ купеческій корабль, прибывшій изъ Іонійскихъ оспрововъ подъ Русскимъ флагомъ, споялъ на семь мѣстъ на якорѣ. Калабрійскіе разбойники, переплывъ ночью, на легкихъ сперонарахъ, Фаросскій проливъ, напали на спящій экипажъ и по слабому сопротивленію, завладѣли грузомъ и умерщвили всѣхъ людей. Довольно долго Правительство не могло опшкринить слѣдовъ убійцъ: ибо всѣ подозрѣнія падали на бе-

---

(1) Къ югу отъ Мессины, находится деревня, называемая *Gammari* или *Gatta*, и здѣшніе жители увѣряютъ, что названіе сіе происходитъ отъ имени Хама, сына Ноева!!

регоныхъ жипелей Сициліи; но Русскій Консулъ споль рѣшително пребовалъ удовлентворенія, чпо наконецъ по самымъ мелочнымъ розыскамъ, испина опкрылась чрезъ удивительный случай: одинъ изъ убійць поперялъ въ смятеніи свой башмакъ; щипно Правительство спаралось по сему слабому признаку искашь преступниковъ; всѣ окрестные башмачники не признавали сего башмака за свою работу; это подало поводъ распроспранить розыски на противулежащій берегъ Калабріи, — и наконецъ, одинъ масперовой города Реджіо узналъ свою работу и даже назвалъ того, кому онъ дѣлалъ башмакъ. Сей первый преступникъ былъ пойманъ и опкрылъ своихъ сообщниковъ; — ихъ-то черепы бѣлѣють шеперь на сѣмъ сполцѣ. Вопш непоспизимые пути Провидѣнія!

Г Л А В А XXXVII.

КАЛАБРИЙСКІЙ БЕРЕГЪ. — РЕДЖІО.

. . . Zancle quoque juncta fuisse
Dicitur Italiae, donec confinia pontus
Abstulit, et mediâ tellurem repulit undâ.
(*Ovid. Met. XV.*)

Возвратъ нашъ въ Неаполь былъ уже рѣшенъ; но я желалъ видѣть до отпѣзда своего, приливулежащій берегъ Калабріи, городъ Регіумъ и знаменитую Сциллу; — избравъ тихій день и попутный вѣтеръ, опплылъ я съ моимъ провожаемымъ на чепырехъ-весельной рыбацкѣй лодкѣ. Вспомоществуемые печеніемъ моря, мы съ чрезвычайной быстротой оставили берегъ Сициліи. По мѣрѣ, какъ великолѣпная Мессина утонула болѣе и болѣе въ лазоревыхъ волнахъ, горы Калабріи теряли синеву отдаленности, обозначались рощи одѣвающія ихъ скапы, прояснялся веселый видъ селеній. Съ середины пуши, я съ новымъ очарованіемъ увидѣлъ опять колоссальную громаду Эпны и чрезъ часъ съ чепвертью быстроты плаванья вошли мы въ гавань Регіума. Сей городъ есть одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Великой Греціи. Онъ назывался также въ нѣкоторыя времена *Phoebia*, (1) *Aschenaz*, (2) *Neptunia* и *Posidonia*;

(1) Strab. L. V, p. 258. — (2) Ios. L. I. c. VII

но имя: *Регіуль* есть древнѣйшее. Преданія самыхъ первыхъ вѣковъ, принятыя большею частью древнихъ Историковъ и Поэтовъ, (1) повѣствуютъ, что Италія соединена была некогда въ семь мѣстъ съ Сициліею, но что ужасное землетрясеніе, или усилія порывистаго моря, потрясавшаго безпрестанно съ двухъ сторонъ узкій перешеекъ земли, низпровергли оный съ городами, селеніями и жителями. Преданіе сіе изобразилъ *Виргилій*, въ великолѣпныхъ стихахъ:

Haec loca, vi quondam, et vastam convulsa ruinâ,
(Tantum aevi longinqua valet mutare vetustas!)
Dissiluisse ferunt, quum protenus utraque tellus
Una foret; venit medio vi pontus, et undis
Hesperium Siculo latus abscidit, arvaeque et urbis
Litore diductas angusto interluit aestu.

(*Virg. Aen. L. III. v. 414—19.*)

Одинъ, новѣйшихъ временъ Писатель, извѣстный въ ученостъ свѣтѣ, проспиралетъ свои догадки еще далѣе; (2) онъ даже опредѣляетъ эпоху сего важнаго происшествія, въ царствованіе Акаста, сына Эолова, возведеннаго Сикулами на пронтъ, когда Израильяне вышли изъ Египта. Онъ основывается на Эвстафійѣ, сохранившемъ сіе преданіе въ своихъ примѣчаніяхъ на *Діонисія Періэгета*. (3)

---

(1) Aesch. — *Virg. Aen. L. III.* — *Ovid. Metam. XV.* — *Silius Ital. XIV.* — *Val. Flac. I.* — *Claud. de raptu Proserp. I.* — *Stat. III.* — *P. Met. II.* — *Strab. VI.* — *Diod. Sic. IV.* — *Iustinus L. IV.* и проч.

(2) *Tanaq. Faber. l. I. epist. 14.*

(3) *Evstath. in Dion Perieget. Vers. 475.*

Этимология слова Регіумъ, ῥηγῖον, происходящее отъ ῥηξίς, ῥηγμα, *разрывъ*, или ῥηγῖνας, *разрывать*, много послужило къ утвержденію сего мнѣнія. Трудно кому-либо рѣшишь справедливоснь онаго; впрочемъ ужасныя землетрясенія, происшедшія здѣсь, дѣлають сіе предположеніе вѣроятнымъ.

Регіумъ основанъ около 668 л. до Р. Х., Греческою колоніею изъ Халциса, чпо въ Эвбеѣ. Граждане онаго приняли сначала Аристократическое правленіе; верховная власть была въ рукахъ 100 гражданъ. Безпорядки, происшедшіе въ правленіи, заставили ихъ современемъ принять мудрыя законы Харондаса Кашанейскаго. Эпоха эпоха ихъ блаженства и славы, продолжавшаяся до 592 г., когда пиранъ Діонисій I-й, взявъ городъ голодомъ, разрушилъ оный почти до основанія, умертвивъ большую часть жителей. Причина сего мщенія была слѣдующая: когда сей могущественный пиранъ послалъ просить себѣ у Регійцевъ въ замужество одну изъ дочерей ихъ гражданъ, они отвѣщивали, что кромѣ дочери палача, никого не могутъ предложить ему. Въ послѣдствіи, Діонисій обиталъ иногда въ Регіумѣ, гдѣ имѣлъ роскошный садъ. Онъ первый пересадилъ планшаны изъ Сициліи на землю Ипаліи (1).

---

(1) Plin. L. XII. c. 9. Геродотъ говоритъ, что въ Регіумѣ дѣлали удивительной легкости обуви и одѣвня — изъ шакъ называемой *рыбьей шерсти*, ш. с. изъ пѣского пуха, кошорый выросшасть на раковинахъ.

Здѣсь родились Историки: Гипіасъ и Ликусъ. — Гипіасъ жилъ въ царствованіе Дарія и Ксеркса (425 до Р. Х.) Онъ первый писалъ Исторію Сициліи и о происхожденіи народовъ Италіи. Ликусъ, отецъ поэта Ликофрона, жилъ во время Пшоломея Лага, въ 115 олимп. (320 л. до Р. Х.) Онъ написалъ исторію Ливіи и Сициліи.

Но главную славу Регіума составляютъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ Греческихъ Лириковъ, славный *Ивикъ*, процвѣшавшій за 552 года до Р. Х., въ прешій годъ 56-й Олимпіады, во время царствованія Креза, Царя Лидійскаго. Онъ былъ достойнымъ современникомъ Анакреона, и пѣлъ любовь и радость. Сей любимецъ Музъ, во время путешествіи своего въ Самось, былъ оспановленъ разбойниками и умерщвленъ. Разсказываютъ, что не находя спасенія отъ смерти, онъ обратилъ взоры на небо и увидѣвъ пролетающую стаю журавлей, угрожалъ убійцамъ, что пшицы сіи будутъ его опмстителями. Провидѣніе исполнило сіе предсказаніе. Однажды сіи самые убійцы, находясь на портовой площади Коринѳа, увидали пролетающихъ по воздуху журавлей: вопъ опмстители Ивика, сказалъ одинъ изъ нихъ другому, смѣючись. Нѣкто изъ предстоящихъ, услыша внезапно сіи слова и пораженный славнымъ именемъ Ивика, донесъ о шомъ Правительству; убійцы были схвачены, признали вину свою и получили достойное наказаніе. Любителямъ Поэзіи извѣстна прекрасная баллада Шиллера: *die Kraniche des Euboeus*, извлеченная изъ сего происшествія. Ивикъ осно-

валъ особый родъ поэзи, который назывался: Ивиновыми пѣснями, — и изобрѣлъ музыкальный инструментъ, *Самбуку*.

Вспуидъ въ Регіумъ, первый предметъ, представившійся мнѣ, была церковь правильной Италіанской архитектуры, на фронзонѣ коей сіяла Латинская надпись изъ дѣяній Апостоловъ: *Regium intervenimus*, *придохомъ въ Регіо*, — напоминающая единоедневное пребываніе здѣсь Св. Апостола Павла, приплывшаго изъ Сиракузъ, (1)

Идущая отъ сей церкви длинная улица, называемая; *il corso*, — правильна и красива; но это единственное украшеніе Регіума, который сохраняетъ ужасныя слѣды послѣдняго землетрясенія. Вездѣ груды развалинъ, улицы загромождены новыми матеріалами; вездѣ видны начатыя зданія близъ поверженныхъ; всѣ сіи предметы рождаютъ печальныя мысли о несчастіяхъ постигшихъ сіи прекрасные берега, Турки три раза превращали Регіумъ въ пепель.

Калабрійцы ни мало не похожи ни нравами, ни обычаями на Неаполитанцевъ; одна только страсть къ музыкѣ, пѣнію и пляскѣ, сближаетъ ихъ вмѣстѣ. Характеръ ихъ твердъ; а привѣпливость и гостепріимство ихъ, напоминаютъ то что говорится о нихъ Гораций. (2)

---

(1) Дьял. Анос, гл. послѣд., стр. 15.

(2) In Epist. — Я говорю здѣсь о городскихъ Калабрійцахъ; чтожь касается до народа, живущаго во внутренности сей страны, то онъ почти столь же дикъ, суровъ и необразованъ, какъ новооткрытые островитяне. Я буду вмѣстѣ случай говорить о немъ

Опслода видимо бываетъ во всей красотѣ знаменитое воздушное явленіе, называемое *Fata Morgana* (волшебница Моргана). Въ жаркіе дни пары, поднимающіеся изъ моря, образуютъ надъ берегомъ Мессины тонкій облачный покровъ и со-спацілюють въ атмосферѣ горизонтальныя призмьы, коихъ поверхность опражаетъ какъ въ зеркалѣ, земныя предметы. Вся Мессина съ башнями, садами и селеніями, ея окружающими, видѣется на воздухѣ. Это бываетъ по большей части за нѣсколько минутъ до восхожденія солнца, или въ полдень; явленіе продолжается до 10-ти минутъ; послѣ чего пары разрѣшаются и разносятся по воздуху. — Что касается до меня, то я долго сидѣлъ, въ ожиданіи сего явленія, въ одной прекрасной бесѣдкѣ, на набережной; день былъ чрезвычайно жарокъ; наконецъ я увидѣлъ нѣкоторое туманное сгущеніе въ атмосферѣ надъ Мессиною; туманъ сей принималъ постепенно опшѣнки различныхъ радужныхъ цвѣтовъ, кои наконецъ приняли споль яркій цвѣтъ, что зрѣлище сіе плѣняло меня нѣсколько минутъ; но не смотря на напряженныя силы моего воображенія, я не могъ различить ничего похожаго на земныя предметы; впрочемъ видимое мною удостовѣряетъ меня въ возможности сего явленія. Кромѣ свидѣтельства Плинія, Помпонія - Мелы и другихъ новѣйшихъ авторовъ и путешественниковъ, — изустныя увѣренія жителей Реджіо и Мессины должны по-

---

на возвращеніи пущи моемъ въ Неаполь, вдоль береговъ Калабрии.

колебать всякаго невѣрующаго. Бернарденъ де Сень-Пьеръ говоритъ, что знаменитый Вернепъ, его другъ, прогуливаясь однажды въ Аппенинахъ, увидѣлъ въ облакахъ чудесное образованіе города; онъ продолжалъ путь, слѣдуя румбу вѣтра, и вскорѣ пришелъ въ портъ городъ, коего призракъ онъ видѣлъ въ облакахъ. Тотъ же авторъ рассказываетъ, что онъ знавалъ на островѣ Иль-де-Франсе одного человека, который различалъ въ облакахъ отраженіе кораблей, плывущихъ въ море и предсказывалъ въ портъ прибытіе оныхъ. (1) Мы сказывали, что на островѣ Фавиньяно можно видѣть тоже самое зрѣлище.

---

(1) Harm. de la Nat.

Г Л А В А XXXVIII.

ОКРЕСТНОСТИ РЕДЖИО. — СИЦИЛЛА. — ОТПЛЫ- ТИЕ ИЗЪ СИЦИЛИИ,

E la bella Trinacria che caliga
Tra Pachino e Peloro sopra l' golfo
Che riceve da Euro maggior briga . . .

(*Dante, Par. VIII.*)

Я сказалъ, что внутренность города Реджіо печальна; но за то, какая природа въ его окрестностяхъ! Какое высокое понятіе даетъ объ Ипаліи сей входъ въ оную! Я употребилъ все время послѣ обѣда на прогулку¹, и провелъ почти весь вечеръ на крупизнѣ высокой горы, послѣдней изъ цѣпи Аппениновъ. Подъ ногами моими развѣвывалась долина столь живописная, столь роскошная, что едва-ли кисть пламеннаго художника выразитъ разнообразіе красотъ ея. Весь этотъ край составленъ изъ холмовъ и овраговъ, одѣтыхъ платанами, лимонными, лавровыми, апельсиновыми и шелковичными деревьями, разныхъ опшѣнокъ. Тихая рѣчка печетъ вдоль искривленныхъ береговъ, отражая нагнувшіяся деревья; она, по скрываея подъ ихъ густыми занавѣсами, по опять появляется, блестящая лучами солнца. Нѣсколько высокихъ пальмъ, помавая великолѣпными главами,

возвѣщаютъ блаженныя страны Юга. Нѣкоторыя изъ нихъ, распуція на берегу моря, прелестно рисуются по голубому полю водъ. Какъ прекрасенъ отсюда видъ Мессинскаго пролива! — Стысненный Италією и Сицилією, онъ примѣтно расширяется и образуетъ наконецъ Эгейское море, коего безпредѣльность сливается съ горизонтомъ,

Но взгляните теперь на Сицилію: какъ она великолѣпно вспааетъ изъ волнь! Запѣньте различныя оптѣнки синихъ горъ ея, копорыя, отходя далѣе и далѣе во глубь перспективы, увѣнчаны лазоревою громадою Эпны; она распилается огромнымъ щепромъ по всему оспрову; межъ пѣмъ, какъ клубы дыма выются изъ надъ-облачной вершины ея по нѣжному небу, Берегъ Мессины, менѣе отдаленный, позволяетъ различанъ бѣлющіяся зданія города, кои восходятъ амфишеанромъ по скапамъ многоороцнаго Пелора. Окриленные суда безпрестанно плаваютъ по морю, какъ лебеди; далѣе, выходятъ мало по-малу изъ безднъ, мачпы далекихъ кораблей. Взоры мои старались обнять вдругъ всѣ красоты сей карпины, и всегда невольно оспанадливались на дымящейся Эпнѣ; — я узнавалъ живописныя скалы Алессо и Таормины, угадывалъ роскошный берегъ Капани и вообще искалъ пустынныхъ холмовъ Сиракуз...

Нѣсколько хижинъ разбросано на лучшихъ пунктахъ сего ландшафта; — многія заросли виноградными лозами и плющемъ, выющимися по стѣнамъ и деревьямъ. Молодыя поселанки, въ бѣлыхъ

покрывалахъ, развѣваемыхъ легкимъ вѣтромъ, бродящъ, какъ нимфы, по роцамъ и лугамъ. Я хотѣлъ видѣть — и видѣлъ, не Калабрію, но *Великую Грецію*. (1) Идущій по пупи спарець, съ посохомъ въ рукахъ, казался мнѣ Ивикомъ, идущимъ съ вдохновеніями Аполлона, на знаменитыя Испмійскія игры,

Aus Regium, des Gottes voll

(Schiller.)

На другой день, я намѣревался на разсвѣтѣ отплыть изъ Реджіо въ Сциллу, чтобы ранѣе возвратиться въ Мессину; но городское правитель-ство заставило меня очень долго дожидаться моего паспорта: ибо нельзя, безъ свидѣтельства отъ каранпина, пристать даже изъ Мессины въ Реджіо и обратно. Наконецъ, въ 10 часовъ утра, съ крѣпкимъ вѣтромъ мы направились въ Сциллу. Проливъ начиналъ сильно бушевать; мы принуждены были спустить парусъ, и гребцы мои, проливяеъ съ большимъ трудомъ увлекающему печеню, держали къ самому краю оплогато берега, вдоль коего были расположены цѣлыя семей-ства рыбаковъ, съ своими мрежами. Приблизась къ устью небольшой рѣчки, я былъ прельщенъ не-обыкновенною красоюю одной дѣвушки, мывшей платье; трудно видѣть что-нибудь прелестнѣе сей юной Калабрійки: вѣперъ разбрасывала черную ея косу по бѣло-снѣжнымъ плечамъ; розы горѣли на ланипахъ:

---

(1) Древнее наименованіе Калабріи.

Ella tenea la vesta in su raccolta,
Per non bagnarla . . . . .
Per le spalle la chioma iva disciolta,
E l'aura le faccia lascivo assalto.
. . . . .
Ella volgea i begli occhi a terra in vano . . . (1)

(Ariosto. *Orl. f. c. VIII, ott. 36 — 37.*)

Я съ нею промѣнялъ столько словъ, сколько можно было проговорить съ пихо-плывунцей лодки, — и она мелькнула въ моихъ глазахъ, какъ Наюда, едва выплывшая изъ волнъ и плушь же исчезающая въ оныхъ.

Вскорѣ волненіе усилилось, море спрашно бушевало опъ порывистаго вѣтра, и черныя скалы Сциллы предстали мнѣ въ самомъ ужасномъ видѣ, какъ бы нарочно для пого, чпобъ я могъ ихъ свѣрить съ грознымъ описаніемъ Гомера. Главная скала, возвышенная болѣе, нежели на 500 поазовъ, вдалась въ море и образуеть мысъ; вокругъ нея разсѣяно нѣсколько мѣлкихъ утесовъ, коихъ черныя уродливыя верхи, выходя изъ безпреспанно-пѣнящихся волнъ, въ самомъ дѣлѣ похожи на чудовищъ; они-то супъ главы псовъ, соспавляющія поясъ алчной Сциллы; — ужасный

---

(1) Одежду опъ воды она
Тихонько подбираеть;
Коса вокругъ плечь распушена
И съ пей Зефиръ играеть . . .
Вопще, стыдливая, къ землѣ
Склоняеть свшлы очи, —
Они прозрачныхъ струй въ стеклѣ
Блесшяеть, какъ звезды ночи . . .

ревъ ударяющаго объ нихъ моря, выражаешъ лай сихъ жадныхъ живописныхъ. — Когда мы входили въ опасную пристань Сциллы, по буря увеличилась; ни одно судно и ни одинъ корабль не дерзали тогда показываться вблизи опшуда. Въ такіе часы, Сцилла равно опасна, какъ и во времена Гомера. Мы сами начинали беспокоиться, хотя ужё и были въ пристани, копорая нѣсколько защищена отъ порывовъ моря, самую скалою Сциллы; но не менѣе того, мафрозы медлили приблизиться къ землѣ, боясь, чпобъ разбивающіяся волны не разрушили нашей лодки — и равно опасались опдалишься. Въ семь недоумѣніи, хлынувшая волна все рѣшила; она бросила насъ далеко на песокъ и съ ревомъ опспунила, оставя насъ съ опрокинутой лодкой. Мы всѣ поблагодарили сію грозную, но услужливую волну, и съ большою радостью увидѣли себя на пвердой землѣ, ускользнувшихъ изъ когтей Сциллы.

Опдохнувъ нѣсколько на низменномъ берегу и осушась въ одномъ изъ рыбацкихъ домовъ, шупъ построенныхъ, я поспѣшилъ осмопрѣть городъ Сциллу, ознаменованный сполькими несчастіями. Городъ сей построенъ весьма живописно; онъ одѣвается весь скапъ грозной скалы, коей мрачная вершина увѣчана укрѣпленнымъ замкомъ, съ малкомъ. Большая бѣдность видна во внушренности города; по крупнымъ, узкимъ и неопряшнымъ улицамъ достигъ я наконецъ замка, коего спража соспоншь изъ пяши или шеспи инвалидовъ, при двухъ или прехъ чугунныхъ пушкахъ. На самой

конечности скалы, нависшей надъ моремъ, сооруженъ памятникъ одному офицеру, погибшему здѣсь отъ землетрясенія: онъ напоминаетъ гробницы или саркофаги древнихъ героевъ, воздвигаемые на высокихъ берегахъ моря и привѣшпвуемые клипами мимо-плывущихъ мореходцевъ. Но сей полуразрушенный замокъ являютъ ужасные слѣды землетрясенія 1783 года 5 Февраля, одѣвнаго на долгое время глубокимъ прауромъ цвѣшущіе берега Калабріи и Мессины. Такъ какъ землетрясеніе сіе есть одно изъ ужаснѣйшихъ, я постараюсь начертать оное.

Нѣсколько часовъ прежде перваго удара, предвѣспника гнѣва небесъ, тусклая занавѣса знойныхъ паровъ одѣла вѣчно-ясное небо Сициліи, и тяжкій запахъ сѣры наполнилъ атмосферу. Толпаціяся спай псовъ, спекались на берегъ бушующаго моря и наполняли воздухъ страшными завываніями. Ртуть въ барометрѣ начала быстро двигаться, и магнитная стрѣлка, забывъ вѣчное повиновеніе полюсу, пришла въ безпорядочное круженіе. Вздригнули сердца людей отъ сихъ несомнѣнныхъ признаковъ ихъ бѣдспвія. Мессина сдѣлалась начальною жертвою. Съ первымъ ударомъ разразившимся въ нѣдрахъ земли, лучшая часть города, съ страшнымъ прескомъ, пала внезапно во прахъ — и покрыла своими развалинами болѣе осьми-сотъ человекъ, которые еще не знали грозящей имъ судьбы! Вопли и клики пораженныхъ сяюль нежданымъ бѣдспвіемъ жипелей, споны умирающихъ, самовольный звонъ пошрясенныхъ

колоколовъ, какъ бы возвѣщающихъ послѣдній день, (1) огласили вдругъ окрестности Мессины и достигли чрезъ ревущій проливъ, до испуганнаго слуха Калабрийцевъ. Устрашенный народъ спремился волнами изъ всѣхъ воротъ города, оставляя свои дома и сокровища . . . Бѣдныя матери! бѣдные супруги! кто выразитъ мѣру вашихъ несчастій? Ваша нѣжность удвоивала оныя для васъ и ускоряла вашу гибель! Но опустимъ занавѣсу на сіе неспершимое зрѣлище! Въ самое сіе время заревѣла ужасная буря, — подземные удары, раздирающіе землю, не прерывались опъ полудня до 5-ти часовъ, разрушая пышную Мессину. Въ продолженіе почти двухъ мѣсяцевъ несчастные Мессинезцы, скинаясь подъ открытымъ небомъ въ долинахъ и горахъ Пелора, были ежедневными свидѣтелями поспешнаго разрушенія своего города, межъ тѣмъ какъ въ Калабріи, четырнадцать городовъ и около двухъ сотъ селеній испытывали почти ту-же участь. . . Но 28-й день Марта довершилъ гибель Мессины и повергнулъ въ бездну золь Сциллу. Перенесемъ теперь туда:

Злосчастные жилили Сциллы, видя ужасную скалу свою попрысенною въ основаніи, видя падающія съ ея ребръ зданія въ бездны моря, искали приспанища на низменномъ берегу. Переселясь на суда съ измѣняющей имъ земли, они доврѣлись свирѣпой стихіи. Съ наступившей ночью, пред-

---

(1) . . . Aeternam timuerunt saccula noctem.

(Virg. Georg. L. I.)

вѣстницею мрака смерти для многихъ, — одна часть скалы пала съ громовымъ прескомъ въ волны. Это было пагубное знаменіе для раздора стихій, Опхлынувшее и возмущенное въ своихъ глубинахъ море, образовавъ водяную гору, обрушилось на спонущій берегъ и въ одно мгновеніе около полуторы тысячи несчастныхъ, довѣрившихся въ шепетѣ безчувственнымъ волнамъ, увлечены были съ судами въ морскія бездны... Тогда сіе мѣсто земнаго шара представляло такое зрѣлище, отъ коего опказывается воображеніе! Казалось, что нѣкая комета налетѣвъ на земный шаръ, превратила его существованіе въ первобытный хаосъ. Море оставило предѣлы свои и вадываясь на немовѣрную высоту, обрушивалось на разсупающуюся землю и проникало въ средину ея областей. Нѣсколько кораблей, спощихъ даже въ гавани, пошли на дно! Сколько жернивъ поглотила въ сей день ожесточившаяся Природа!

И ты прекрасная Косима, и ты Проперцій, (1) великодушный юноша; милая чета, коихъ любовь должношвовала бытъ на другой день увѣнчана свѣплымъ Гименеемъ, — и вы погибли въ сіи, часы гнѣва небснаго! Ужасная волна увлекала уже шепещущую Косиму съ наводненнаго берега, въ то время, какъ можетъ бытъ, имя Проперція замирало на устахъ ея; но въ поже мгновеніе опчаянный юноша, примчавшійся быстрѣе молніи на

---

(1) Имена сіи не вымышлены.

спасеніе своей милой , держаль уже ее въ своихъ объятіяхъ, съ тѣмъ , чтобы перенести ее на ближнюю ладью: какъ вдругъ огромнѣйшій прежняго валъ, смыль ихъ съ берега и бросиль на одну изъ острыхъ подводныхъ скалъ Сицилы. Вся сила удара поразила Проперція; едва опамятовавшаяся Кюсима, увидѣла уже въ своихъ объятіяхъ одинъ только прущъ; — движимая любовью и отчаяньемъ и увѣрившись въ его смерти, она развязала свой дѣвственный поясъ и привязавъ себя къ милому прущу, поверглась въ пучину. . .

Въ сіи дни ужаса , Эяна, скрывая причина всѣхъ злосчастій, хранила адское молчаніе. Землетрясенія болѣе или менѣе сильныя, продолжались до конца Маія, то есть , почти четыре мѣсяца ; по окончаніи оныхъ, долины Калабріи и Мессины представляли самую поразительную картину опустошенія , коего слѣды до сихъ поръ еще не совсѣмъ изгладились ; — безмолвіе смерти водворилось въ сей странѣ , лишившейся почти сорока тысячъ жителей. Города, селенія, скалы, лѣса, лежали поверженные въ грудяхъ; глубокія прецины раздирали землю; — вѣковѣчный гранитъ, погребенный въ ея нѣдрахъ отъ начала міра, увидѣль свѣтъ; а топъ, который былъ свидѣтелемъ разцвѣтающей земли, — низвергся на всегда на дно морскихъ пропастей!

Должно отдать справедливую похвалу Неаполианскому Правительству за человеколюбивыя мѣры, принятыя тогда онымъ для облегченія

участи осиротѣлыхъ жителей Калабріи и Мессины — и за быстрое возобновленіе сего города.

Я принужденъ былъ, по причинѣ бури, оспаться въ Сциллѣ до вечера. Хотя тогда непогода и утихла, но море еще не успокоилось и волненіе было сильно. Просьбы мажоровъ возвратиться въ Мессину, рѣшили меня. Желая въ послѣдній разъ взглянуть на свирѣпыхъ псовъ Сциллы, я обѣхалъ кругомъ грозный мысъ, и хопѣлъ, презирая гнѣвъ чудовища, выдти на одну изъ подводныхъ скалъ, но свирѣпая Сцилла не допустила меня до сего. Волненіе было слишкомъ велико, чпобъ можно было пристать къ нимъ безъ опасности; ревъ разбивающихся волнъ оглушалъ насъ; но опасаясь подвергаться долѣ мстительному чудовищу, — мы подвязали парусъ и быстро направились въ Сицилію къ бѣлѣющей Фаросской башнѣ. Не безъ опасности были опрокинуты волнами, вошли мы наконецъ, черезъ часъ плаванія, въ тихую гавань Мессины, которая разительнo противурѣчила безпокойствію моря. Мы вышли близъ одной части великолѣпнаго зданія Палацаты, сохранившейся еще въ томъ ужасномъ видѣ, въ какой ее привело землетрясеніе. Съ сумерками, былъ я уже въ своей гостинницѣ, гдѣ ожидали меня мой товарищъ и любезный нашъ Консулъ, съ коими я скоро забылъ усталость и опасность конченнаго мною плаванія.

Межь тѣмъ день отплытія нашего изъ Сициліи былъ назначенъ; по совѣту нашего Консула, мы наняли большую сперонару съ искусными моряками, для возврата въ Неаполь вдоль береговъ

Калабрії. Опытность Мессинезцевъ въ мореплаваніи, ручалась намъ за успѣхъ сего пупи. Сверхъ того, желая бытъ хозяевами нашего судна и поспѣшить Эоловы острова, мы рѣшились предпочесть сперонару купеческому кораблю.

Мы оснавили Сицилію въ прекрасный вечеръ; но едва приблизились къ Фаросу, какъ сгустившіяся пучи надъ черными верьхами Сциллы, возвѣсили бурю. Мореходцы наши, хопя весьма дерзкіе, не дерзнули подвергаться въ темноѣ ночи невѣрности сихъ спрашныхъ водъ: и для того, мы провели ночь подъ защишою песчаного мыса Пелора, внимая вой разбѣренной Сциллы. Съ разсвѣтомъ буря утихла, и мы на всѣхъ парусахъ полетѣли по направленію къ Калабрійскому мысу *Ватикано*. По мѣрѣ, какъ берега Сициліи бѣжали отъ глазъ моихъ, великолѣпная Этна съ дымящимся челомъ своимъ, одѣшая пусклою синевою, начинала болѣе и болѣе возноситься надъ гористымъ островомъ. Прощальные взоры мои долго устремлены были на исчезающія берега Тринакріи! . . .

Пирръ, отплывая изъ Сициліи, воскликнулъ гляди на сей прекрасный островъ: „какое роскошное поприще войны оставляемъ мы Карфагенцамъ и Римлянамъ!“ А я думалъ про себя: „съ какою природою распаюсь я! — съ какими вдохновеніями!“

К О Н Е Ц Ъ.

П О Г Р Ъ Ш Н О С Т И

1-й Ч А С Т И.

Напечатано :

Читай :

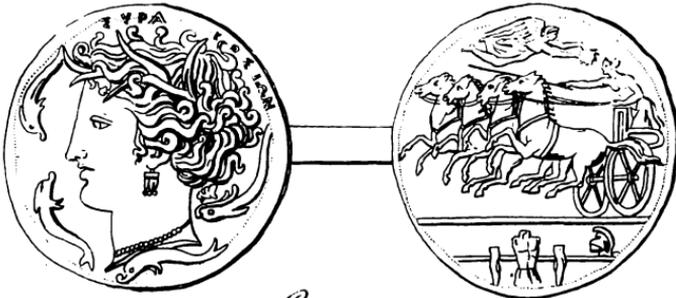
<i>Страни. — Стр.</i>		
24 — 4.	собственныя своа	собственныя ея
73 — 8.	бенегъ	берегъ
103 — 15.	разсѣкающъ	раздиралощъ
134 — 25.	красотъ	красота
153 — 28.	ребрамъ,	скациамъ
158 — 3.	<i>термакъ</i>	<i>термакъ</i>
194 — 16.	ребрахъ	спѣнахъ
210 — 23.	<i>Vivat il Reclā</i>	<i>Vivat il Re e Ia</i>
213 — 21.	осталась	пробыла
240 — 28.	гуознал	грозная
— — 29.	<i>sedes.</i>	<i>sedes</i>
242 — 8.	<i>la evuц</i>	<i>laevum</i>

II-й Ч А С Т И.

9 — 28.	Венеръ,	Св. Венеръ,
15 — 3.	<i>doye</i>	<i>dove</i>
51 — 10.	на западъ	на югъ
54 — 14.	называющъ здѣсь весьма странно :	называющъ :
— — 16.	<i>кроватля.сѣ</i>	<i>ложакъ</i> (1.)
66 — 19.	въ анмосферъ;	въ анмосферъ;
222 — 9.	вниманія.	вниманія.

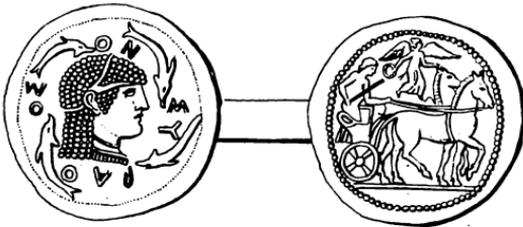
(1) См. § 33. Изъясненія плана Сиракузъ.

Сиракызб.

Сиракызб.

Македона.

